

РУСАЛОЧЬЯ УДАЧА

часть 1

НАЛИЯ
РУБЦОВА

Священники Пресветлого Финиста учат, что русалки — злые речные духи, призраки утопленниц, которые заманивают в воду и топят честных поселян. Да и не осталось русалок в Венцеземье, всех убили во времена царствования Андрия Богонравного, строившего церкви и уничтожавшего нежить...

Только Горислава, девушка со змеиной кровью в жилах и богатырской силушкой, предпочитает верить собственным глазам, а не рассказам попов: её из реки спасла самая настоящая русалка по имени Купава. Желая отдать долг, Горислава берётся отвести девушку к озеру Белояр, к древнему русалочьему святилищу — но ни одна из них даже не подозревает, куда их заведут извилистые лесные дороги.

Луна — это русалочье солнце.

Когда в полнолуние она серебряным рублём повисает на небе, речная нежить поднимается из водной глубины. Русалки смеются, подставляя бледные лица под лунный свет, качаются на ветвях ив, танцуют на берегу в венках из кувшинок.

Та из них, что звала себя Купавой, любила полнолуния всем сердцем. И каждый раз, выныривая и улыбаясь полной луне, она плыла к одному и тому же обрывистому берегу. Берег как берег — рыжий песок да высокая трава, покачивающаяся сверху. Но для неё это место было особенным.

Ведь именно тут она умерла.

Она помнила... Боль, кто-то надрывно стонал — наверное, она сама — её подтащили к обрыву и столкнули вниз... Вода обняла её, нежно-нежно, боль ушла, и пришёл покой.

Русалка не знала, сколько лет она дремала на дне, пока в полнолуние, ещё не до конца проснувшись, вынырнула навстречу русалочьему солнцу.

С тех пор, стоило луне расползнуться, она в первую очередь плыла к обрыву, смотрела на обрывистый берег и вспоминала свою смерть. Воспоминания были окрашены болью и страхом — и всё же они были для неё ценнее всего.

Потому что смерть была единственным, что она помнила из своей жизни.

Русалочья улыбка. Часть 1

Там, где русалка пройдёт, трава зеленой растёт.

Кровь из разбитой брови капала на желтоватую глину дорожки, пока Гориславу волокли к реке.

— Ведьма! Змеиная ведьма! — её толкнули в спину, и она упала, врезавшись коленями в землю.

— Я тебя выпотрошу, — прохрипела она в ответ. Болело всё, особенно голова — получила по лбу обухом топора. Избили её от души. Верёвки врезались в руки.

— Давайте кончать её! — испуганно заскулили за спиной. — Или хотя бы рот заткнём! Проклянет ведь!

— Не проклянет, — их предводитель схватил её за шиворот и поставил на ноги. — Силёнок не хватит. Она ведь так, змеёныш... Верно я говорю? — он ухмыльнулся, подтащив её к обрыву. — Давай. Последние слова.

Горислава молчала несколько мгновений — а потом обернулась и что оставалось сил плюнула ему кровью в лицо. Всё равно умирать, чего уж. Лучше быстро, а то ещё решат её трахнуть перед тем, как утопить.

— Сука! — взвыл вожак и оттолкнул её.

Полёт был недолгим: мелькнул берег, ночное небо, а потом её обняла вода великой Рóсы-реки. Тогда Горислава закрыла глаза.

Она почему-то вспомнила, как прощалась с матерью.

В тот день она тщательно собирала заплечную сумку. Несколько рубах, одна с расшитым воротом, запасные портки. Повертела в руках единственную понёву [1] — и отбросила. Там, куда она отправляется, понёва ей не пригодится. Ложка, кружка, кремь с огнивом. Долго собиралась — в глубине души надеялась, что передумает, что мать её остановит. Но та не замечала её: как всегда, сидела в углу, согнувшись над прялкой и подслеповато щурясь.

Горислава надела сапоги. Хорошие сапоги — на них она потратила почти все деньги, выигранные в кулачных боях на последней ярмарке. Связала волосы — слишком короткие для девицы, слишком длинные для юноши — в пучок на затылке. Чтобы в глаза не лезли. Повесила на пояс нож, накинула на плечи плащ. Напоследок кинула взгляд в медное зеркало. На неё оттуда, как и всегда, смотрела скуластая девушка с чернющими волосами, глазами узкими и жёлтыми, как у кошки. Зрачок тоже кошачий, щёлочкой.

Нелюдь. Ребёнок человека и змея, жителя восходных степей.

— Я ухожу, мама, — сказала, остановившись у порога.

Не оглядываясь, мать кивнула. Горислава сглотнула, давя непрошеную слезу.

— Я ведь... Не погулять ухожу, — уточнила она. — А насовсем. Из города. Я в Порубежье ухожу.

Мать обернулась. В её тёмно-русых волосах белела седина. Больше, чем даже год назад. А ведь она не такая уж и старая...

— Что ж. Думаю, это лучший выход для тебя, — сказала она.

— Я ведь могу и не вернуться, — произнесла Горислава. Она, конечно, не ждала, что

мать попытается её удержать, но хоть обнять на прощанье...

— Горе ты моё, горюшко, — произнесла мать с неожиданной нежностью, и её глаза блеснули. — Гореславушка. Я не выжила из ума. Понимаю. Но тут ты сложишь голову куда быстрее. Обвинят в колдовстве да потопят в Роси. А в Порубежье тебе может и найдётся место... Подойди.

Мать сняла с шеи лунницу — медный оберег в виде полумесяца рогами вниз и надела на шею обмершей Гориславе.

— Вот тебе на дорогу. Хотя не думаю, что она тебе чем-то поможет, — ухмылка женщины была кривой и бесцветной. — Амулеты, образки — в них нет силы без веры. А я уже давно не верю. Если боги и были когда-то, то они давно уже мертвы. Не трать время на молитвы им. Уходи не и не оглядывайся, — она резко отвернулась от Гориславы, готовой броситься ей на шею.

Горислава развернулась, глотая слёзы, и вышла за порог.

Не оглянулась.

«Горе, Горюшко...» — вот уж права была мать, ой как права. Какой же короткой и глупой вышла у неё жизнь. Теперь магушка Роса будет ей могилой, холодное течение расчешет её волосы, рыбы будут справлять по ней тризну. Сдохнет так же, как родилась — глупо и позорно.

«Нет... Нет... Я не хочу, я не могу... Мне ещё...»

Ведь ей и шестнадцати вёсен ещё нет!

«...Я ещё не нашла своего отца. И не убила его... Богиня, помоги мне!»

Но свет уже померк в глазах.

И тут чьи-то холодные руки схватили её.

Горислава никогда не целовалась. Зачем? От поцелуев легко перейти ко всему ко прочему, а это для девок кончается позором, вымазанным дёгтем воротами и растущим пузом. Плодить змееглазых выроdkов Горислава не желала, да и та морковка, что моталась у мужиков ниже пуза, у неё ничего кроме отвращения не вызывала.

Так что когда чужие губы прижались к её губам, она даже не сразу поняла, что происходит. А потом стала понимать ещё меньше — вздохнуть она по-прежнему не могла, но почему-то ей этого больше не хотелось. Сознание мгновенно прояснилось, и изо всех — внезапно вновь появившихся — сил Горислава отпрянула от той, что её целовала.

Холодные руки отпустили её, и отлетев на пару сажений, змеиня коснулась босыми ногами дна, илистого песка. Вокруг была мутная вода без единого проблеска света, но всё же она почему-то видела ясно, как днём. Ковёр зелёно-коричневых водорослей, покрывающий дно. Полусгнившие остатки лодки. И... Девушку прямо перед ней.

Течение колыхало русые волосы незнакомки и полы одеяния — простой белой рубахи до пят, неперепоюсанной, с широкими рукавами. Глаза — зелёные, как ряска в пруду, отороченные пушистыми ресницами — озорно и живо блестели, а губы были растянуты в широкой улыбке, которая совсем не сочеталась с изллена бледной, бескровной кожей.

«Отвали!» — попыталась сказать Горислава, но не смогла: в груди не было ни капли воздуха, и она могла лишь открывать и закрывать рот как рыба, выброшенная на сушу (смешно!). Лукаво подмигнув, незнакомка прижала палец к губам. На запястье свободно болтался браслет из мутного беловато-жёлтого стекла, тускло поблёскивая под водой.

Незнакомка заплыла ей за спину — двигалась она легко и непринуждённо, даже не гребла, словно летала — и принялась распутывать верёвки. Горислава только и могла, что ошеломлённо глазеть перед собой. Богиня, Матерь Финиста, Пресветлого Сокола в кои-то веки услышала её предсмертную молитву и решила сотворить чудо?

Как такое может быть, если все боги мертвы?!

В конце концов незнакомке удалось распутать узлы, и руки Гориславы стали свободны. Оттолкнув верёвки в сторону, незнакомка с улыбкой протянула руку. Горислава взяла ладонь — холоднее, чем у обычных людей, но совсем не ледяную — без раздумий.

В конце концов, что ей терять?

Оттолкнувшись от дна ногами, девушка легко повлекла Гориславу за собой. Волосы незнакомки щекотали щёку Гориславы. Всё было похоже на какой-то странный сон — ни жжения в груди, ни боли от побоев, да и мысли в голове шевелились медленно-медленно.

Дно Росы вздыбилось горой, и незнакомка уверенно потянула змеиную наверх. Они вынырнули у самого берега, и девушка буквально выволокла Гориславу к покрывавшим его кустам. И вовремя: лютая боль во всём теле вернулась, а вместе с ней удушье. Змеиня упала на колени, кашляя и выплёвывая воду. Наконец ей удалось вздохнуть, но голова от этого закружилась ещё больше. Горислава попыталась встать, вцепившись ногтями в ствол дерева, но ноги ей отказали. Влажная земля ударила в щёку.

Последнее, что она видела — бледное лицо незнакомки, склонившейся над ней.

— Ты... Ведь... — прохрипела змеиня, силясь сфокусировать взгляд на расплывающемся лице. — ...Русалка?

А затем потеряла сознание.

[1] Верхняя шерстяная юбка, сшитая из трёх ярких разноцветных клиньев с разным узором. Могла быть распашной — не зашиваться с одного боку, в этом случае удерживалась с помощью пояска. Надевалась поверх длинной нижней рубахи. Понёву девушку носили с 15–16 лет. Это был знак того, что девушка готова к женитьбе и можно посылать сватов.

Русалочья улыбка. Часть 2

Ещё не открыв глаза, Горислава поняла, что лежит на чём-то мягком. Не перина, но... Солома? Да. Точно, солома.

Змеиня медленно открыла глаза и поняла, что лежит на полу полутёмного круглого помещения без окон. Единственным источником света было светящееся небо в дверном проёме, лишённом двери. Где-то за стеной квакали лягушки и чирикали птицы. Тянуло холодом и пахло рекой. Коснувшись рукой лба, Горислава поняла, что голова у неё перевязана.

Медленно, чтобы не потерять сознание опять, девушка села; покрывало съехало на колени, открывая обнажённую грудь. Некоторое время змеиня тупо пялилась на свой пупок, осознавая, что она полностью голая, не считая лунницы на шее и синяков по всему телу.

«Что за...?»

Сжав руками ноющую голову, Горислава принялась вспоминать, что произошло с ней вчера.

Она заплутала, и уже в ночи вышла к придорожной корчме. Та ей сразу не понравилось — потолок низкий, воняет, местные тарашатся откровенно недружелюбно — но ночевать снаружи не хотелось. Ночлег в комнате корчмарь ей дать отказались, разрешил поспать в сарае. Взгляд корчмаря — холодный, изучающий — ей понравился ещё меньше. Дурища! Нужно было сразу уносить ноги из этого разбойничьего притона — но она самонадеянно решила, что сможет справиться с неприятностями.

Не справилась. Пусть спала, положив руку на рукоять ножа. На неё накинута во сне, кажется, одного из падавших она успела порезать, но их было слишком много... Пять... Шесть? Удар по лбу обухом топора свалил её с ног, а дальше они от души её отлупили. Пришла в себя она только когда разбойники волокли её к реке.

Почему к реке, почему на месте не прибили? Чёрт знает! Наверное, обычай у них такой: ведём в реке топить.

Ведём. Горислава зарычала сквозь сжатые зубы. Конечно, то, что девчонка, защищаясь, расшвыряла мужиков вдвое больше неё, стало несомненным доказательством — тут замешана чёрная ворожба, и эта девчонка заслуживает смерти!

Она вскочила, переполненная яростью. Голова закружилась, и пришлось опереться рукой о стену.

— Я их убью... — прохрипела она. — Убью, убью, убью...

Всё, что она хотела — это просто поест и передохнуть, не привлекая внимания. Она не собиралась причинять им вред! Колдовать сроду не умела. А то, что сила у неё, как у здорового мужика — что с того? Разве это колдовство?!

Опустошённая, Горислава медленно опустилась на лежанку. Что толку злиться и оправдываться: пора бы привыкнуть, что её первой винят во всех грехах, не разбираясь, кто первый начал. Хотя разбойники эти не из-за жёлтых глаз её ограбили, а потому что посчитали, что с неё есть что взять. Они забрали все её пожитки, оставив только одежду и материну лунницу на шее. Больше всего было жалко сапоги. И посеребрённый боевой нож, подарок Велимира — её главное сокровище...

Горислава спрятала лицо в руках. Ей хотелось заплакать, но она себе не позволила. Плачут слабачки. Она сильная. Она не сдастся. Поэтому хрипло перевела дыхание, пинками

загоняя отчаяние куда поглубже, и заставляя себя сосредоточиться на хорошем.

Она выжила. Чёрт побери, она выжила! Чудом, ибо о русалках в этих землях уже давно никто не слышал, с тех пор как их всех перебили по приказу царя Андрия Богонравного: чудом вдвойне, потому что о речных девках, которые топят людей, говорили куда чаще, чем о спасительницах. А раз выжила, значит, ещё сможет выпустить кишки своим врагам, пусть пока и не знает, как.

Для начала следовало разобраться, куда делась её одежда.

Оглядевшись, Горислава поняла, что находится на заброшенной мельнице: в сумраке угадывался неподвижный жернов, и полусгнившая лестница, ведущая на второй этаж. Вместе с тем, кто-то неумело попытался обжить эти руины. Мусор оттащили к стенам, соорудили соломенную лежанку у стены, сложили из камней немудрёный очаг. В углу стояла посуда для муки, на которую сверху было положено несколько досок — замена столу.

Своих вещей змеиня нигде не увидела.

Взглянув на то, чем была накрыта, Горислава поняла, что это сорочка — старая, рваная, но чистая. Она быстро натянула её на себя, не из стыдливости, но из желания почувствовать хоть сколько-то защищённой. Одного рукава, как и значительного куска подола, у сорочки не хватало. Похоже, именно оторванные куски пошли на перевязку головы.

Прихрамывая — бок ныл, видимо, пару рёбер ей всё-таки сломали — Горислава вышла наружу. Восходящее солнце блеснуло из-за деревьев — заброшенную мельницу окружал сумрачный лес. Похоже, прошло несколько лет после того как люди прекратили захаживать в эти места: молодая поросль уже начала затягивать пологий берег, спускавшийся к тихой заводи. Мельничное колесо почернело и практически сгнило. Мимо неторопливо волочил воду заросший камышом приток реки Росы, покачивая кувшинки у берега.

Наконец-то Горислава увидела свою одежду: та была аккуратно развешана на ветках дерева неподалёку от реки, и была ещё влажной. Несмотря на это, змеиня схватила её и принялась натягивать на себя, шипя от боли в избитом теле.

Ничего. Не в первый и не в последний раз. Заживёт. Всегда заживало.

В озере плеснула рыба; вздрогнув и непроизвольно потянувшись к ножу на поясе (которого не было, как и пояса), Горислава подняла голову — и встретилась глазами с русалкой. Та стояла на листке кувшинки, который лишь чуть осел под её весом. Теперь змеиня смогла разглядеть свою спасительницу полностью, от тощих бледных щиколоток, торчащих из-под подола белой сорочки, до длинных влажных волос, сохших на глазах. На вид русалке было столько же, сколько и Гориславе, может, чуть поменьше, но она была хрупко сложена и уже в плечах. Сейчас, лучах рассветного солнца русалка почему-то казалась менее бледной, чем под водой, и мало напоминала нежить. Ни дать ни взять обычная девица, у которой шутники-мальчишки стащили всю одежду кроме нижней рубахи, пока она купалась.

Или хорошо отмытая деревенская дурочка.

Горислава замешкалась, не зная, что сказать спасительнице. Что она, чёрт побери, вообще знает о русалках? Священники Пресветлого Финиста учили, что русалки — это нежить, в которую превращаются девушки, утопившиеся или утонувшие в реке. Если при жизни они были добры — то становятся просто несчастными потерянными душами, если злы — то хищными, злобными чудовищами. Когда-то невежественные язычники поклонялись им как речным богам и даже отдавали реке своих детей — топили, проще

говоря. Но после царя Андрия Богонравного их в Сиверии почти не осталось, хоть до сих пор рассказывали истории вроде «Сам я не видел, но вот мой двоюродный брат один раз, когда выпил, ну, всего ничего, проходил мимо реки...».

Пока Горислава думала, русалка заговорила первой.

— Ты пришла в себя! Хорошо. И не испугалась меня! — на лице девушки расплылась улыбка. Рот у неё был широкий, лягушачий какой-то, но круглое лицо всё равно было очень милым. На щеках появились ямочки, как у ребёнка. — Вот, я тебе поесть принесла.

Она протянула горстку чёрных колючих катышков, напоминающих цеплючие семена какого-то растения, только размером с крупную земляничину. Приглядевшись, Горислава узнала чилим — водный орех, которым приходилось лакомиться пару раз.

Ступая по листьям кувшинок, русалка вышла на берег, и, присев на ствол упавшего дерев, принялась ловко расковырять обломком камня скорлупу водяного ореха. Горислава присела рядом, приняла у русалки белое ядрышко и невольно остановилась взглядом на её руках. Под водой змеине это показалось игрой теней, но теперь было видно ясно: на запястьях девушки чернели синяки. Сомнений нет, их оставили крепко затянутые верёвки — у змеини сейчас самой руки были не лучше... А ещё лицо, живот, да и вообще выглядела она более дохлой, чем нежить, что сидела рядом с ней.

— Как тебя зовут? — спросила русалка, протягивая очередной орех.

— Горислава, — буркнула девушка.

— А меня Купава.

— У нас так кувшинки бабы называли, — сказала Горислава с полным орехов ртом.

— Ха-ха, да! — Купава заправила за ухо локон и подмигнула. — Я потому так себя и назвала. Они живут в воде, я живу в воде, они красивые, я ещё красивее!

— Ты спасла меня. Спасибо, — сказать слова благодарности Гориславе было неожиданно трудно. Наверное потому что это значило признать собственную слабость перед такой хрупкой девицей.

— Хах, не стоит благодарности, это было не сложно! Я живу там, под обрывом, и решила, что мне пока соседок не надо, — Купава беззаботно рассмеялась. — Тем более что этот обрыв — место моей и только моей смерти, не хочу его ни с кем делить.

Горислава чуть не поперхнулась орехом.

— Что? Тебе противно сидеть рядом с мертвячкой? — русалка истолковала это по-своему. — Так и скажи, чай не обижусь.

— Нет, — Горислава проглотила орех. — Не противно. Просто ты говоришь о... О смерти... Своей смерти! И так, ну, весело.

— А что зря плакать? — удивилась Купава. — Насколько я понимаю, большинство людей умрут — и с концами, а я под луной потанцевать могу, и утопить кого-нибудь в отместку, или вот спасти... — она пожала плечами и закинула себе в рот ядрышко последнего ореха. — Так что всё хорошо.

Она просто излучала жизнерадостность. И это нежить?! Да в ней жизни было побольше чем в иных людях!

— За что тебя хотели убить? — спросила Купава. Горислава сжала зубы, чувствуя, как в груди снова занимается гнев.

— За вот это, — сказала она, показав на глаза.

— Люди так не любят желтоглазых? — удивилась Купава. — Почему? Ведь у тебя такие красивые глаза!

— Ты что, вчера родилась? — буркнула Горислава. — Это ж значит, что моим родителем был змей с восходных степей. Вся Сиверия их ненавидит.

— За что?

— За то, что те когда-то стольный град Семигорск сожгли к херам собачьим, а тамошних князей живьём похоронили. Мы им дань платили две сотни лет, пока не освободились.

— А... Понятно. А кто у тебя змей — папа или мама?

— Сама догадайся, — буркнула Горислава, отводя взгляд.

— Ну Горислаааава! — протянула Купава, как маленькая капризная девочка. — Мы разве с тобой не друзья? Я тебя спасла, а ты даже такую малость не можешь...

— Папа! — прорычала Горислава, яростно блеснув глазами. — Кто ж ещё?! Они до сих пор нападают на деревни, жгут, девок в полон уводят. Вот и мать мою... — она сжала зубы.

Её мать звали Косаной, и она была одной из самых красивых девушек в деревне. Поэтому змеи её и пощадили — в отличие от родителей. Два года она прислуживала змеям где-то в их степных городах, а потом ей удалось сбежать, но уже непраздной. С трудом добралась до родной деревни, которую уже отстроили заново. Но выжившая родня показала ей на дверь, а жених, клявшийся ей в вечной любви, вообще на порог не пустил. Тогда Косана потащила свой тяжёлый живот в Изок, город на большой реке Росе. Там жила её последняя надежда — брат, женившийся на городской и к ней переехавший. Только вот на пороге дома встретил Косану не брат, а его жена, ставшая несколько месяцев назад вдовой...

Тут бы Косане только лечь в канаву и умереть, но оказалось, что мир не без добрых людей: вдова пустила мать к себе жить.

Тётушка Божена их спасла. И молилась в церкви, чтобы ребёнок Косаны родился человеком — ведь, если змей обрюхатит человеческую девицу, это как монетку подкидывают: упадёт решкой — родится змеёныш, а Финистом, Ясным Соколом — человек.

Но боги не помогли. Наверное, они действительно были мертвы.

— Что сделали с твоей матерью? — спросила Купава. Горислава вздохнула.

— Ты чего, совсем дура? — резкие слова для спасительницы, но русалка сейчас тыкала пальцем в самое больное место змеини. — Изнасиловали её. Что это такое, тебе объяснись?

— Нет-нет, не надо! — Купава замахала руками, прекратив улыбаться.

— Извини, — добавила она после небольшой паузы. — Я... Не очень хорошо понимаю, о чём можно говорить, а о чём нельзя. И как вообще люди живут. Ха-ха. Я в какой-то мере действительно дурочка. Я не помню, как была человеком, понимаешь? Помню только смерть. Не жизнь. И... Ты сильно обиделась?

— Переживу, — вздохнула Горислава. Всё вставало на свои места. Её жизнерадостность, её незнание таких элементарных вещей, как «почему ненавидят змеев». Выглядит на шестнадцать вёсен, а разуму — шесть.

Повисла неловкое молчание. Русалка болтала босыми ногами, как ребёнок, а потом спросила:

— Куда отправишься теперь?

— Понятия не имею, — вздохнула Горислава. — Они забрали у меня всё, что было. Деньги, сапоги... Нож, — он сжала зубы. — Нужно подумать, как у них это отобрать.

— Я помогу, — лицо Купавы так и засияло.

— Что? Ты для меня и так уже много сделала... — нерешительно сказала Горислава.

— Я тебя обидела и должна загладить обиду! — Купава энергично взмахнула рукой,

задев Гориславу по носу широким рукавом. — Ты ведь не выбирала родиться с жёлтыми глазами?

— Да я бы лучше псом шелудивым родилась, — буркнула Горислава.

— Значит, эти люди ограбили и чуть не убили невинную! А, значит, нужно их наказать и вернуть украденное, — Купава закружилась вокруг в танце. — Это будет добрым делом! — она обернулась к Гориславе. — Верно я рассуждаю?

— Мне нравится, — та пожала плечами. Она плохо представляла, как возвращать украденное, но может у этой наивной русалки есть план получше. Всё-таки нежить, и умеет какие-то колдовские штучки.

— Тогда пойдём туда, где тебя ограбили, может, они ещё там и нам удастся вернуть твои вещи! — Купава с детской непосредственностью потянула её за руку.

— Ограбили меня местные, — сказала Горислава, потирая голову. — Уверена, корчмарь у них главный, и хранится всё тоже в корчме, как пить дать... Ты умеешь драться?

— Нет, но я умею вот так, — Купава вытащила из широкого белого рукава платок, тоже белый, но с затейливой синей вышивкой. Она взмахнула им, над землёй тут же поплыл туман, который вскоре стал густым, как молоко, — И вот так, — она взмахнула платком ещё раз, и туман сжался в плотный шар, который превратился в голубя и сел ей на плечо, — И вот так, конечно, — ещё один взмах и туман исчез.

— Ничего себе, — выдохнула Горислава. — Это... Волшебно... Но это не оружие. Эх, мне бы хоть мой нож...

— О, тут как раз в речку нож выбросили! — Купава хлопнула себя по лбу. — погоди!

Она понеслась к берегу и прыгнула в воду. Совершенно бесшумно — ни плеска, ни брызг, только круги разошлись, и тут же исчезла, как растворилась. Горислава только рот открыла.

Через четверть лучины, которую змеиня провела, пожёвывая сорванную травинку и отмахиваясь от комаров, из-под воды показалась голова Купавы, а потом она и вся она. Русалка выпрыгнула из воды, как иной раз прыгает окунь — и приземлилась на берег в облаке серебристых брызг.

— Держи. Не твой случайно? — она хитро улыбнулась, протягивая Гориславе кожаные ножны с ножом. С ножен и с набалдашника на рукояти, сделанного в виде соколиной головы, текла вода.

— Мой, — Горислава схватила ножны и наполовину вытащила нож. Тот успокаивающе блеснул посеребрённым лезвием. — Это... Спасибо.

Она не знала, как выразить благодарность. Не на шею же русалке кидаться.

— Хи-хи-хи! — Купава прикрыла рот рукой. — Ты улыбаешься! Ты действительно улыбаешься!! Ты это умеешь делать! Умеешь! — она снова закружилась вокруг в танце.

Как ребёнок.

— Естественно, умею, — проворчала Горислава, опоясываясь ножом. Видимо, суеверные дураки испугались черт и резов на клинке, и предпочли выкинуть даже такую ценную вещь вслед за ведьмой. Или Велимир не врал, говоря что у ножа есть собственный разум и он любой ценой возвращается к хозяину. — Ну теперь они у меня попляшут... Слушай, Купава. Вот что будем делать...

Русалочья улыбка. Часть 3

К вечеру в корчме было полно народу. Обсуждали в основном змееглазую ведьму, которая собиралась сжечь корчму, но, к счастью, Щука с друзьями ей смог помешать. Если кто и сомневался в рассказе Щуки, то предпочитал держать язык за зубами: рука у первого силача в деревне была тяжёлая. Это уже испытал на себе один из его друзей, Зайцегон: выбросил, испугавшись наложенных чар, нож девки. Так что он в корчме отсутствовал — дома отлёживался после дружеской головомойки.

Корчмарь тоже молчал. В отличие Щуки, ему не нравилось, как вышло с желтоглазой девкой. Она выглядела лёгкой целью — достаточно глупа, чтобы путешествовать одна, да ещё, когда скинула плащ, открыла богатую такую рукоять ножа на поясе. Да ещё и змеиня. Такую придушить — Финисту угодить. Так что он послал её спать в сарай, а сам шепнул на ухо Щуке пару слов. Потом сильно удивился, узнав, что по-тихому девку задавить не удалось — она проснулась и даже ткнула одного из щукиных дружков ножом, да и силы в ней оказалось поболее, чем в ином мужике. Щука справился, конечно: он шестерых с собой привёл, повеселиться что ли хотел. Шестеро её заборол, да и топор Щуке вовремя под руку попался — он как приложил её по голове, у той сразу силушки поубавилось. По мнению корчмаря, нужно было приложить ещё раз, и не обухом, а лезвием, и по шее. Но Щука почему-то решил, что ведьму — раз у неё сила, которую девке иметь не полагается, значит, ведьма — нужно непременно потопить. Мол, под обрывом русалка живёт, а где русалки живут — там упыри из могил не встают. Всё хорошо, только вот от разговоров о ведьмах и упырях у этого дурачины Зайцегона так в голове помутилось, что он швырнул нож девки вслед за ней.

А раз ножа нет — ради чего они, спрашивается, с этой змеиной возились? Сапоги с неё, конечно, сняли неплохие, но так они с ножом и рядом не стояли!

Корчмарь досадливо вздохнул.

Вдруг дверь распахнулась от порыва ветра. Люди, как один, повернули головы в ту сторону — и затихшую корчму огласил женский визг: на пороге стояла вчерашняя ведьма. Только она была совершенно белая и полупрозрачная. Ведьма медленно вытянула руку, показывая на корчмаря, и поплыла, не касаясь ногами земли. Люди с воплями разбежались в стороны, а через столы и стулья морок просто проходил.

Корчмарь омертвел. Он в призраков не верил — скольких ни убивал, скольких ни закапывал на заднем дворе корчмы, ещё ни разу убиенный не возвращался к нему в виде призрака. Руки невольно потянулись к финисту на шее, а губы зашептали молитву:

— Финист Пресветлый, Сокол Ясный, защити от нежити...

Призрак ведьмы почти коснулся его рукой, когда он, отпрянув, нырнул в комнату за прилавком, захлопнул дверь под носом туманной фигуры, глядевшей на него пустыми глазами. Испуганные посетители увидели, как, застыв перед дверью на мгновение, фигура вдруг расплылась, и корчму затянуло густым, как молоко, туманом. Тут перепугались даже те, кто не испугался призрака; всё наполнилось криками, грохотом падающей посуды и мебели — люди метались, силясь найти дверь, но те, кому удалось выскочить наружу, видели тот же туман. Он окружил всю корчму!

Корчмарь тем временем трясущимися руками закрывал засов. А потом кто-то схватил его за волосы, а к горлу прижалось лезвие ножа.

— Где мои вещи, ублюдок? — прошипела Горислава. Корчмарь попытался вырваться, но не смог. Девчонка оказалась в несколько раз сильнее, чем выглядела, а ещё её руки были горячими, как при лихорадке. Корчмарь понял, что Щука не врал, утверждая, что понадобилось четверо, чтобы прижать эту девку к земле, а тихой она стала только после того как получила топором. — Где?!

— Под... — корчмарь закашлялся. — Под прилавком...

— Спасибо, — Горислава от души приложила его лбом об дверь. На двери остался кровавый след, а тело корчмаря осело на пол. Девушка открыла засов, переступила через неподвижное тело — сдох или не сдох, проверять не стала, наплевать — и вошла в полную тумана корчму, с удовольствием прислушиваясь к крикам и ругани. Видно было не дальше своих рук, а потому шарить под прилавком пришлось дольше, чем она рассчитывала. Но вот нащупала сапоги, а вот и дорожная сума на свёрнутом плаще, всё аккуратно разложено. Видимо, грабежом и убийствами в этой корчме стали заниматься не вчера. Хмыкнув, Горислава прихватила тяжёлую шкатулку — не тут ли корчмарь хранит свою прибыль? — и поспешила покинуть разбойничье логово так же, как попала сюда: через чёрный ход. Девка-прислужница, которую тоже пришлось оглушить, всё так же валялась на полу, но вроде дышала.

Через плетень она перепрыгивать не стала — просто снесла на бегу. Туман за спиной рассеивался: Купава предупреждала, что сил у неё хватит ненадолго.

Когда кулак обрушился на голову Гориславы, она успела увернуться — едва-едва, но успела. Тот лишь слегка мазнул по уху. Сердце невольно ушло в пятки, когда она, развернувшись, увидела давнишнего здоровяка. Того самого, что приложил её топором.

— Тварь! — в другой руке у него был нож. Если бы он сразу ударил ножом, змеине пришлось бы плохо, а так она выиграла драгоценную секунду чтобы запустить ему в голову тяжёлой шкатулкой. Попала точно в лоб, и здоровяк пошатнулся. Горислава влепила ему удар в промежность и ещё один — в челюсть. Огонь, тёкший по венам, уже начал тухнуть, но она слишком разозлилась, чтобы просто убежать. Она прижала здоровяка к земле и достала нож.

— Видишь? — хрипло сказала она, ухмыляясь. — Я выплыла.

И тогда он плюнул ей в лицо — кровью пополам с воняющими водкой слюнями. Перед глазами всё побелело от ненависти, и, прежде чем Горислава поняла, что делает, посеребрённый нож погрузился в горло здоровяка. Один раз. А потом ещё и ещё.

— Горислава! — перепуганный голос Купавы вернул её в реальность. — Что ты творишь?!

Горислава перевела дыхание. Она поняла, что вся в крови — к счастью, чужой. Но вся: лицо, волосы, рубашка. Внизу, прижатый к земле её коленями, здоровяк испустил последний хриплый вздох и затих. Тупо глядя на его раны, Горислава поняла, что ударила его ножом раз пять, хотя смертельной была уже первая рана.

— Ты... — русалка смотрела на неё полными слёз глазами. — Ты убила его... Разве мы собирались кого-то убивать...

Горислава встала и вытёрла рукавом кровь с лица. Не выпуская из рук ножа, принялась собирать брошенные во время драки вещи — вот плащ, вот её сапоги, вот сума, вот тяжёлая шкатулка....

— Идём, — сказала она бесцветным голосом.

Они молчали, пока не дошли до заброшенной мельницы. Там Горислава бросила добычу

на землю и вошла в воду. Она окунулась с головой и некоторое время сидела, пуская пузыри, пока флегматичное речное течение колыхало её волосы, уносило кровь, пропитавшую одежду.

— Они заслужили, — сказала она хрипло, когда вынырнула. — Они много кого ограбили. Всей деревней, nibось, промышляют понемногу. Невинных там нет.

— Ты точно это знаешь? — прошептала Купава. Горислава покачала головой.

— Этот здоровяк точно заслужил. Он бил меня больше всех, — сказала она. — Я просто... Просто очень разозлилась... Понимаешь?

Она села на берег. Нож всё ещё был зажат в руке. Влажное серебристое лезвие отражало свет звёзд.

Горислава вспомнила Велимира, его седые волосы, по-степному заплетённые в косы. «Каждый клинок имеет душу, — говорил он, доставая нож из ножен. — И свой характер. Если ты его обидишь или оскорбишь, то он разозлится на тебя — и превратит верный удар в промах. А в бою это разница между жизнью и смертью».

И что сделала она? Выкупала посеребрённый клинок, предназначенный для убийства нечисти, в крови головореза. Насколько нож зол на неё и как теперь просить у него прощения?

Купава села рядом.

— Ты много людей убила? — спросила она тихо.

Горислава молчала, глядя на клинок. Пусть отмытый от крови, он казался запятнанным.

— Этот первый, — сказала она наконец.

— Я тоже убила только одного, — вдруг сказала русалка. Горислава удивлённо взглянула на неё; та смотрела на ночное небо, и в зелёных глазах отражались звёзды. — Он хотел сделать всякое нехорошее с девочкой, которую притащил на берег. Она плакала и просила отпустить, а он только смеялся. Ну я и... — руки Купавы нервно комкали платок, — Я вылезла из воды, рубашку заставила исчезнуть, и говорю: «Зачем тебе она? Меня поцеловать не хочешь?». Он бросил её и пошёл ко мне, а я в воду немного отступила... Знаешь, я могу ходить по воде, и я изобразила, как будто стою на мелководье, а там было глубоко... Когда он дотронулся до меня, я схватила его за плечи и утянула в глубину. И держала, пока он не прекратил шевелиться. Когда вынырнула, девчонка уже убежала. Надеюсь, с ней всё хорошо.

— Думаю, ты всё правильно сделала, — сказала Горислава.

Они некоторое время молчали, глядя на звёзды, отражающиеся в воде.

— Говоришь, тогда ты заставила рубашку исчезнуть? То есть твоя одёжка — тоже туманный морок? — спросила в конце концов Горислава. На щеках Купавы снова появились улыбочивые ямочки, и она провела рукой по груди. Под её пальцами белая ткань исчезала.

— Она скорее для меня как часть тела. Я в ней, можно сказать, родилась. Если её снять, то она через некоторое время станет водой, а я могу сотворить новую.

— Чёрт! Оденься, — Горислава стыдливо отвернулась от обнажённой теперь русалки.

— Ладно-ладно, — рубашка снова появилась на русалке, сначала призрачная, как утренний туман, потом ставшая настоящей на вид. — Ты мне вот что скажи. Ты вроде не очень высокая, хоть и руки у тебя сильные. Но этот мужчина, которого ты убила, был куда больше тебя, а ты легко прижала его к земле. И твои раны зажили так быстро — на запястьях такие синячищи были, а сейчас их почти не видно... Ты умеешь колдовать?

— Это не колдовство, — сказала Горислава. — Это просто... ну, сила.

Она наконец спрятала нож в ножны, тщательно его вытерев о плащ.

— Велимир говорил, что это из-за змеиной крови. Среди змеев есть такие — их зовут боотурами или как-то так. В Сиверии такие тоже раньше были, витязями мы их называли, но перевелись почему-то... Я могу зажечь огонь внутри себя. Не настоящий огонь, просто так ощущается — жар в груди, и кровь будто вскипает. И пока он горит, я гораздо сильнее, раны быстрее заживают... На холоде не мёрзну... Смотри, рубашка на мне почти сухая — это я её своим телом просушила.

— Ого! — Купава восхищённо уставилась на неё, хотя, по мнению Гориславы, трюки последней с туманом были куда более впечатляющими. — А кто такой Велимир?

— Тот, кто подарил мне этот нож, — сказала Горислава коротко.

Чего Горислава не могла простить своей матери — это того что та отвечала на все ухаживания седого воина холодным равнодушием. Хотя, казалось бы, такой мужчина — пусть в годах, но ему было плевать и на прошлое Косаны, и на её желтоглазую дочь...

Змеиня грустно усмехнулась. Велимир был в молодости охотником на нечисть, а она, Горислава, желающая встать на этот же путь, сдружилась с русалкой, и убила посеребрённым клинком обычного разбойника.

— А что насчёт твоих синяков? — Горислава кивнула на руки русалки, сложенные на коленях. Синяки на запястьях темнели, как чёрные браслеты.

— Понятия не имею, как их получила. Они со мной с самого начала. Не заживают, но и не болят, разве что немножко, — ответила Купава как-то рассеянно. Она комкала в руках свой платок, будто хотела порвать, а затем заговорила серьёзно:

— Горислава, я хочу попросить прощения.

— За что?

— Я... Не бескорыстно тебя спасла и вообще помогала, — сказала Купава, отводя глаза. — Мне на самом деле кое-что от тебя нужно.

Русалочья улыбка. Часть 4

— Долго ещё идти? — спросила Горислава. Они шагали по лесу, по едва заметной тропке. Русалка ловко перепрыгивала через поваленные деревья, словно её тело ничего не весило (скорее всего, это так и было), а Гориславе приходилось через всё перелезть.

— Нет, мы уже почти на месте, — откликнулась Купава. — Обычно, правда, я быстрее оборачиваюсь, но это потому что матушка Параскева меня знает. Она, сама понимаешь, не любит гостей, и тех, кого не хочет видеть — от своей избушки отводит.

— Вот ведь, — Горислава от души позавидовала матушке Параскеве. Хорошо быть настоящей ведьмой — сиди себе в избушке, вари отвары, и ни одна тварь не подойдёт близко, пока ты не захочешь.

Жаль, что сама Горислава — не ведьма.

— Вот и пришли! — радостно воскликнула Купава.

— А мило у неё тут, — Горислава с восхищением обвела взглядом забор, на котором вместо горшков красовались черепа. В основном звериные, но была и пара человеческих. За забором стояла приземистая, мало примечательная избушка. Курьих ножек, как у сказочной, видно не было.

— Кого тут принесло? Чего это змеем завоняло? — по ступенькам спустилась женщина, которой с одинаковым успехом могло быть как тридцать вёсен, так и пятьдесят. Из-под тёмно-красного платка виднелись рыжие с проседью пряди волос. — Купавка, кого ты притащила?

Глаза у неё были самые что ни на есть ведьменские: зелёные, с золотистыми искрами, взгляд — дерзкий и цепкий, как репей.

— Это Горислава. Она наполовину змея, и обладает змеиным огнём внутри, — сообщила Купава, сияя улыбкой. — Она может его зажечь, и становится такой сильной! Её ограбили и хотели утопить, но я...

— Что за манера — рассказывать всё через порог, повзрослей уже, — беззлобно оборвала её матушка Параскева. — Проходите. Слышу, змеинька, у тебя в животе бурчит — тогда отобедайте, чем Богиня послала.

Богиня послала кашу. Пусть масла в ней было всего ничего, зато ведьма набросала клюквы и малины — голодная Горислава уминала это за обе щеки, выслушивая свою историю из уст Купавы.

— И ты хочешь, чтобы я вас обвенчала? — спросила матушка Параскева, когда та закончила. Горислава поперхнулась кашей.

— Это не настоящее венчание, это как братание, только для девушек! — увидев её реакцию, Купава всплеснула руками. Белые рукава взметнулись, как крылья. — Сестряние, значит? Я хочу стать твоей сестрой, Горислава, и покинуть эту реку.

— А иначе ты что, не можешь? — спросила Горислава. — Ты вроде без проблем по берегу гуляла.

— Так это ненадолго. А потом река назад тянуть начинает, — сказала Купава. — Но матушка сказала, что это можно избежать, если я выйду замуж за смертного. Тогда меня привяжет узами к нему и я стану совсем как человек. Только вот я замуж не хочу....

— Тогда я сказала, что братание тоже должно сработать, — сказала ведьма. — Этот обряд похож на венчание, и суть та же — два человека соединяются друг с другом узами.

Горислава отложила ложку. Она задолжала Купаве жизнь и даже немного больше, но участвовать в каких-то ведьменских ритуалах ей совершенно не хотелось.

— Но ведь Купава — не человек, да и я не совсем. Этот ритуал вообще сработает? — спросила она.

— Человек ты, не льсти себе. И змеи, и дивы, и даже псоглавцы — все вы люди, — ведьма презрительно дёрнула уголок рта. — Поэтому обряд сработает. Это будет примерно как сделка с духом.

— С дьяволом, хотите сказать, — нахмурилась Горислава. Она была невысокого мнения о своей душе, да и не факт, что та вообще у неё была — но сделки ни с кем заключать не собиралась.

— Дьявол, дьявол... Говори по-нашему — «Чернобог», — усмехнулась матушка Параскева. — Впрочем, его уже нет. Боги мертвы. И Чёрный Бог, Владыка Несчастий, и Белый Бог, Громовой Кузнец... И Матерь-Земля, Пряха судеб...

Она замолчала, глядя отсутствующим взглядом куда-то в угол. Горислава обернулась и увидела лошадиный череп, лежащий в северо-восточном углу — там, где у добрых почитателей Пресветлого Финиста стояли образа. Купава сидела, выпрямив спину, и глядела на матушку Параскеву расширенными глазами, как маленькая девочка, слушающая сказку.

— ...Все мертвы, — решительно закончила матушка Параскева. — Такие, как Купавка — лишь осколки их былой силы. Поэтому душа твоя будет в целости, не беспокойся. То, что ты не совсем человек — даже хорошо, у тебя больше духовных сил. Вы ими будете обмениваться. Ты — ей, она — тебе.

— То есть я буду как ведьма... — Горислава вздохнула.

— Если тебе не нравится эта идея, то можешь отказаться, я не обижусь, — сказала Купава. Сказать-то сказала, но глаза у неё стали совсем печальные.

— Купава, зачем тебе вообще покидать реку и лезть в мир людей? — спросила Горислава. — Я, конечно, не знаю, как там у вас, русалок — но людском мире девушкой быть опасно.

— Ха-ха, в речке скучно! Целый день за рыбами гоняться и в иле дремать... Другие русалки живут за сто вёрст от меня, и с ними тоже не очень-то интересно, — вздохнула Купава. — И я... — она замялась. Пальцы левой руки сжали стеклянный браслет на правой. — Я должна найти человека, которого я люблю, — сказала она, отводя глаза.

— Но ты же говорила, что ничего не помнишь, — нахмурилась Горислава.

— Почти ничего, — грустно сказала Купава. — Не помню ни его лица, ни его имени. Но я помню, что любила его, да и сейчас люблю, так люблю, что больно, — она криво улыбнулась. — Этот браслет он мне подарил. Я нашла браслет в речке, и сразу поняла, что он принадлежал мне, был на моём смертном теле, когда меня убили ... — она перевела дыхание, вид имея совершенно несчастный. — Не могу прекратить думать о любимом, как заноза в пальце, колет и колет.

— Ты не из-за него случайно утопилась? — Горислава попыталась пошутить, но Купава даже не улыбнулась.

— Нет-нет-нет, точно не из-за него. Я знаю. Но, может, я ехала к нему, может, на собственную свадьбу, или встретиться с ним хотела в лесу... И мы так и не встретились. Потому меня это и мучает, — Купава подняла на Гориславу полные отчаяния глаза. — Мне бы хоть одним глазком поглядеть на него, вспомнить. Убедиться, что у него всё хорошо... Не так много лет прошло с моей смерти, может быть, он ещё жив!

— Он мог умереть там, вместе с тобой. Мог жениться на другой или просто тебя забыть, — сказала Горислава. — Ты точно не боишься разочароваться? Что станет только больнее?

— Бесполезно, — вздохнула матушка Параскева, подпирая рукой щеку. — Я ей это сто раз говорила. Хоть кол на голове теши: хочу увидеть его лицо, хочу его вспомнить, без него нежизнь не нежизнь...

— Ну простите, что я такая неправильная русалка!! — воскликнула Купава, всплеснув рукавами. На глазах у неё стояли слёзы. — Я обо всём этом сто раз думала-передумала! Если он женился на другой — порадуюсь за него, если умер — хоть на могиле поплачу! Я ко всему готова!!

— Ой, не зарекайся, девочка, — вздохнула матушка Параскева. — В общем, видишь, что с ней творится? — сказала ведьма, обращаясь к Гориславе. — Я избушку надолго покидать не могу — возраст не тот, да и другие узы держат, — она таинственно ухмыльнулась, — А ты сильная, смелая и держишь куда-то путь-дорогу. Можешь и позаботиться о Купавке, довести её до озера Белояр.

— Озеро Белояр? То, на дне которого город-Кит покоится? — припомнила Горислава легенду, которую рассказывала тётушка Божена. — В который ни ручейка не впадает, но вода всегда чистая, как слеза?

— Да, да! Не знаю насчёт города, но сестрицы-русалки говорили, что там на дне святилище Живы, русалочьей богини! Той самой, которой русалки служили. Может, если я ей помолюсь, то она вернёт мне память? Или подскажет, где возлюбленный! — Купава смотрела на Гориславу отчаянными глазами, а та пыталась припомнить карту. Вышло, что путь до Соколиной Заставы всё равно проходил мимо озера Белояр, даже крюк не придётся делать...

— Хорошо, — решила Горислава. — Но с одним условием. После Белояра мы расстанемся. Потому что путь-дорогу я держу не «куда-то», а в Соколиную Заставу.

На неё уставились две пары глаз: купавины — непонимающие, и ведьмины — удивлённые.

— В Соколиную Заставу? К витязям? — спросила ведьма. — А ты не мелочишься.

— А куда мне ещё идти? Там, может, моя сила не будет никого пугать, — сказала Горислава. — Только вот витязи нежить не любят. Они тебя там убьют, Купава, если я вместе с тобой заявлюсь. Поэтому поселись в Белояре и речке какой, а со мной не иди.

— Ты согласна?! — охнула Купава схватившись обеими руками за щеки. — Согласна? Я не ослышалась?!

— Нет, не ослышалась... Чёрт побери! — Купава бросилась ей на шею, и Гориславе пришлось ухватиться за стол, чтобы не упасть со скамьи. — Что ты творишь?!

— Просто радуюсь! — сказала Купава, улыбаясь счастливой улыбкой от уха до уха.

— Радуйся без попыток разбить мне голову, — буркнула Горислава. Была б Купава человеком, а не нежитью, чьё тело, кажется, состояло из плотного тумана — змеиня не удержалась бы на скамейке. — Давайте, рассказывайте дальше, что за ритуал, пока я не передумала.

Идея участвовать в каком-то обряде с ведьмой и русалкой ей с каждым ударом сердца нравилась всё меньше и меньше. Отвратительная идея, хуже нет. Но Горислава знала: откажется сейчас — неоплаченный долг будет висеть камнем на душе до самого последнего вдоха.

— Когда-то был было святилище Велеха, Звериного Бога, — матушка Параскева коснулась коры раскидистого дуба. — В праздники тут лилась жертвенная кровь, а потом под дубом люди пировали, поедая мясо заколотого скота.

— Рядом с Изоком тоже такое есть, — сказала Горислава, пожав плечами. — Народ туда до сих пор ходит, хоть священники Пресветлого Финиста запрещают.

— Ходить туда ещё бесполезнее, чем в Финистову церковь. Те хоть знают ал-ке-мию, или как они её называют? — фыркнула матушка Параскева. — Старые боги мертвы, и не слышат ваших молитв.

Она начертила на земле круг сучковатым посохом, к которому была привязана пара ярких лент. В свете закатного солнца её рыжие волосы казались огненными.

— Но колдовство живо, пока жива земля, — закончила ведьма. — Земля всё помнит. Ничего не забывает... Под этим дубом сходятся земные жилы. Вставайте в круг.

Горислава переступила тонкую бороздку. Ветерок шуршал дубовыми листьями, чирикали птицы — ощущения, что она принимает участие в чём-то жутком и святотатственном, не было. Вместо этого змеиня чувствовала себя дурочкой, которая стала частью затянувшейся шутки. Они с Купавой встали друг напротив друга.

— Ты точно согласна? — спросила Купава, наклоняя голову и заглядывая ей в глаза, как собака. Не хватало только робко виляющего хвоста. — Чувствую себя так, как будто насильно тащу тебя под венец, ха-ха...

— Я сказала, что согласна, и слов своих назад брать не буду, — отрезала Горислава. — Просто на душе... Неважно.

— Из-за корчмы? — спросила Купава, погрузнев.

Горислава только вздохнула.

— А корчма-то деревенская сгорела, — наутро сообщила им Параскева, ухмыляясь.

— Что?!

— Вороны мне рассказали, пока вы в ручье плескались, — невозмутимо сказала ведьма. Подтверждая её слова, из тёмного угла за печкой каркнуло: там, оказывается, пряталась огромная чёрная птица. — Сгорела корчма. Туда ей и дорога.

— Как же это... — охнула Купава. — Мы этого не делали!

— Ой, малышка, вы, вы это сделали, кто ж ещё. Не нарочно, конечно, — ведьма протянула руку, и ворон приземлился на неё, насмешливо глядя на змеиню и Купаву чёрным глазом. — Ты ж сама описала, что тумана напустила, так что люди в корчме метались, не видя куда. Ну и свечу кто-то опрокинул. А когда туман рассеялся, они просто разбежались да назад не оглядываясь.

— Мы не хотели, — Купава зажала рот руками. — Надеюсь, никто не погиб.

Она поглядела на Гориславу. Та смотрела прямо перед собой пустым взглядом.

Корчмарь, оставшийся валяться без сознания. И девка-прислужница. Вытащил ли их кто-нибудь из огня? Или сгорели, задохнулись в дыму? Если корчмарь, старый разбойник, заслужил такую смерть, то девка, которая была чуть старше змеини... Горислава сжала кулаки: ногти впились в ладони.

«Может, и заслужила. Может, она в платях убитых девиц щеголяла», — сказала себе девушка, но сожаление всё равно засело в сердце тупой иглой.

Она не хотела. Ничего этого не хотела. Ни того, чтобы таверна сгорела, ни даже смерти здоровяка, разбившего ей голову.

Или всё же хотела? Пламя, вспыхивавшее в ней, не только наполняло тело силой — оно ещё зажигало в сердце ярость. Это привело к хреновым последствиям там, в Изоке. Да и тут — не к лучшим. Какой она, к чёрту, витязь! Она — тот, с кем витязи в былинах сражаются: змей — кровожадное чудовище, с пекельным огнём в сердце...

Холодная ладошка русалки вдруг сжала её руку, и Горислава перевела дыхание.

— Всё в порядке, — сказала она, взглянув во встревоженные глаза Купавы. — Если кто и погиб, то это из-за меня, а не из-за тебя.

И жалеть она об этом не будет. Вот ещё. Жалеть о разбойниках. Тем более время назад не вернуть, и погибших не воскресить.

Но настроенье у неё всё равно стало мрачным и оставалось до самого обряда.

Солнце, запутавшееся в ветвях дуба, блеснуло в глаза. Горислава проткнула палец ножом и уронила в чашу с хмельным напитком несколько капель своей крови. То же самое, уже со своей чашей, сделала Купава, но острой рыбной костью — к железу она прикоснуться не рискнула. Она выжидающе посмотрела на Гориславу.

— Клянусь отныне звать тебя младшей сестрой, защищать и беречь от невзгод, — сказала змеиня слова клятвы. — Пусть узы, связавшие нас, будут не менее прочны, чем узы кровные.

— Клянусь отныне звать тебя старшей сестрой, быть твоей поддержкой и опорой в трудный час, — сказала Купава дрожащим от волнения голосом. — Пусть узы, связавшие нас, будут не менее прочны, чем узы кровные.

— Пусть Небо и Земля будут свидетелями этой клятвы, — произнесла ведьма, — и воды Смородины, навьей реки. Скрепите же её обменом.

Купава протянула Гориславе свой подарок: кусочек речной гальки с дыркой, «куриный бог», как их звали в Изоке. Камушек висел на нитке, сплетённой, судя по всему, из разрезанных рыбацких сетей. Да уж, испортила кому-то русалка рыбалку! Горислава тихо хмыкнула, принимая подарок, а потом сняла с шеи свой: ту самую лунницу, которую ей дала на дорогу мать.

Как ни жалко было отдавать речной нежити память о доме, но больше у змеини ничего не было. Горислава колебалась-колебалась, покачивая медный полумесяц на пальцах, а потом твёрдо решила: отдаст она его Купаве. Так надо, так судьба повернулась. Может, боги мертвы, но судьба никуда не делась. Разве не для того мать дала ей в дорогу символ Богини, чтобы та защитила нежеланную, однако всё ж родную дочь? И разве не откликнулась Богиня, послав Гориславе русалку, может, единственную добрую русалку за вёрсты вокруг?

Если так рассуждать, лунница принадлежала Купаве по праву.

И вот медный полумесяц повис на шее русалки. Медь — не железно, так что она могла не бояться, что подарок новоиспечённой сестрицы её обожжёт. Улыбаясь, Купава передала Гориславе свою чашу, а та отдала свою.

«Это плохая идея», — обречённо заметил здравый смысл Гориславы, когда та опрокидывала в себя хмель, смешанный с кровью нежити.

«Заткнись», — велела ему змеиня, выплѣскивая то, что оставалось на дне кубка. Хмель обжѣг горло и ударил в голову. Горислава пошатнулась, охваченная странным ощущением. Она словно снова упала в реку, но вода не потянула её на дно, а ласково обняла. Расширенными глазами она посмотрела на Купаву; у той взгляд тоже был удивлённый, что у котѣнка.

— Как тепло, — прошептала она. — Это... Все живые люди такие или только ты?

Ветер взъерошил их волосы. Мир вокруг остался прежним — и всё же неуловимо изменился. Сердце Гориславы заколотилось от страха: какая-то её часть упорно верила, что обряд был просто безобидным представлением, и сейчас эта часть была в ужасе. Богиня, она связала себя сестринскими узлами с нежитью! Связала так, что не порвать.

Что ж теперь будет?!

— Ну, вот и всё, — ведьма стёрла круг носком башмака. — Клятвы принесены, узы скованы. Можете звать друг друга сѣстрами.

— Сестра... Сестрица Горислава, — Купава поставила чашу на землю и порывисто бросилась на шею змеине. — Сестрица, сестрица, мои ладони стали тёплыми, как у живой, хи-хи!

— А мои... — проворчала Горислава, прислушиваясь к себе. — Хмм, кажется, мои не изменились, — «Слава Богине, не хочу на ощупь быть как рыбина», — Теперь отцепись от меня, сестрица Купава, задушишь.

— Только подумать, теперь я могу пойти с тобой куда-нибудь! В деревню! В город! Столько сего увижу! — Купава радостно танцевала вокруг Гориславы. — Спасибо, спасибо, спасибо!!

— Матушка Параскева, на правах старшей сестрицы я у вас спрошу, — сказала змеиня ехидно (подкалывать ведьму было так себе идеей, но сдержаться Горислава не смогла), — Чего с одеждой-то делать? В одной нижней рубахе она среди людей щеголять не может. Нужна хотя бы юбка, пояс, на ноги что-нибудь, да и волосы заплести...

— Ты старшая сестрица — ты и думай, — фыркнула ведьма, но потом смилостивилась. — Есть у меня кое-что. Мне мала уже, а ей в пору...

Порывшись в сундуке, ведьма извлекла на свет финистов поношенную синюю понёву. Встряхнула, придирчиво оглядела, и бросила Купаве.

— Это что? — спросила русалка, хлопая глазами. Она и так, и эдак вертела одѣжку, а затем накинула на плечи, как плащ. Горислава прыснула, Купава насупилась.

— Не так, — змеиня взяла у неё одеяние. — Она обматывается вокруг бѣдер — вот так, внахлѣст, а этот шнурок сбоку затягивается...

Понёва в Изоке, да и на всѣм юге была большим, чем пѣстрой верхней юбкой, которая шилась из трёх разноцветных кусков ткани и не зашивалась с одной стороны. Её носили только те девочки, у которых пришли лунные крови. Как они надевали понёву, то прекращали зваться девочками и начинали зваться девушками, а, значит, к ним можно засылать сватов. По обычаю, первую понёву девочке протягивала мать; та должна была отнѣкиваться и отворачиваться, и только на третий, или седьмой раз принять... Когда мать молча протянула Гориславе понёву, та её сразу приняла. «Плохая примета», — покачала головой Божена. Мать равнодушно пожала плечами. Шансов выйти замуж у Гориславы всё

равно почти не было, что соблюдай, что ни соблюдай обычаи. Кому нужно, чтобы у детей были желтые змеиные глаза? Так что понёва так и осталась лежать на дне сундука — её хозяйка предпочитала мужские портки. Сейчас Горислава вспомнила, какой была та понёва: красная, как калина по осени, с одним чёрным клином, и вышивкой по подолу. Купавкина одёжка была совсем другой: синий клин, чёрный клетчатый, и чёрно-синий. Таких в Изоке не носили, предпочитая яркие цвета.

Но русалке, навъей девке, подойдёт.

Купава тут же побежала к ручью — любоваться — и потащила за собой Гориславу. Она вертелась и так и эдак, разглядывая себя в воде.

— Так странно! — скорчила она недовольную гримасу. — Зачем столько слоёв на себя напяливать?! Я ж не мёрзну...

— Может, теперь и будешь мёрзнуть, — сказала Горислава строго. — Сядь — будем надевать лапти.

Сорочка, та самая, половину которой Купава порвала для перевязки Гориславы, уже никуда не годилась — а потому змеиня, пустив в ход нож, докramsала её окончательно. Часть пошла на обмотки для ног, и себе, и русалке, а оставшимися она замотала ей синяки на запястьях — слишком много внимания привлекают.

— Ужас! Ужас!! — сделав пару шагов в лаптях, русалка чуть не упала. — И как вы, живые, в этом ходите?!

— Я теперь твоя старшая сестра, так что давай слушайся меня. Наколешь ногу на сук, тащи тебя потом на плечах...

— Но я никогда прежде не накальвала! — запротестовала Купава. Она вдруг резво отпрыгнула от ручья, и, оттолкнувшись от земли, повисла на ветке дерева.

— Я такая же лёгкая, как и раньше, ничего не изменилось! Можно мне не носить эти противные штуки?! — она поболтала в воздухе ногами в лаптях.

— Нельзя! — рыкнула Горислава, чувствуя, что выходит из себя. Вот это, значит, каково иметь младшую сестру. Хорошо, что у неё их не было. Или были — по отцу-то — но она о них не ведала, не видела, и ведать не хотела. — Слезай, не то понёву порвёшь! Мне ещё тебе волосы заплетать!

Купава тяжело вздохнула и подчинилась. Она стоически терпела, пока Горислава пыталась ей заплести косу, неумело, постоянно дёргая за волосы. Коса получилась кривой и растрёпанной, но теперь Купава напоминала не деревенскую дурочку, а просто хорошо умытую нищенку. Свой волшебный платок она накинула на плечи.

— Наутро пойдём, — сказала Горислава.

— Куда? — Купава уставилась на неё своими огромными глазами.

— В город, куда ж ещё? — фыркнула Горислава. — Лукарецк тут должна быть совсем недалеко. Эти меня черти завели в вашу глушь, прям к разбойникам — в лесу не на ту дорогу свернула. И чуть голову в итоге не сложила.

— Но не сложила же, зато со мной познакомилась, — на щеках Купавы снова появились улыбчивые ямочки.

— Да в пору сдохнуть от счастья, — проворчала Горислава. Пальца непроизвольно потянулись к куриному богу, который уютно улёгся у неё за пазухой.

«А может и в самом деле судьба?...»

Старые шрамы. Часть 1

Рыжий да красный — человек опасный.

На прощанье матушка Параскева сказала:

— Я вам дам ворона. Он выведет к Лукарецку. А не то, змеиня, опять заплутаешь в историю попадёшь.

Чёрная птица с карканьем закружилась над ними и села на ветку дерева.

— Спасибо, — и снова Горислава отметила, как трудно проталкивать слова благодарности через горло. — За одежду для Купавки... — русалка уже выбежала за плетень, нетерпеливая, как щенок, — И за еду, за ночлег... И за ворона.

— Не стоит благодарности, — сказала матушка Параскева, с усмешкой глядя на Купаву. — Главное — помоги девочке. Таких, как она, мало осталось. Слишком мало...

Горислава кивнула и уже хотела уходить, когда пальцы ведьмы вдруг крепко сжали её руку.

— Прошлое идёт за тобой по пятам. Оно помнит о тебе, пусть ты не помнишь о нём, — прошептала она. Глаза у неё были пустые. — Беги, девочка, беги. Темна вода и холодна.

Горислава выдернула руку из хватки и отскочила. Сердце колотилось, как бешеное.

— Что... — хрипло пробормотала она. Глаза у ведьмы уже стали нормальные, и она лукаво подмигнула.

— Кто знает, — сказала она уклончиво. — Кто знает. Темна вода и холодна... Счастливой дороги.

— Горька, ты идёшь? — крикнула Купава из-за плетня.

Горислава отступила от ведьмы на несколько шагов, не смея повернуться спиной; затем всё-таки развернулась, и быстрым шагом, почти бегом, кинулась к русалке.

Пророчество ведьмы здорово испортило ей настроенье. Избушка скрылась за деревьями, а слова матушки Параскевы всё звучали в ушах. Особенно «темна вода и холодна». К чему это? Её что, утопят (снова)?! Кто-то из прошлого... О ком она не помнит. Горислава где-то с час перебирала, кому она насолила — неужто тот высокомерный боец из Щерцины, которого она побилла в четырнадцать лет? — и кто может вернуться и отомстить, но потом махнула рукой. К чёрту эти мутные пророчества! Чем больше о них думаешь, тем вернее они сбываются.

Ворон, который вёл их, перелетая с ветки на ветку, согласно каркнул.

Настроенье Купавы являло полую противоположность гориславиному. Она носилась вокруг, как молодая козочка, но потом погрустнела и начала отставать.

— Устала? — ехидно поинтересовалась Горислава. — А я говорила — не прыгай, чай не жеребёнок. Теперь привал делать.

Они отыскиали ручей — русалка, как выяснилось, чужла воду за несколько вёрст — и сели, жуя лепёшки, которые дала Купаве в дорогу ведьма. Ворон уселся на ветке, демонстративно уронив крупную каплю — не на них, к счастью — показывая тем, что он думает об остановке.

— Откуда ты знаешь эту ведьму? — спросила она русалку.

— В полнолуние она ходит к речке собирать травы. Я её увидела, поздоровалась, и мы

подружились, — сказала Купава, высовывая голову из воды. — Она мне рассказывает о мире вокруг и о колдовстве...

— А она рассказала тебе, откуда она, как поселилась в этой избушке? Где её родня? Параскева — это настоящее имя? — спросила Горислава.

— Нет, я не очень-то спрашивала, — отозвалась Купава. — Может, я и дурочка, но понимаю, что если человек поселился в одинокой избушке и заколдовал лес, чтобы он не пускал к нему людей — то он не хочет вспоминать о том, что было.

Она села, обхватив колени руками.

— Мы с ней как солнце и луна прямо. Она хочет быть подальше от прошлого, а я хочу вспомнить своё. Спасибо, Горислава, что согласилась мне помочь в этом, — Купава посмотрела на неё, склонив голову на бок. Горислава увидела своё отражение в огромных зелёных глазах и поспешно отвернулась.

— Твоя улыбка — это оружие не хуже моего ножа. Ты можешь использовать её, чтобы выпрашивать товар на ярмарках бесплатно, знаешь? — проворчала она.

И эти ямочки на щеках. Эти чёртовы ямочки на щеках....

— Хочешь сказать, я милая? — Купава неожиданно положила ей голову на колени.

— Хочу сказать, что выглядишь на шестнадцать вёсен, а ума на шесть, — фыркнула Горислава, спихивая голову. — Идём дальше.

— Слушай, я видела, что у людей есть эти... Лошади. Мы можем купить такую?

— У нет денег. Лошади дорого стоят. Только на хвост и хватит, — ответила Горислава.

— Но у тебя же есть деньги из той шкатулки, что ты взяла из корчмы!

— Там не настолько много, — хоть и больше, чем разбойники украли у Гориславы, что очень образовало змеиню.

— У меня ещё есть жемчуг, я в реке насобирала! — не сдавалась Купава, в первый раз познавшая радость долго хождения на своих двоих — и не проникающая.

— Даже с твоим жемчугом — разве что на тощую, полудохлую клячу, или горбатого жеребёнка. И хватит болтать, особенно с полным ртом! — одёрнула её Горислава на правах старшей сестры.

Дальше они жевали хлеб в молчании, и змеиня тихо улыбалась под нос. Иметь младшую сестру пока было забавно, хоть немного раздражающе, и о том, что она — нежить, абсолютно забывалось.

— Ты говоришь, что знакома с другими русалками, — спросила Горислава. — Они на тебя похожи? В том плане — ты не выглядишь как покойница. Они тоже такие... Живые?

— Кто как, — Купава снова сняла лапти и опустила ноги в ручей. — Есть те, кто мало от живых отличается, а у кого-то лицо чешуёй рыбьей обросло. Или тощие, как скелетина. А у пары даже не было кожи на спине, все потроха наружу, фууу...

— Отчего это зависит, не думала? — спросила Горислава.

— Не знай, — Купава подала плечами. — Может, от того, насколько злыми они умерли, или сколько им лет. Может, через пятьдесят вёсен и у меня кожа со спины облезет! — она вдруг шлёпнула по воде ногой, подняв тучу брызг.

— Купава, чёрт! — Горислава вытерла лицо рукавом. — Не безобразничай! — а русалка только смеялась.

Когда они слова отправились в путь, Горислава продолжала расспрашивать Купаву о русалочьей жизни:

— Как у русалок вообще всё устроено? У вас есть царь — или там царица? Города под

водой?

— О царице не слышала! — Купава подобрала прутик и теперь размахивала им, отгоняя комаров. — Русалки говорили о морском царе, но он в море, а у нас пресная вода... Раньше, говорят, водяные были, но их всех перебили, как русалок. Давай я тебе всё по порядку расскажу. Я плохо помню первые дни. Тогда ничего не понимала, и считала себя большой рыбой, как сом или щука. Ела рыб и да спала, зарывшись в ил. Потом начала приглядываться к людям, что приходили на берег, и поняла, что я не рыба. Один раз вылезла знакомиться, но тот парнишка испугался и убежал. Потом я начала плавать по Росе и её притокам и встретила других русалок. Они-то мне и всё объяснили. И то, что я теперь нежить, и что нам нужно держаться от людей подальше, потому что они нас ненавидят. Там есть русалки, которые помнят Богонравного и учат молодых сторониться людей... Живут они — то есть мы — общинами, в каждой есть своя главная, её зовут старшая сестрица, — Купава схватила Гориславу за руку. — Поняла, старшая сестрица?

— Поняла, — сказала Горислава, — Что я теперь русалочья царица... Только этого не хватало. Но погоди — ты ведь сказала, что под обрывом одна живёшь. Значит, не осталась жить в русалочей общине? Ушла?

— Ушла, — вздохнула Купава. — Там скучно. Днём спишь, вечером и утром на рыбу охотишься, ночью можно и погулять, особенно когда луна полная, поиграть на берегу... Но всё время играть надоедает. Наверное, потому что я беспамятная. Большинство моих русалочьих сестриц были крестьянками и всю жизнь трудились, так что рады тому, что целыми днями можно дрыхнуть на дне. А я хочу чего-то большего. О любимом воспоминания мучали, не отставали, ну и... — Купава смущённо затеребила браслет, — ... Поссорилась со старшей.

— Дай-ка угадаю. Потому что спасла ту девоку?

— Да! Старшая на меня раскричалась, что нам-де людям показываться нельзя, и топить — только в крайнем случае, — вздохнула Купава. — И я ушла от них под родной обрыв.

Горислава вдруг поглядела вниз и заметила, что Купава шлёпает босиком.

— Так, лапти надень! — нахмурилась она. Русалка тяжело вздохнула и принялась наматывать на испачканные ступни обмотки.

Ворон закружил, каркая, над самыми их головами, а потом полетел прочь. Его точёный силуэт выделялся на фоне вечеряющего неба.

— Мы дошли? Вот сейчас мы дошли? — Купава смотрела на городские стены, слишком усталая, чтобы радоваться. Они шли — с привалами, конечно — почти весь день, и съели невеликие припасы. — Вот как выглядят человеческие города, значит...

— Пойдём, — Горислава подхватила её под локоть и они прошли через городские ворота Лукарецка. Город это был меньше, чем Изок, и вырос, как можно понять из названия, внутри изгиба великой Росы. Речные причалы уходили далеко в воду, и около них скучились лодочки, готовые за пару мелких монет переправить на другой берег; были и рыбаки, разгружавшие улов, и торговцы, чьи большие торговые суда покачивались на волнах реки.

— Сюда привозят сушей товары, загружают их на большие суда, и отправляют дальше, на юг, — вяло рассказывала Горислава. — Там, за Полуденным Морем, огромные города. Больше Семигорска и даже Серебрянска. Мы называем те земли Заморьем. Говорят, там

много чудес.

— Угу, — у Купавы хватало сил с любопытством оглядываться по сторонам. — Ты идёшь к Полуденному Морю?

— Нет, на восток, в Порубежье, — сказала Горислава. — На рубеж между Сиверией и Степью. Именно там Соколиная Застава... Последняя застава богатырей-витязей, как говорил Велимир.

— А куда все остальные делись?

— Перевелись вместе с богатырями, говорят, — коротко ответила Горислава и душераздирающе зевнула.

— Ты!! — гневный крик заставил змеиню прервать зевок. Она обернулась, уже зная, кого увидит. К ней шагал пожилой мужчина с явным брюшком и растрёпанной бородкой. Брюхо гневно подрагивало.

— Пришла назад проситься? — сказал он, упирая руки в бока. — Не возьму. Не-возь-му!

— Это кто, Горислава? — Купава на всякий случай спряталась за спину змеини, но на мужчину смотрела без страха, блестящими от любопытства глазами.

— Гостомысл Терентьевич, изокский купец, — пробурчала Горислава. — Я нанялась в охрану его каравана. Но по пути мы... Повздорили.

— Повздорили?! — Гостомысл надулся, как жаба. — Так это называешь?! Ты моему сыну нос сломала, гадина желтоглазая!

— Твоему сынку нужно было держать руки при себе и не лезть ко мне! — прорычала Горислава, подаваясь вперёд.

— Мой сын никогда бы не дотронулся до такой твари, как ты! — купец упёр руки в бока. — Зря поверил Божене Микулишне, что ты на самом деле хорошая девочка и заслуживаешь шанса! Ты просто бешеная псина — кидаешься на всех, кто на тебя не так посмотрел...

Горислава, забыв себя, рванулась вперёд, но Купава повисла на ней, сжав руку ледяными пальцами.

— Горька, Горька, не надо, на нас люди смотрят! — пискнула она.

Горислава огляделась — действительно, их окружали местные: припозднившиеся рыбаки да посетители кабака неподалёку, разгорячённые выпивкой и высыпавшие наружу в надежде поглазеть на назревающую драку (а то и поучаствовать). Змеиня медленно опустила сжатую в кулак руку.

— Эй, змеиня, ты тут нам беспорядок не чини, — сказал седой мужчина. — А то за ворота вышвырнем.

— Да от неё везде беспорядок! — пробурчал Госмомысл. — Захотел к делу пристроить, в охрану обоза взял — а она моему сыну нос на сторону свернула...

— Девку в охрану? И она побила твоего сына? — тощий мужчина в толпе пьяно захихикал. — Что за ссыкун твой сын!

— Рот заткни! — щёки Гостомысла покраснели от гнева. — Дрань пьяная! Ты на её глаза посмотри, на её глаза! — он ткнул трясущимся пальцем в Гориславу. — Она ж диаволица степная! Вот от отца её ей и досталась сила проклятая! Сколькими мужиками она в кулачных боях землю вытерла — не сосчитать!

Горислава ухмыльнулась зло и гордо. Как же, вытирала, ещё как вытирала. И удовольствие получала от этого неопишемое.

— Они с Лихом промышляли этим, людей дурили, — продолжал разоряться

Гостомысл. — Лихо — это скоморох, чёрт смуглорожий, конокрад да мошенник! На ярмарке выставлял её против здоровых мужиков, и потом собирал серебро! Специально находил таких, кто о ней не знает...

— Сестрица, пойдём отсюда, а то вдруг и эти захотят тебя утопить, — прошептала Купава, дёргая Гориславу за рукав.

Горислава с усилием перевела дыхание. Как же ей хотелось броситься на Гостомысла, врезать по этой красной роже так, что кровавые сопли все стороны полетели. А потом раз, другой, третий — пока руки не устанут, пока костяшки в кровь не собьёт. И кричать: «Не правда! Не правда!!».

Но разве это что-то изменит? Улыбка на лице Гориславы превратилась в кривую гримасу. Она развернулась и зашагала прочь, таща за собой Купаву. Зеваки расступились перед ней — не дали повода толкнуть, выместить свою злость. К счастью, наверное. Или даже не наверное. Не нужно драться. Нужно сдерживать себя. Сдерживать, пока кого-то не убила...

...Опять.

Когда они отошли от пристани, Гористава с утробным рычанием влепила кулак в ни в чём не повинное дерево, росшее на углу улицы. Кора треснула, Купава охнула. Змеиня перевела дыхание: гнев наконец-то начал остывать.

— Горька, кто он такой? Если не хочешь, не рассказывай, конечно...

— Купец из Изока. Не самый богатый, такой, из мелких, — ответила Горислава. Теперь, когда вспышка гнева прошла, она чувствовала себя измотанной. — Я... Нанялась к нему в охрану, в один конец, правда. Путешествовать безопаснее с обозом, а он аж до Маковины идёт. Ну и... — она потёрла лоб, — Всё пошло к чертям собачьим после первого же привала. Его сынок хлебнул лишнего и начал ко мне приставать. Я ему сказала отвалить — не понял, сказала куда пойти — не понял, я ему и врезала...

Врезала. Неоднократно. Её пятеро от него оттаскивали, а он рыдал, как ребёнок, размазывая кровь по лицу.

— После этого меня вышвырнули, — закончила Горислава вяло. — Я пошла через лес, короткой дорогой. Заплутала. Ну а дальше ты знаешь.

— Ох, сочувствую, — сказала Купава. Её голос звучал странно напряжённо; обернувшись, Горислава увидела, что русалка, покусывая губу, смотрит куда-то в сторону. Вид у неё был виноватый и расстроенный — как у ребёнка, который разбил любимую мамину чашку и не знает, как маме об этом сказать.

— Купавка? Что с тобой? Что случилось?

— Когда мы уходили от этих зевак, я достала платок... Знаешь, боялась, что они за нами побегут, решила тумана напустить...

— С ума сошла?! Ведьмачить посреди города!!

— Я поняла, поняла! Я ошибку сделала, прости! Только вот ничего не вышло. Тумана не появилось, — Купава смотрела на Гориславу умоляюще. — Горька, неужто я теперь не могу колдовать?!

— Ох, — вырвалось у Гориславы. Она почесала затылок. — Спроси чего полегче. Я тебе не матушка Параскева, я в колдовстве не понимаю. Но, если подумать... Свяжав себя узами со мной, ты стала больше похожа на человека, так? А люди туман вызывать не умеют...

— Но я по-прежнему могу дышать под водой, — прошептала русалка. — И...

— И весишь, как тряпичная кукла, — Горислава схватила её под мышки и без усилий

подняла над землёй. — Так что не расстраивайся, ты человеком не стала. А туман — и без него проживём.

— Просто, случись что, я больше не смогу тебя защитить, — пробормотала Купава, отводя глаза.

— Чего несёшь, малая, — Горислава легонько встряхнула её. — Тут я старшая сестрица, и я буду тебя защищать, поняла?

Купава рассмеялась; на щеках снова появились эти ямочки, способные пробудить материнский инстинкт даже в таком чёрством сердце, как гориславино.

— Конечно, конечно, с такой сильной сестрицей глупо чего-то бояться! — сказала она с облегчением. — Хаха, от усталости совсем не соображаю! Горислава, может, пойдём поедим где-нибудь? Или даже поспим?

День начался хорошо, просто отлично. Наверное, поэтому всё и случилось: Горислава потеряла бдительность, разморённая солнышком, тяжёлым от денег кошельком и Купавой, которая была в восторге от торговых рядов, пусть те не шли ни в какое сравнение с ярмаркой. Она, как ребёнок, сыпала вопросами о том и о сём, иногда пытаюсь сама догадаться, для чего нужны те или иные вещи. И сама же смеялась над ответами. Горислава непроизвольно улыбалась в ответ. Отвыкшие от такого количества улыбок щёки скоро начали ныть.

Доставшиеся ей путём не особо праведным, но справедливым деньги змеиня старалась тратить с умом. Купила Купаве самые необходимые вещицы: кружку, ложку, небольшой нож, и суму, чтобы всё это складывать. Долго выбирали обувь: не привыкшей надевать что-то на ноги нежити было неудобно во всех. В конце концов, Горислава сама, на свой страх и риск, выбрала ей хорошенькие крепкие ботиночки, отчаянно надеясь, что русалке не будет натирать. Стоили они немало, но тётушка Божена всегда учила Гориславу, что на обувь денег жалеть не надо.

Уже покидая торговые ряды, они остановились около лотка, на котором были разложены яркие ленты. Точнее, остановилась Купава. Увидев, как загорелись её глаза, Горислава только усмехнулась:

— Хочешь? Покупай. От пары лент не обеднеем.

— Правда?! — Купава кинулась к прилавку. — Тогда хочу вот эту... И вот эту!

Она показала на голубую и зелёную ленты. «Ну конечно, какие могла выбрать русалка», — подумала Горислава, всё ещё улыбаясь. Но ответ торговки сразу стёр улыбку с её лица.

— Вон пошла. Змеиным подстилкам я даже лучины не продам.

Купава смотрела на неё ошеломлёнными круглыми глазами.

— Вон пошла! Что, не слышишь?! — торговка сердито толкнула её в грудь. — Не знаю, откуда взяла твоя желтоглазая подружка деньги, но кровью они пахнут! Как и всё у змеев!

Купава попятилась; Горислава схватила её за плечо.

— Попридержи язык, — прошипела она.

— Ещё и раскомандовалась! Вали в свои степи! — торговка сплюнула. — И девку свою забирай! Нибось, она соблазнила кого-то, а ты прирезала и деньги забрала! Что, права я? Права?!

— Гориславапойдёмнужнымнеленты! — протараторила Купавла, пытаясь оттащить змеиню от прилавка.

Горислава сделала несколько шагов вслед за ней, а затем, резко остановившись, обернулась — и плюнула точно под прилавок.

— Вот, держи. Твой товар больше не стоит, — сказала она сквозь сжатые зубы. Кровь в жилах змеини вспыхнула огнём, и время замедлилось: торговка медленно-медленно раздувалась, набирая в грудь побольше воздуха, чтобы закричать, медленно поворачивали головы другие торговцы, перегибаясь через прилавки, медленно останавливались прохожие.

— Ну, ну, что тут у нас? — голос, насмешливый и спокойный, тоже звучал для Гориславы медленно-медленно. Мужчина в богатом кафтане, отороченном лисьим мехом, и с тёмно-рыжими волосами неторопливо шагал к ним. Он грыз яблоко, и по подбородку ползла капля яблочного сока. — Путятишна — чего раскричалась?

Время вдруг пошло с прежней скоростью, и Горислава пошатнулась от неожиданно накатившей дурноты. Хорошо, что Купава сжимала её руку, не давая упасть.

— Сударь... Дак это... Змеиня... — Путятишна залепетала, подобострастно глядя в глаза рыжему. — Две девчонки... А денег, как у взрослого... Вот я поостерегалась, хе-хе...

— Путятишна, — рыжий мужчина оперся на её прилавок локтем, — Что ты в самом деле? Они тебе окровавленные сорочки пытались продать?

Путятишна сглотнула.

— Вот-вот, — рыжеволосый кивнул. — Так что впредь не считай деньги в чужой кошле и... — он швырнул огрызок яблока ней под ноги, — ...не чини беспорядок на торгу. Добром предупреждаю.

Он окинул взглядом прилавок, затем лениво взял три ленты — зелёную, голубую и глубокого сине-зелёного цвета, который, как говорил Велимир, далеко на востоке зовут «цин».

— Возьми, красавица, — сказал он, протягивая ленты Купаве и тепло улыбаясь. — Не держи зла на глупую бабу.

— Спасибо... — тихо сказала Купава и полезла в кошель. — Сколько это стоит?

— Для тебя бесплатно. Она тебя обидела, и подругу твою, — мужчина взял Купаву за руку вложил ленты ей в ладонь.

— Но это же нечестно... — пискнула Купава.

— Честно. В следующий раз она подумает, прежде чем грубить, — мужчина улыбнулся, свернув зубами. — До встречи, девочки.

Махнув рукой, он пошёл прочь.

— Спасибо, — сказала Купава ему в след, нерешительно сжимая ленты.

Горислава молча глядела ему вслед.

Он ей не нравился. Может быть, сейчас он спас её от очень серьёзной ошибки, вроде той, что заставила её бежать прочь из Изока, но всё равно не нравился. Не потому что рыжий, а потому что взгляд волчий, жестокий. И кафтан на плечах — слишком богатая одежда для простого горожанина, но для князя бедновата. Торговка его явно боялась — значит, было за что.

— Хорошая женщина, — Купава уже стояла у прилавка со злосчастными лентами, протягивая горсть мелочи, — Этого достаточно? Я не хочу чувствовать себя вором... Скажите, а кто был этот мужчина?

— Нет, нет, — Путятишна замахала руками, не желая брать деньги. — Это подарок.

Подарок. Ставр Елисеич сказал... Он прав... Я была груба... Простите, девочки, простите... — она всхлипнула и вытерла слезу, покотившуюся по щеке. — Нет, не давайте мне этих денег. Не возьму. Не возьму.

— Ставр Елисеич? — Купава сжала монетки в кулаке. — А кто он? Боярин? Или князь?

— Раб княжий, первый из всех, — торговка сжала губы, словно боялась сказать что-то ещё. — Идите, девочки, идите, да хранит вас Финист.

— Идём, — сказала Горислава. Как всегда после вспышки внутреннего огня, мир казался ей бесцветным и холодным.

Они молча шагали по улице. Хорошего настроения как ни бывало. Горислава не знала, что удручало её больше: грубость торговки, собственный припадок ярости, или вмешательство рыжеволосого мужчины, у которого на лице было написано «опасный тип». А может, то, что Купава уже второй раз видела, какой старшая сестрица бывает в гневе? Не пожалела ли, что связала себя узами с... бешеной степной тварью?

«Я имела полное право злиться!» — сжав зубы, подумала змеиня.

Имела. И тогда, в Изоке, и в караване, и с разбойником. И тут тоже — торговка унизила даже не её, а Купаву, чистую душу.

Только вот гнев был чрезмерным. Как только кровь в её жилах вспыхивала огнём — ярость затмевала всё. И чёрт её побери, если она знала, как им управлять.

— Горька, ты часто дралась в детстве? — спросила Купава.

— Часто, — глухо ответила змеиня. Ей было стыдно перед русалкой. Та же совершенный ребёнок, а с момента прибытия в этот город уже второй раз виснет у неё на руке, пытаясь удержать от опрометчивых поступков.

— Уверена, не ты начинала эти драки, — сказала Купава утешающе.

«Какая разница», — подумала Горислава. Она всё равно выходила виноватой. В глазах всех... Кроме собственной матери.

Когда она в первый раз заявила домой с разбитым носом, вся в крови, тётушка Божена ахала и охала, будучи в совершеннейшем ужасе, а мать просто сняла с неё испачканную рубашку и принялась умывать дочери лицо.

— Кровь только твоя? — спросила она равнодушно.

— Нет, — Горислава шмыгнула носом. — Их тоже.

— Их?

— Мальчишки. Мал, Четвертак, Вячко... Они начали... Дразниться... — Горислава сжала губы. Она не хотела повторять матери, что кричали мальчишки. Ведь они кричали не только про саму Гориславу, но и про её мать.

— Понятно, — голос матери был всё так же равнодушен. — Со всеми троили дралась? Разом?

— Да! — Горислава подняла голову и взглянула на мать яростными, блестящими глазами. Мать, похоже, ей не верила: мальчишкам было уже по десять-одиннадцать, а Купаве только восемь. — Честное слово, мама! Я побила их, заставила землю целовать и извиняться! Я сильная! Очень сильная!

— Сильная? — мать вдруг улыбнулась. Её холодное лицо, напоминающее икону из церкви Финиста, вдруг ожило, стало человеческим. — Всех трёх побила, значит? Молодец! — и поцеловала в макушку. Горислава замерла, не веря, что это не сон: мать целовала её разве что на праздник Возрождения Финиста, раз в год.

К вечеру у девочки начался жар. Она лежала на скомканных простынях с мокрым полотенцем на лбу, дыша сквозь потрескавшиеся губы. В полузабытьи она слышала, как мать с тётушкой Боженой разговаривают.

— Попа надо звать. Видано ли это, чтобы восьмилетка трёх десятилеток побила? Бабы говорят, она их расшвыряла, как тряпичных кукол... Вдруг диавол в неё вселился? — шептала Божена.

— Диваол в ней с рождения, — ответила мать со вздохом. — От отца. Его не изгнать, пока всю змеиную кровь из жил не выцедишь.

— Так что же? Что ж делать-то? Пропадёт девчонка... — запричитала Божена.

— Пропадёт она, если защитит себя не сможет, — мать неожиданно ласково поправила одеяло на Гориславе. — Так что силушка от степного диавола — её спасение. По крайней мере, никто её силой в полон не уведёт, как меня.

Наутро Горислава проснулась совершенно здоровой.

Часто. Часто она дралась. И это сделало её жизнь лучше. Мальчишки прекратили её задирать, а потом они даже начали дружить. Дрались вместе против мальчишек с другого конца Изока. Мать, слушая о её победах, слегка улыбалась, а Божена качала головой.

«Так ты никогда замуж не выйдешь, — говорила она. — Кому нужна драчливая жена?»

«Зато никто меня силой в полон не уведёт!» — отвечала Горислава гордо.

Разницы между браком и полоном она не видела. Наверное, её сердце вообще любить не умело, только ненавидеть. Как же она отличается от Купавы, которая даже после смерти не забыла чувств к своему возлюбленному, хотя и не помнила его лица...

— Горька, мы на постоянный двор идём? — спросила Купава, вырвав змеиню из задумчивости.

— А, — Горислава огляделась и поняла, что мимо двора они прошли. — Наверное. Слушай, Купава, посидишь пока на дворе? Мне нужно...

— Побывать одной? — догадалась Купава. Она обхватила её ладонь своими двумя руками. Между пальцев свисали цветные ленты. — Конечно, сестрица. Только не попади в неприятности, ладно?

— Не попаду, — сказала Горислава. В душе она в это не верила.

Старые шрамы. Часть 2

Некоторое время она бесцельно бродила по городу, потом уселась на берегу, рядом с брошенной, полусгнившей лодкой и тупо уставилась в воду. Змеиня завидовала воде: та текла по руслу к Полуденному Морю, ни о чём не думая и не беспокоясь. А вот ей, Гориславе, нужно было придумать, что делать дальше. Хорошо было бы пристать к какому-нибудь другому обозу, который отправлялся в Маковину, но кто захочет брать в охрану девицу, да ещё змеиню? Гостомысл взял её только по настоянию Божены, но она, Горислава, умудрилась всё испортить. И наверняка разболтал другим купцам, насколько бешеный у змеини нрав, так что просто пристать к обозу тоже не получится...

— Что, утопиться хочешь, красна девица? — насмешливый голос заставил Гориславу вздрогнуть. Рядом с ней стоял Ставр в своём слишком жарком для лета, слишком богатом для простого горожанина кафтане.

Змеиня покачала головой, глядя на незнакомца исподлобья. Она медленно поднялась.

— Спасибо, что заступились за Купаву, сударь, — сказала она, чтобы хоть что-то сказать.

— Да не за что. Пугятишна — крикливая баба. Змеи у неё то ли кого угнали, то ли убили, увидит жёлтые глаза — и сразу орать начинает, — Ставр говорил весело, но смотрел как-то холодно. — А мне вот змеи по душе... Да не сверкай глазами — не буду я к тебе приставать, девица. Не в том смысле. А в том, что... Пойдём-ка в кабак, потолкуем.

— А если я откажусь? Дадите уйти, Ставр Елисеич? — спросила Горислава мрачно.

— Дам, что я, разбойник какой, — усмехнулся Ставр. — Только вот ты упустишь хорошую возможность. Меня в городе знают и любят, и я могу помочь тебе с чем-нибудь. Если ты поможешь мне.

«Любят? Скорее, боятся», — подумала Горислава. Но что если Ставр сможет ей помочь? Уговорит какого-нибудь купца, направляющегося в Маковну, взять Гориславу в охранники. Так что она сказала:

— Ладно. Только водку в кабаке я пить не буду.

— И не надо, — согласился Ставр. — У тебя и трезвой голова горячая.

Отвёл он её не в какой-нибудь паршивый шинок, а в лучший кабак в городе, находившийся в двух шагах от княжеского терема, который возвышался на холме надо всем городом. Полы тут были чисто выскоблены, а кроме общего зала были огороженные резными деревянными стенками комнатки. В такую её и провёл Ставр, крикнув:

— Хозяйка, дай-ка икорки с караваем! У меня тут гостья!

Буквально через пару ударов сердца перед ним появился и каравай, и миска с искрой, и дымящиеся кружки извара, пахнувшего мятой.

— Угощайся, — сказал Ставр.

— Может, сразу к делу? — спросила Горислава.

— К делу так к делу. Понимаешь, у меня есть друзья в окрестностях, с которыми у меня вышел спор, — Ставр положил руки на скрещенные пальцы. — Мы решили разрешить его по-мужски. Мой боец против их бойца.

— Понятно, — Горислава криво усмехнулась. Что ж, её репутация бешеной твари неожиданно пригодилась. — У вас что, совсем с бойцами плохо, раз хотите меня? Вы ж ни разу не видели меня в деле.

— Они выставили со своей стороны змея, — сказал Ставр. — Такого же, как ты — с огнём внутри.

Улыбка мгновенно сползла с лица Гориславы.

— Может, простаков на ярмарке ты и могла дурить, но я знаю — степняка с огнём может забороть только другой степняк с нутряным огнём. И тут подвернулась ты. Так удачно.

— Я никогда не дралась с другим... Таким же как я, — сказала Горислава.

— Всё случается в первый раз, верно? — Ставр улыбался.

— Нет, — отрезала Горислава. — Я не буду сражаться с другим змеем.

— Боишься? — глаза Ставра были холодные и насмешливые.

— Я не боюсь, — сказала Горислава сквозь зубы. — Я просто знаю, что не во всякую драку стоит лезть.

Как же глупо это прозвучало из её уст. Но события последних дней даже дурака заставили бы серьёзно призадуматься — а совсем дурой Горислава всё же не была. Как будто боги специально ожили для того, чтобы указать ей на то, что неправильно она живёт. Или у неё, диаволицы, внезапно появился ангелос-хранитель.

Она встала. К богатому угощению Горислава даже не притронулась.

— У меня есть кое-что, что заставит тебя передумать, — сказал Ставр.

Он достал из кошелька на поясе и положил на стол стеклянный браслет Купавы.

«Прости, сестрица, я всё-таки попала в неприятность», — с горечью подумала Купава. Она смотрела на потолок той клетки, куда её кинули. Руки были связаны за спиной, а затылок ныл: приложили её по голове от души.

«Я такая глупая...»

Она привыкла считать, что опасность исходит от мужчин. Девочке с живыми чёрными глазами, которая сказала ей, что сестрица Горислава послала за Купавой, русалка поверила. Зашла вслед за ней в какой-то переулок — и тут же получила по голове. Очнулась уже здесь.

Ей было стыдно и страшно. Стыдно за то, что она так сглупила, а страшно — за Гориславу. Ведь теперь та придёт её выручать... Что разбойники от неё потребуют? Деньги? И Горислава останется нищей? От страшного осознания у Купавы из глаз хлынули слёзы. А если Горислава откажется отдавать деньги и будет драться?! Её могут убить, что даже хуже!

В закрытую дверь ударили.

— Да прекрати ты скулить, — сказал мужской голос. — Если твоя змеиня будет слушаться Ставра, то никто тебя не тронет.

Тронут? Её? Купава сморгнула слёзы. Ах да, её ведь тоже могут побить. Или вообще убить. Но в то, что она умрёт, как-то не верилось: разве можно убить того, кто уже мёртв? Ей казалось, что даже если ей отрежут голову, её тело просто растечётся водой, а потом она придёт в себя под родным обрывом, ничего не помня.

«Может, Горислава не придёт?» — мысль об этом больно отдавалась в сердце, ведь тогда получалось, что сестрица предала её. Но глупое сердце могло болеть сколько угодно, а умом Купава заранее одобряла такое решение: Горислава останется жива и при деньгах. В конце концов, они знают друг друга лишь три неполных дня. Сама-то Купава вцепилась в змеиню, как голодная щука из желания наконец-то заполучить настоящего друга. Может,

сама Горька смотрит на неё лишь как на досадную помеху. Или чувствует себя в долгу из-за того, что Купава её спасла. И, убравшись из города, через пару дней убедит себя, что встреча с русалкой была обычным мороком.

Дверь открылась, и Купава невольно отпрянула к стенке. Здоровый мужчина схватил её за шиворот и поставил на ноги.

— Идём. И не спотыкайся.

Держа Купаву за шкуру, он потащил её по полутёмному подклету, заставленному ящиками и бочонками, а затем — по лестнице наверх, в горницу. Купава сощурилась: ставни были открыты, и в окна, забранные слюдой и цветными стёклами, лился солнечный свет. Из-за висевшей в воздухе пыли лица головорезов и девиц-прислужниц, которыми была наполнена горница, показались русалке одинаковыми — стеклянные глаза, глумливые ухмылки. Только одно среди них выделялось, как лебедь среди уток.

Купава обречённо выдохнула:

— Горька...

На глаза навернулись слёзы. Горислава стояла перед ней. Хоть лицо её было застывшим, как у вмёрзшего в лед утопленника, Купава сразу заметила и красные глаза, и растрёпанные волосы.

— Купава, — сказала змеиня бесцветно. Её вертикальные зрачки были расширены чуть ли не на всю радужку. Купава уже подметила, что такое происходит, когда та выходит из себя.

«Не надо!» — отчаянно подумала она. Если Горислава бросится в драку, то погибнет. А сейчас рядом нет никого, кто мог бы её удержать!

— Вот она, змеиня, — сказал Ставр Елисеич. Он сидел на резной скамье в углу, между двух девиц, которые подливали ему вино в кубок. В пальцах он небрежно вертел купавин браслет. — Живая и целая. А то ты мне не верила. И такой и останется, если ты будешь хорошо меня слушаться.

— Не надо! — вырвалось у Купавы. — Не надо, Горька, уходи, убегай, пока можешь, со мной всё будет в порядке... Ай!

Ей вlepили пощёчину. Ай. Но по сравнению с тем что она чувствовала перед смертью, пощёчина была не страшнее комариного укуса, а потому русалка не замолчала:

— Со мной всё будет в порядке! Слышишь? Просто уйди...

Ей вlepили вторую пощёчину. Эх, хоть бы по разным щекам били — получился бы равномерный румянец.

Кулаки Гориславы сжались. Чёрт, да ведь она на грани того, чтобы кинуться в драку! Купава, теперь уже молча, отчаянно затрясла головой — «Не надо, сестрица, не надо!».

— Хорошо, — сказала змеиня мёртвым голосом. — Я сделаю то, что ты просишь. Сражусь со змеем. Только отпусти её.

— Отпущу после твоей победы, — Ставр подкинул браслет и снова поймал (у Купавы аж сердце упало). — А пока пусть у меня погостит. Обещаю, если будет вести себя хорошо, с её головы и волос не упадёт.

Взгляд Гориславы сверкнул бешеным гневом, без слов высказав всё то, что она думала об обещаниях Ставра.

— Браслет ей отдай, — сказала она. Ставр поднял бровь.

— Браслет. Он ей дорог, — сказала Горислава мёртвым-премёртвым голосом. Ставр пожал плечами и небрежно швырнул браслет змеине. Та вздрогнула от неожиданности — но

поймала.

— Пусть лучше у тебя побудет, — лениво сказал Ставр. — А то разобьёт, бечёвку осколками попробует перерезать... Ещё жилы себе вскорет... Знаем мы эти трюки. Так, поговорили и хватит, — он хлопнул в ладоши. — Змеиня, как стемнеет, приходи на Чёртову Копейку за городом. Там мы с ребятами и встретимся.

— Поняла, — сказала сквозь зубы Горислава. — Купавка... Всё будет в порядке, поняла? Всё!

«Ничего не будет», — подумала Купава, которую тащили назад в подклет. Она видела, что Горислава на грани того, чтобы сорваться то ли в гнев, то ли в плач. Разве в таком состоянии можно нормально сражаться?!

— Погоди-ка, — вслед за здоровяком спустился светловолосый мужчина. Несмотря на молодость, у него не было нескольких передних зубов. — Дай мне её и открой погреб.

На лице здоровяка мелькнуло крайнее омерзение, но он покорно подошёл к крышке на полу и открыл её. Купаву тут же накрыло тошнотворным запахом; она невольно отпрянула, но беззубый наоборот потащил её к погребу.

Увидев его содержимое, Купава не завизжала только потому что к горлу подкатила тошнота. Мертвецов она видела не раз, только вот под водой они ничем не пахли. В погребе же валялось по крайней мере три полуразложившихся тела, два мужских и оно женское. И, Богиня, как же от них воняло!

А беззубый толкнул её в спину.

И вот тут-то она закричала. Ботинок соскользнул в ноги упал на неподвижную грудь мертвеца; беззубый в последний момент подхватил Купаву и прошептал за ухо:

— Будешь буянить — я тебя кину к ним. Посидишь там. Поняла?

У Купавы только и хватило сил кивнуть. Это была угроза пострашнее побоев.

Её снова втокнули в полутёмную клеть, и она сжалась в углу, дрожа.

— Мерзость. Когда мы их уже похороним? — звучал за дверью голос здоровяка.

— Вот ты и хорони! — отрезал беззубый. — Нижний уже, нибось, в студень превратился. Хочешь, черпак дам — вычёрпывать его оттуда?

— Да пошёл ты! — здоровяк выругался, а беззубый захохотал. Потом заскрипели ступеньки лестницы: он поднялся на верх. Здоровяк же, судя по звукам, сел на стул около двери. Некоторое время всё было тихо. Потом Купава робко сказала:

— Дяденька, а, дяденька...

— Чего тебе? — после паузы ответил здоровяк. Он не выглядел особенно злым, и Купава решила попытать удачи, спросив:

— А с кем сестрице моей сражаться надо?

— Со степняком змееглазым, таким же, как и она, — отозвался здоровяк.

— Он сильный?

— Очень. Не знаю, на что Ставр надеется, он твою сестрицу враз заломает, — уверенно сказал здоровяк.

— Моя сестрица тоже сильная, — возразила Купава ревниво.

— Не такая, как он. Я кое-что знаю о змеях, малая, — кажется, здоровяк был рад поболтать. — И про нутряное пламя, которое есть у некоторых из них. Так вот — у этого степняка пламя сильное, и боец он опытный. А твоя сестрица такая молодая... Переломит он ей хребтину.

Купава всхлипнула.

— Да ты не плачь, малая. Твоя смерть Ставру без пользы, — здоровяк говорил утешающе. — А змеинька — такие, как она, долго не живут, судьба уж них такая...

Купава продолжала всхлипывать. Слезы заливали лицо. Горислава погибнет — и всё из-за неё, рыбины безмозглой!

Нужно было что-то делать!

Горислава смотрела, как рыжее солнце катится за горизонт — как в том самый вечер, когда они с Купавой свершили обряд под старым дубом, назвав друг друга сёстрами. Это было всего-то два дня назад. Всего-то два дня понадобилась, чтобы названная сестра оказалась в смертельной опасности из-за неё.

Мысль «бросить Купаву и сбежать», к стыду Гориславы, приходила ей в голову. В конце концов, не родная же ей русалка сестра, и знает она её всего ничего. Да и вообще Купава — нежить. Можно ли убить то, что уже мертво? Может, мёртвая Купава просто растечётся лужей воды, а через несколько дней очнётся под родным обрывом...

Может. А может, будет лежать, смотреть удивлённо опустевшими зелёными глазами, уже безнадежно мёртвая. Она же как ребёнок, даром что нежить, доверяет своей «сестре» всей душой. И если Горислава сейчас уйдёт, сбежит, то этот взгляд будет преследовать её вечно.

Поэтому змеине оставалось шагать вперёд, к Чёртовой Копейке — судя по названию, месту безнадежно проклятому. Прекрасное место, чтобы сложить голову. Свою или чью-то ещё. На последнее Горислава особо не надеялась: она никогда раньше не сражалась с другими богатырями. Да что там, в серьёзных, насмерть, драках тоже никогда не участвовала.

«А ведь тётушка Божена говорила мне, что драчливость до добра не доведёт», — с тяжёлыми сердцем вспомнила змеиня.

Чтож, не следовало в детстве давать сдачи мальчишкам, терпеть дразнилки и брошенные камни?

Или не следовало принимать участие в масленичных боях — после побед в которых у неё появились первые друзья?

Или не стоило соглашаться на предложение Лихо...

С Лихо Горислава встретила, почитай, случайно: мать послала к колодезю принести воды, и она увидела, как в переулке трое мальчишек с другого конца Изока колотят четвёртого. Конечно, змеиня не потерпела такой наглости — на их улице только её шайка могла кого-то колотить. Поэтому она бросила ведро и с воинственным криком кинулась отбивать пацана. Через минуту чужаки были обращены в позорное бегство, роняя капли крови из разбитых носов, а довольная Горислава дула на содранные костяшки пальцев.

— Ты кто? — спросила она.

Паренёк сплюнул кровь. Он был смуглый и жилистый, а волосы стояли на голове кудрявой шапкой.

— Скоморох я, — сказал он. — А звать меня Лихо.

Скоморох?! Тётушка Божена всегда чертила пальцем знак Финиста, когда упоминала скоморохов. Эти бродяги не жили на одном месте, а кочевали от города к городу, развлекая

народ песнями, плясками, представлениями с учёным медведем, да гаданиями. Болтали, что среди них полно воров и они крадут коней, отводя сторожам глаза с помощью своих чар, а их женичины — ведьмы, способные проклясть до седьмого колена. И что детей они воруют. А ещё, что если ребёнок рождается уродцем, или прижит не от мужа законного, его можно отдать скоморохам — и грех детоубийства на душу не возьмёшь, и от лишнего рта избавишься.

Поэтому Горислава ухмыльнулась и протянула руку Лихо. Она тоже была вроде как изгоем, а потому ощутила со смугляшом духовное родство.

— А я Горислава. Змеиня, — сказала она.

Много ли нужно десятилеткам, чтобы подружиться? Уже на следующий день они со скоморохом были не разлей вода. Лихо рассказывал ей о своей жизни в кочевье, смеясь над нелепыми слухами, что о них ходили.

— Раньше, говорят, скоморохи были простыми певцами, гусярами, — говорил он. — Пели песни про богов и героев. А потом в Сиверии приняли веру в Финиста и все святилища пожгли, скоморохов же приказали выдворять из городов и деревень, если не желают отказаться от своего ремесла. Вот, те, кто не пожелали отказаться, и стали кочевать. Детей себе берут на воспитание брошенных. Меня взяли...

— Тебя родители бросили из-за того что рожка у тебя чёрная? — Горислава в том возрасте в словах не стеснялась.

— Ага, — Лихо в том возрасте на слова не обижался. — Папка сказал мамке, что та меня с дьяволом нагуляла. А я думаю, это был заморский торговец — среди них есть чёрные, как смола!

Лихо быстро стал членом их маленькой, но дружной компании — Горислава, Мал, Четверак да Вячеслав, или просто Вячко. Пусть безусловным предводителем была Горислава, Лихо выдумывал лучшие проказы. Когда через месяц он ушёл вместе со скоморохами, стало скучно. Но к весне он вернулся и первым делом побежал в гости к Гориславе. С тех пор так повторялось из года в год: Лихо уходил и возвращался, принося истории и немудрёные подарки...

Сейчас Горислава понимала, что эти года были безоблачными и счастливыми. Конечно, произошло много плохого — мать Мала родила третьего мёртвого ребёнка и повредила рассудком, по Изоку прошла волна морового поветрия, унеся с собой жизнь Четвертака — но тогда у неё были настоящие друзья, а о будущем она не думала.

Если бы она его знала, то изменила бы что-нибудь? Например, не стала бы отбивать Лихо у мальчишек? Или даже сама бы добавила?

Нет. Чёрт побери, она бы поступила точно так же. Даже если б знала, как скоморох поступит с ней потом.

— Явилась! — голос Ставра вырвал её из размышлений. Он дружески хлопнул змеиню по плечу (Гориславе очень захотелось вырвать ему руку из сустава). — Я уж думал, что ты сбежишь.

На Чёртовой Копейке собрался народ: с одной стороны — люди Ставра, с другой — те самые «братья», о которых он говорил. Кто же они всё-таки такие, в чью драку Гориславу вовлекли? Рожи были разбойничьи и у тех, и у других, поэтому змеиня решила считать их разбойниками. Наряды у них были яркие, кичливые, как у щерцицев, и казались ещё ярче из-за заливавших поляну рыжих лучей солнца.

Точно на середину, на ту невидимую линию, что разделяла две шайки, вышел старик со сломанным носом и хлопнул в сухие ладоши.

— Итак, сегодня мы, как завещано отцами нашими и дедами, собрались на Чёртовой Копейке, чтобы решить возникшие между нами разногласия, — сказал он; голос был негромкий, но гомонившие разбойники сразу замолчали. — Пролить ложку крови, чтобы не пришлось проливать реку, хе-хе. Рябой, записывай: пятое Вересня, суд поединком. Судится у нас Ставр Елисеевич с Петром Червонцем...

Пётр Червонец возвышался над своей шайкой, как дуб над рожью. Его лицо как будто из булыжника высекли: мощный, квадратный подбородок, глубоко посаженные глаза и блестящий выбритый череп. Если у Ставра улыбка не сходила с губ, этого улыбающимся было представить невозможно. Что удивило Гориславу — за спиной гаваря стояла бледная черноволосая девушка, не похожая ни на разбойницу, ни на рабыню, и скучающе смотрела в землю, пожёвывая травинку.

Рябой — действительно рябой молодой парень — старательно, закусив язык, выцарапывал на бересте слова договора. Если б Горислава пребывала в менее мрачном настроении, она б восхитилась тем, как у разбойников всё устроено, как будто не разбойники они, а княжьи люди.

— В случае выигрыша Ставра Елисеевича — право на охрану обозов, идущих по Маковинскому Тракту, переходит к нему. В случае выигрыша Петра Червонца — остаётся у него, — диктовал старик. — Проигравшая сторона обязуется не нападать на обозы, охраняемые выигравшей стороной. Поединок ведётся до утери сознания одним из поединщиков...

Горислава увидела, как бледная девушка дёрнула Червонца за рукав, и, встав на цыпочки, прошептала ему что-то на ухо. Тот коротко кивнул, и, сделав шаг вперёд, сказал:

— Нет. Я требую поединка до смерти.

Старые шрамы. Часть 3

По прикидкам Купавы, прошло несколько часов; связанные руки отчаянно ныли, хотелось есть — а плана побега всё ещё не было. В клетки имелись только кучка соломы, ведро для справления нужды и деревянная миска с парой глотков воды; ничего, чем можно было бы разрезать верёвки, или хотя бы попытаться перетереть. Монотонно вещал по ту сторону двери охранник, которому, видимо, наскучило молчать:

— Ставр Елисеич — большой человек. Главный в этом городе. Чужаки думают, что тут правит князь Гордей Янтарь, а здешние знают — Гордей только и умеет пить. Продерёт глаза, и сразу чарке тянется, а вечер в кабаке проводит. Все его дела Ставр делает. Они одногодки почти, только Гордей уже на четыре десятка выглядит... Чудно, что жив ещё. Эй, малая, ты там как?

— А как я могу быть-то? — угрюмо сказала Купава. — Уже закат, наверное... Слушайте, дяденька, а что за Чёртова Копейка, где бой будет?

— Поляна такая, травы там почти не растёт. Проклятая, вестимо... — ответил охранник. — А что спрашиваешь? Сбежать хочешь?

«Конечно, хочу!» — сердито подумала Купава, а вслух сказала:

— Просто мы с сестрицей, наверное, эту Чёртову Копейку видели. Рядом с южными городскими воротами, да?

— Ты чего, малая, какие южные ворота? Она на севере от города, выше по течению реки. Оттуда ещё Монастырский остров видно, — охранник усмехнулся.

Купава мысленно похвалила себя за то, что узнала местоположение этой чёртовой Чёртовой Копейки. Только вот какая от этого знания польза когда ты связанная в клетки валяешься? Эх, если б не пропавший колдовской дар... Конечно, её способность лепить фигурки из тумана мало чем могла помочь, но всё-таки лучше, чем ничего. А так оставались только сидеть, привалившись к стене, и пялиться на собственные ноги: одна босая, другая в ботинке. У Купавы снова слёза навернулись на глаза, когда она вспомнила, как Горислава радовалась, выбирая ей ботинки — даже улыбнулась один раз шире, чем обычно. Как она расстроится, узнав, что один потерял...

Ну и пусть расстраивается! Лишь бы осталась жива. Не видя иного выхода, Купава принялась молиться Богине. Конечно, матушка Параскева говорила, что боги мертвы, в том числе и Богиня, Матерь-Земля — но русалка не могла поверить. Разве нечто столь великое и могущественное, как боги, могло просто так умереть? Тем более что матушка также говорила, что в Купаве, как во всех русалках — частица силы Матери-Земли.

«Вода небесные принадлежат Громовому Кузнецу, — голос ведьмы звучал в голове так, будто она стояла за плечом, — а земные — Матери-Земле, Пряхе Судеб. Ты родилась в реке — а, значит, и жизнь твоя, и сила, исходят от Матери-Земли...»

— Мы с братишками давно уже договорились решать свои споры на Чёртовой Копейке. Даже не мы, а деды наши, — разглагольствовал за дверью охранник. — Пусть лучше ложка кровь прольётся, чем река. Ты там что, снова ревёшь? Не реви; я ж говорю, тебя Ставр не тронет. Ну, рабой сделает, но ты хорошенькая, муж быстро найдётся. Сиротой не останешься, босой ходить не будешь...

«Босой»?! Купава распахнула полуприкрытые глаза, поражаясь догадке, которая заглянула в её гудящую от голода и рыданий голову.

Её сила идёт от земли...

Ей было противно надевать обувь, и согласилась на это она только потому что Горислава требовала...

И тут у неё, Купавы, пропали колдовские силы...

Закусив губу, Купава подцепила пальцами босой ноги ботинок на обутой и стянула и его тоже. Затем, опершись сначала связанными руками, потом — спиной на шершавую стену, встала на ноги. Под ногами была не земля, а дощатый пол, но Купава прикрыла глаза и сосредоточилась на том, что было под слоями досок и камня. Влажная, тёмная масса — чрево Матери-Земли, что рождает каждую весну посева, и хоронит их осенью... Земля... Исток всех рек... Купава — дочь реки, значит, внучка Земли...

Ступни тронуло прохладой, как будто русалка зашла в ручей; прохлада потекла по жилам, к сердцу. По лицу Купавы расплылась улыбка: один удар сердца назад она была просто беспомощной связанной девочкой — а сейчас стала частью Матери-Земли. Почувствовала, как журчит-поёт на востоке великая Роса, как копошится в глубине флегматичный крот; как разлагаются брошенные на земляном полу в погребке тела неизвестных мертвецов.

— ...Что-то я разболтался. Может, ты о себе что-нибудь расскажешь? — судя по звуку, скучающий охранник наливал себе что-то в кружку. — Как так вышло, что твоя сестра — змеиня? Матери у вас разные аль одна?

Купава сползла по стенке на пол. Сердце колотилось как бешеное. План, который родился у неё в голове, был воистину безумным. Но придумывать лучший времени не было.

— Разные, — заговорила она, подползая к миске, в которой ещё оставалась вода. — И отцы тоже. Мы не родные сёстры. Названные... — она окунула связанные руки в миску, чтобы верёвка хоть немного промокла. — Я рано осиротела. Мать умерла, отец. Остался только... дядя.

Откуда в её голове взялся этот дядя — она не знала. Просто болтала, что взбредёт, сосредоточившись на мокрой верёвке.

Она умеет управлять туманом.

Туман, если скатать его в плотный-преплотный комок, становится водой.

Значит, воду она тоже может заставить плясать по приказу.

А значит...

Узы, стягивающие запястья Купавы, пошевелились. Теперь, когда верёвка была мокрой, русалка ощущала все её изгибы, видела не глазами, но кожей, как та свивается в узел. Сжав зубы, она заставила воду потянуть кончик узла на себя... Вот так... Сильнее, чуть сильнее...

— Что замолчала? — спросил охранник.

— ...Дядя. Он обо мне заботился... Но мне было одиноко... И я познакомилась с Гориславой... Она мне сразу понравилась, и мы подружились... — вяло рассказывала Купава. Узел никак не поддавался — крепко же они его затянули! — Я хотела... Хотела, чтобы она была всегда рядом... И мы принесли друг другу клятвы... Назвали сёстрами...

Она прерывисто вздохнула. Голова кружилась, перед глазами плыло — но своего Купава добила: верёвка соскользнула с рук и мягко упала на пол. Русалка не сдержала стона — запястья просто взвыли от боли.

— Чего ты там? — с неудовольствием спросил охранник. Купава отчаянно тёрла запястья, пытаясь вернуть рукам чувствительность.

— Да в голове мутно. Голодная я, — сказала русалка как можно жалобнее. — Дяденька,

дайте мне поесть. Хоть хлеба краюху, а?

— Ставр сказал, к тебе не входить, говорит, странная ты какая-то, — сказал охранник. — Но... Я вот ничего странного в тебе не вижу. Разве будут беда от краюхи хлеба?

Он завоzilся, открывая засов. Купава отползла в глубь клетки, сжав в пальцах платок — его, к счастью, разбойники не забрали, так и остался на плечах. Темницу залило мерцающим светом лучины.

— Малая, — охранник тёмным силуэтом вырос в проходе, — Ты чего? Хлеба у меня просила, а теперь вон куда уползла... Боишься, что ли?

Он сделал шаг вперёд. И тут Купава взмахнула платком.

«Я требую поединка до смерти». Червонец смотрел на Гориславу, и в его глазах был лёд. Льдом сковало и сердце Гориславы.

Правила кулачных боёв разнились от города к городу, от веси к веси. В каких-то на руки надевали плотные кожаные перчатки, в других требовали драться без них, ведь в перчатках так легко спрятать свинцовое грузило; в одних разрешалось быть лежачего, в других — запрещалось; где-то бой вёлся до первой крови, где-то — до потери сознания одним из поединщиков.

И только в исключительных случаях драки на кулаках были до смерти.

— Огорчил ты меня, Ставр, рыжий щенок, — сказал Червонец. — Только кровь это смоем.

— Ты должна победить, — прошептал Гориславе на ухо Ставр. Его голос дрожал: кажется, он не ожидал такого от Червонца. — Ты. Должна. Победить. Поняла?

— Пошёл к чёрту, — онемевшими губами ответила Горислава. Она не смотрела на рыжего разбойника, только на собственного противника. Тот неторопливо снимал рубашку, открывая жилистое, отмеченное рубцами тело. Змею было лет тридцать. В чёрных косах проглядывала седина, а щеку пересекала глубокая борозда уродливого шрама. Слова Червонца, кажется, его совсем не испугали — во всяком случае, лицо его осталось бесстрастным, как и было.

— Что ж, да будет так, — выкрикнул Ставр. — Я выставляю своего поединщика. Горислава из Изока!

— А я — своего, — Червонец вроде не кричал, но его спокойный, холодный голос легко перекрыл весь шум. — Хурга-змея.

Хурга вышел вперёд, на лишённый травы пяточок, в честь которого Чёртова Копейка, вестимо, и получила своё имя. Он дёрнул головой, хрустнув шейю.

Горислава швырнула на землю суму — и тоже стянула рубашку. Мужики глумливо рассмеялись, кто-то присвистнул; но голых грудей они не увидели — змеиня крепко подвязала их остатками льняной Купавиной сорочки. Наука, которую она хорошо усвоила в Изоке: мужчины пьются на женскую грудь, даже на такую убористую, как у змеини, что увеличивает шансы на победу.

Но этот пьиться не будет.

Змеиня повторила движения Хурги: вышла вперёд, хрустнула шейю. К её удивлению, змей отвесил ей короткий поклон.

Вежливость! Вот уж чего не ждала от змея... Пусть засунет её себе в зад, да поглубже, и

провернёт пару раз. Горислава демонстративно сплюнула, глядя на противника — и поединок начался.

То был счастливый день — они пошли на ярмарку: Горислава, Мал, Вячко и Лихо. Подростки быстро потратили мелочь, что дали им родители, на пряники, которые съели и теперь просто гуляли между торговых рядов, разговаривая и смеясь. И чёрт — а точнее, Лихо — дёрнул их пойти посмотреть на кулачные бои.

— Когда-то это было священным действием, — рассказывал Лихо. Зрители вопили, пока на огороженной верёвками площадке двое юношей лупили друг друга кулаками, и скомороху пришлось наклониться к самому уху змеини, чтобы она что-то расслышала. — Прославляли Громоваго Кузнеца на праздничные дни... А теперь это просто развлечение...

Плюясь кровью, один из участников боя упал.

— Хватит! — крикнул он. — Хватит!!

— Пощады просит, — сообщил Лихо. — Ба, это ж наш! Демьян!

Демьян был их вечным соперником в драках — но не всё-таки своим, изокским, а вот победитель — чужаком. Причём, судя по штанам и поясу, даже не из Сиверии.

— Кто ещё? — он обвёл взглядом толпу. — Слабоваты вы, лапти. Уже третьего подряд заставляю землю целовать!

Говор у него был смешной: «слабоваты» звучало скорее как «щлябоваты». Это выдавало в нём щерцинца, уроженца Святого Королевства Щерцины, лежащего на западе от Сиверии. Сиверцы щерцинцев не любили — не за говор, конечно, а за высокомерный нрав и фанатизм. Веровали они тоже в Пресветлого Финиста, но как-то по другому, и считали жителей Сиверии жалкими дикарями. Сиверцы им платили взаимностью, называя «западными змеями», а чаще просто «щекками».

Мал решительно принялся проталкиваться вперёд.

— Ты уверен? — крикнул ему вслед Лихо.

— Я сейчас этому щеку белобрысому перья жопе выщипаю и рот ими заткну! — воинственно прокричал Мал. Ему было почти шестнадцать, но последний год он начал резко расти и мужать, так что выглядел совсем взрослым. Силушки у него тоже было вдосталь: он единственный из всей компании мог меряться с Гориславой, хоть и неизменно проигрывал.

Работая локтями, змеиня, Лихо и Вячко смогли протолкаться вперёд. Азарт боя захватил их — они вопили громче взрослых, поддерживая друга, который сошёл с щерцинцем в бою. И не сдержали разочарованного стоны, когда Мал, валяясь на земле, запросил пощады. Он вернулся к друзьям, имея вид побитой собачонки и хлюпая разбитым носом.

— Идём отсюда, — пробурчал он.

— Нет, — Горислава смотрела на ликующего щерцинца, сощуриив и без того узкие глаза. И сделала шаг вперёд. Запах крови щекотал ноздри, пробуждая в душе веселье и гнев: Мал был её другом, её соседом, а тут его побил и унизил какой-то мямля-щек.

Лихо схватил её за плечо. Попытайся он остановить её — и она бы послушалась. Змеиня почему-то доверяла ему больше Мала и Вячко. Даже больше, чем самой себе.

Но друг только шепнул:

— Удачи.

— Что, мужики у вас кончилищ? — спросил щек, когда Горислава вышла на

площадку. — Тебе щколько, девочка? Четырнадцатать хоть ещть?

— Десятого листопада будет, — сказала она.

— И думаешь, я буду драться с тринадцатилеткой? Да ещё с девкой? — щек фыркнул. — То, что ты в штанах ходишь и кощы обрезала, не делает тебя мужчиной. Иди к мамке, займищ вышиванием!

— Я тебе сейчас на роже что-нить вышью, — сказала Горислава насмешливо. — Боишься? Девки боишься, щек шепелявый?

Глаза щека полыхнули гневом.

— Не бью я девок, но ради тебя щделаю ищключение, — сказал он. — Тем более девка ведь человек. А ты тварь какая-то змееглазая...

Они сделали несколько кругов по Чёртовой Копейке, примериваясь. Горислава атаковала первой — с нападением у неё было лучше, чем с защитой, а использовать она собиралась любое преимущество. Когда Хурга ушёл от удара и вмазал ей под рёбра — она не удивилась; влепила ему второй удар, левой рукой — и только потом отступила, задыхаясь. Хурга вытер кровь, потёкшую по подбородку.

— Первая — твоя, — сказал он спокойно. — Хорошо. Кто учил тебя драться?

— Сама, — прохрипела Горислава.

— Это видно, — Хурга атаковал её, и если от первого удара ей удалось увернуться, второй и третий опрокинули её на спину. Она перекатилась и снова вскочила на ноги, влепив кулак в лицо змея. В этот удар она вложила столько сил и пламени, сколько смогла, но Хурга молниеносным движением отвёл её руку в сторону.

— Только сила. А скорость? — и он нанёс удар столь быстрый, что Горислава его даже не заметила, не то что не успела обернуться; просто мгновение — и она уже на земле.

«Нет! — пальцы царапали твёрдую, утоптанную землю. — Я не могу умереть здесь. Не могу... Не умру!»

Она вскочила. Хурга нанёс ей ещё один удар, но она увернулась.

«Пока огонь горит — я не умру»

Кулак Гориславы врезался в живот Хурги. Он не согнулся пополам, как обычный человек, но замешкался — и змеиня ударила его в глаз. Разбила костяшки о чужую бровь.

«Купава! Я! Спасу! Тебя!» — она наносила удар за ударом, и огонь растекался по жилам, угрожая сжечь. Хурга отступал, защищаясь.

...Ей досталось совсем немного одобрительных криков, а после того как щерцинец, валяясь на земле, начал просить пощады, воцарилось молчание.

— Вот ведь тварина степная... — чей-то шёпотом прозвучал как крик. Горислава обернулась, выискивая глазами болтуна — но не нашла, понятное дело. Тем более что рабочий глаз был только один: второй ей подбили. Лицо её было залито кровью из разбитой брови и губ, нарядная рубашка — безнадёжно испорчена, но она осталась стоять.

А противник — молодой мужчина куда больше и старше её — лежал.

И это наполняло её бешеным, звериным восторгом.

— Вот так-то, щек шепелявый. Помни лаптей из славного города Изока, — сказала она насмешливо. И Мал торжествующе заорал; к нему через мгновение присоединился Вячко, а потом вся толпа изокцев.

На выходе из ярмарки Лихо протянул ей горсть монет.

— Это твоё. Заработала, — сказал он.

— Чё? — Горислава непонимающе выставила на него единственным глазом. Восторг победы ушёл, и теперь она с ужасом думала, что скажет матери, как объяснит заляпанную кровью и грязью рубаху и разбитую физиономию.

— Заработала, говорю. Бои эти один из наших устраивает. Из скоморохов. Захар его звать, но ладно, ты его не знаешь... — Лихо махнул рукой. — Словом, там можно не только смотреть, но деньги на победу ставить. Потом выигрши поровну делится, за вычетом барыша для Захара... Все на щека ставили, — Лихо ухмыльнулся. — А я — на тебя. И выиграл раз в два-на-десять больше, чем поставил. Но себе забрать все эти деньги нечестно будет, верно?

— Так этим заработать можно? — спросила Горислава, покачивая в руке монеты. Авось если она отдаст их матери, та не так расстроится из-за загубленной рубашки...

То был счастливый день.

Наверное, этот мужчина не был злым. Не он давал Купаве пощёчины, не он угрожал столкнуть в вонючий погреб. Даже утешить пытался по-своему, и вот теперь откликнулся на её жалобную просьбу дать поесть.

Но Горислава была русалке дороже.

«Прости», — мысленно сказала она — и взмахнула платком. Не успел охранник удивиться, что пленница освободилась от верёвок, удивился ещё больше — густой белый туман облепил ему лицо, как снег. Грязно выругавшись, он замолотил руками перед собой, пытаясь то ли Купаву схватить, то ли самому за что-то схватиться; русалка же бросилась вперёд, проскользнула под рукой охранника — и вылетела в подклет. Она захлопнула дверь и закрыла засов — успела мгновение до того, как охранник опомнился и замолотил кулаками в дверную створку.

— Ах ты ж сучка мелкая! — орал он так, что слышно было и на чердаке. — Братья! Братушкии-и-и! Девка сбежала! Держите её!

Голова кружилась: всё-таки сидеть большую часть дня связанной и голодной не улучшает самочувствия. Но Купава дала себе роздыху только пару ударов сердца, а потом кинулась к вонючему погребу. Схватила за кольцо, потянула на себя тяжёлую крышку...

По лестнице загрохотали сапоги — в подклет вбежали двое, один из них — тот самый, щербатый, что обещал кинуть Купаву к трупам.

— А ну стой! — взвыл он. — Я те ща зубы-то пересчитаю!

Зря он тратил время на крики. Купава успела взмахнуть платком — и туман белой змеей скользнул к трупам, напитываясь мерзким, тошнотворным запахом. Ещё один взмах — белая змейка кинулась в лицо бегущим на Купаву мужчинам, забила ноздри и глотку. Эффект превзошёл даже ожидания Купавы: беззубый свалился на пол, уронив обнажённый нож и принялся неудержимо блевать; второй схватился за стойку-подпорку, силясь удержаться на ногах.

А Купава бросилась к лестнице.

В горнице было только несколько девиц, которые застыли столбом, когда к ним ворвалась растрёпанная, босая русалка. Только одна отшвырнула поленья, которые тащила в руках, и попробовала схватить Купаву. Черноглазая, черноволосая — не та ли, что заманила

Купаву в ловушку и огрела по затылку?

Неважно.

Единственным оружием Купавы была верёвка — сложенная втрое, зажатая в руке. Русалка хлестнула ей, как кнутом, метя девушке в глаза. Та взвизгнула и отпрянула к стене, успев крикнуть:

— Держи её! Держи!!

Купава вылетела во двор. Лаяла, срываясь с цепи, собака; какие-то мужчины бежали к русалке, один из них сжимал в руках топор.

«Попалась рыбка в сети».

«Не сбежать».

Купаву охватило пьянящее веселье — чувство, незнакомое и родное одновременно. Она широко улыбнулась — и прыгнула: сначала на поленницу, потом на крышу дровяного сарая. Двор был обнесён невысокой оградой — препятствие для тех, кто за ней погонится, но не для Купавы. Русалка расхохоталась и помахала преследователям рукой, прежде чем спрыгнуть на улицу.

— Ааа! Ведьма!!! — понеслось ей вслед.

« Попрошу! — подумала Купава несколько обиженно. — Русалка!!»

Не медля, не ожидая, пока эти мужчины придут в себя и кинутся в погоню, она что было ног понеслась туда, откуда пахло рекой. Прохожие шарахались, как мальки от опущенной в воду руки.

Солнца катилось к горизонту. Наверное, поединок был в разгаре, но она успеет.

Должна успеть.

Удар, ещё удар. Костяшки пальцев Горислава ссадила на обеих кулаках. Она била, била и била — но Хурга всё ещё стоял.

Огонь, который пылал внутри змеини, был только рад этому. Он жаждал крови, но каждая капля его лишь больше распалила. Иногда из красного марева перед глазами выплывало лицо Хурги — окровавленное, но с внимательным, сосредоточенным взглядом. Звенели в ушах крики разбойников.

Горислава смеётся. Глаз у неё подбит, а зуб шатается, но она счастлива. Выиграла ещё один бой. И они с Лихо, как взрослые, выпивают в кабаке.

Мать хмурится. Божена причитает. Но Горислава твёрдо говорит: «Дармоедкой быть не хочу. Шью я плохо, хозяйство у нас не такое уж богатое, а замуж меня никто не возьмёт» — и высыпает на стол заработанные деньги.

Она всё больше времени проводит с Лихо и скоморохами.

Отец Лавр хмурится каждый раз, когда видит Гориславу в церкви. «Негоже девице участвовать в игрищах бесовских, драться на потеху дуракам», — говорит он. Добрая душа. Когда её мать в церкву не пустили, заставили молиться снаружи, вместе с блудницами, Лавр сам лично её за руку внутри привёл.

«А что мне делать-то? — пожимает плечами Горислава. — Я ведь диаволица степная, такой самое то со скоморохами плясать»....

...«Пощади! Пощади!! — кричит Мал. Он отползает прочь от Гориславы, цепляясь за

землю единственной рукой — вторая выгнулась под неестественным углом. Нога тоже волочится. — Не надо, Горька! Пожалуйста!»

Горислава наступает на друга. Бывшего друга. Слёзы текут из глаз и высыхают на щеках — под кожей горит огонь.

«Это всё Лихо! — Мал упирается спиной в стенку сарая. — Это всё он, он придумал!!»

...Что?! Она лежит на земле?!

Но как...

Хурга схватил её за волосы, вздёнул на ноги — и снова швырнул на землю. Горислава попыталась подняться и поняла, что не может. Тело не слушалось её!

— В тебе горит яркий огонь, — сказал Хурга. Его лицо заливала кровь, подбитый глаз превратился в узкую щель. — Но ты не умеешь им управлять. А кто не умеет управлять огнём... — он схватил её за повязку на груди, поднимая. — ...Выгорает изнутри.

Он занёс руку для удара — последнего.

«Нет. Я не могу... — мысли давались с трудом. Мгновение назад кровь в жилах пылала, а теперь остались только прогоревшие угли, тлеющие в темноте. — Я не могу умереть...»

Она поймала кулак, летящий ей в висок — и что есть силы пнула Хургу ниже пояса. Он взвыл, отпустив змеиню, и она упала на землю, не в силах держаться на ногах.

— Нарушение! — голос старика грозно прозвенел над поляной. — Нарушение правил!

Правила. Да. Ниже пояса бить нельзя. Ногами бить нельзя. Убивать... Можно.

— Да пошли вы все! — взревела Горислава. Она оперлась рукой на землю и встала, пошатываясь. — Я не собираюсьдохнуть здесь! И мне плевать на ваши разборки! Я... — глаза змеини остановились на Ставре. Тот был бледен от злости, кулаки сжаты. — Убью тебя!!

Нужно было сделать это сразу, когда он положил на стол стеклянный браслет Купавы. Сразу свернуть рыжему шею, разбить голову о стол, а потом уже идти освобождать сестру. Пошла у него на поводу... Как в полон! Хватит этого!!

Время замедлилось для всех, кроме Гориславы — как тогда, на торговых рядах. Разбойники не успели ни достать оружие, ни закрыть собой вылезшего вперёд Ставра, и змеиня ударила его в грудь. Рыжий отлетел, как набитая соломой кукла; его едва успели подхватить. Ничего — сейчас Горислава схватит его, приставит к горлу нож, и потребует привести Купаву...

Только вот драгоценный нож остался в суме. А разбойники уже выхватывали оружие. Запоздалое сожаление настигло Гориславу: огонь внутри мог прибавить ей силы и скорости, помочь ранам быстрее затянуться и даже вырастить новый зуб, но сделать кожу твёрже был не в силах. Разбойничий кистень врезался ей в плечо. А другой, наверное, в голову. Боли она не почувствовала, но перед глазами сразу стало белым-бело.

«Всё-таки помру», — обречённо подумала она, падая на землю.

Но её подхватили.

— Не смей терять сознание! — прошипел ей в ухо знакомый голос. — Быстро, Горька, быстро!

Они бежали, проталкивались сквозь толпу ошеломлённых — и вооружённых! — людей, вдруг оказавшихся в густом, как молоко, тумане. По крайней мере один раз Горислава упала, на неё кто-то наступил, она наступила на кого-то — но в итоге они буквально вывалились на речной берег.

Змеиня оглянулась. Густой туман, словно облако присело на землю, окутывал Чёртову Копейку. Из него выскочил рябой писарь — и, поглядев на змеиню с русалкой круглыми глазами, кинулся бежать прочь.

— Купава... Как?! — прохрипела Горислава.

— Не время болтать! Бежим! — Купава потянула Гориславу за локоть. — У меня нет сил держать облако долго!

Выглядела русалка неважно. На бледной щеке расплывался синяк, глаза лихорадочно блестели, лицо осунулось. Она была босой, а полосы ткани на руках размотались, открывая синяки от верёвок — старые и новые.

И всё же она была. Живой и целой, насколько это можно сказать про нежить.

Они вломились в заросли кустарника у берега, зашлёпали по воде, где покачивалась на волнах старая лодка. Горислава попыталась влезть в неё — и свалилась на дно: ноги отказали окончательно. Рядом с ней, звучно грюкнув, упала сумка, а на лицо — плащ.

— Купавка, ты... — прохрипела Горислава, поднимая голову.

— Не оставлять же твои вещи разбойникам! — Купава, по пояс в воде, отталкивала лодку от берега. — Лежи спокойно, не то перевернёшься!

Она нырнула, но на глубину не ушла; огромной белой рыбой поднырнула под лодку, и, схватившись за привязанную на нос верёвку, потащила посудину прочь. Горислава только и нашла в себе силы отползти к корме, чтобы как-то уравновесить кренящийся вниз нос, и провалилась в темноту.

Последнее, что она увидела — удаляющийся берег. И стройный силуэт на нём.

Бледная черноволосая девушка, стоявшая за спиной Петра Червонца, стояла среди поломанных кустов, и смотрела им вслед.

— Ты опять победительница, — Мал наполнил из бутылки две чаши. Горислава принялась: запах был незнакомым, но хмельным и сладким. Неужто не наврал друг, действительно достал вино из Царских Земель за Полуденным Морем, где солнце поджаривало людей до смоляной черноты? Нехорошо было, конечно, распивать такое сокровище за спинами Лихо и Вячко, но Мал настоял на том чтобы снять пробу первыми. Они расположились в сарае для сена. Сквозь щели в стенах падал лунный свет, уютно пахло соломой.

— Опять. Но это благодаря Лихо, — сказала Горислава, проследив взглядом за мышью, шебаршащейся в тёмном углу. — Знаешь, раньше и не подозревала, как много в этих кулачных боях зависит от того, кто их устраивает. Представляешь, соперников для всех серьёзных драк подбирают скоморохи. Лихо говорил мне, что они почти всегда знают, кто победит... И могут уговорить сильного соперника поддаться, и всё такое...

— Тебе нравится Лихо? — вдруг спросил Мал.

— Лихо? Мне? Ну да. Он мой друг... — Горислава пожала плечами.

— А... — Мал хотел что-то сказать, но осёкся и протянул змеине чашу. — Вот, пей. Слушай, а что ты думаешь делать после? Не завтра, а через год, через два...

— Уйду со скоморохами, — сказала Горислава уверенно.

— Что?! —

— Долото! — Горислава опустошила чашку. — Матушка и тётя Божена шитьём на

жизнь зарабатывают, а я только рвать одежду умею. Хозяйство у нас небольшое. Замуж меня никто не возьмёт.... В дружину княжескую? Я девка, ещё и змеиня. Чего, с голоду подыхать? Со скоморохами я хоть голодать не буду.

— А может, и возьмут тебя замуж. Ты девка красивая... — сказал Мал.

— Красивая?! Дурачина ты! — Горислава рассмеялась и хлопнула его по плечу. — Или слепой совсем! Я степная диаволица, которая дерётся на потеху публики с замотанными кое-как сиськами. Какая из меня жена?!

Она упала на сено, не прекращая хохотать.

— Это вино... Действительно хорошо... — заплетающимся языком сказала она. — Нужно непременно... Угостить Лихо... И Вячко...

Разум тонул в хмельных и тёплых волнах. Кажется, Мал ей что-то говорил, а она не понимала, что — она смеялась и пыталась ему объяснить, что слишком пьяна для разговоров, но язык заплетался. В какой-то момент она просто вырубилась. Ей чудилось, что ей снова восемь вёсен, она лежит на лавке в лихорадке, а мать рядом говорит: «Силушка от степного дьявола — её спасение. Её силой в полон никто не уведёт, как меня».

В полон. В полон... Какая-то неясная тревога проникла в сон, как капля дёгтя в сладкий мёд — и Горислава открыла глаза.

— Мал... Что ты... — она тупо уставилась на друга, который распутал своё пояс и уже спустил штаны. — Мал?!

Она попыталась сесть — и поняла, что пояс развязан и на ней.

— Что?! — Мал поперхнулся воздухом. — Чёрт... Действие закончилось так скоро?!

Бутыль и две чаши блеснули в свете звёзд. Горислава перевела взгляд на полугололого Мала.

— Нет, — прошептала она. Глаза наполнились слезами. Дрожащими руками она завязала свой пояс.

Как это могло быть?! Как? Мал, её друг, с детства её друг, напоил её, чтобы обесчестить?

— Нет! — взвыла она. Кровь в жилах вскипела, мгновенно высушив слёзы. — Нееет! — и бросилась с кулаками на эту тварь, на этого подменыша, оборотня, который принял облик её друга. Который поступил с ней так, как никогда бы не поступил настоящий Мал.

И когда хныкающий, как побитый пёс, Мал отползал к стене, волоча сломанную руку, Горислава поняла: никакой это не был оборотень. Мал всегда был таким. Масляный блеск в глазах, эти взгляды на рубашку Гориславы там, где едва угадывалась маленькая, плотная грудь, сальные шуточки... Одна бутылка вина на двоих на сеновале...

— Это всё Лихо! — стонал Мал. — Это он всё придумал! Приворотное зелье. Приворотное зелье, сказал, продам!

Горислава пошатнулась. Ей даже не пришло в голову не поверить словам Мала. Сердцем чувствовала — правда.

Оборотней среди её друзей было два.

Горислава даже не выругалась: никакая брань не выразила бы того, что было у неё на душе. Она просто похромала к выходу из сарая. Опьянение то уходило, то возвращалось — но всё же она дошла до стоянки скоморохов.

— Лихо! — заорала она. Час был поздний, но ей было плевать. — Лихо!! Ты тут? Выходи, тварь!

Она ходила между повозками и орала, как настоящий пьяница. Она огрызалась на

ругательства в свой адрес. В какой-то момент она поняла, что её окружают скоморохи — разбуженные и настороженные. Половина из них сжимала в руках оружие.

— Горька, — Захар-яроморочник положил ей руку на плечо, — Иди домой, или у нас заночуй. Ты набралась лишнего, на ногах не стоишь...

— Заткнись! — Горислава сбросила его руку с плеча. — Лихо! Где Лихо?!

Смуглого юношу притащил пожилой скоморох.

— Успокой свою бабу. Пьяная, всех перебудила, того гляди буянить начнёт... — проворчал старик, подталкивая Лихо вперёд. Смуглая кожа Лихо была сероватой из-за бледности, и глаза он отводил.

— Ты... — Гориславу душили то ли слёзы, то ли гнев. — Ты. Ты продал Малу приворотное зелье? Так? Он... Он ведь врёт?!

Ей вдруг смертельно хотелось услышать от Лихо — «Да. Врёт». Хотелось, чтобы только один её друг оказался подлецом.

Но Лихо сглотнул и отвёл глаза.

Кулак Гориславы впечатался ему в скулу. Лихо пошатнулся, по губам потекла кровь, которая в лунном полумраке показалась чёрной.

— Эй! — Захар схватил Гориславу за локоть. — Чего творишь! Не буянь!!

Но Горислава опустила руку сама. Гнев, бешеный гнев, с которым она избивала Мала, не возвращался. Она смотрела, как её бывший друг выплёвывает выбитый зуб, и чувствовала только боль.

— Не друг ты мне больше, — выдавила она. — Не друг....

Она развернулась и, пошатываясь, пошла прочь.

Старые шрамы. Часть 4

Ей снилось, что она падала и падала в тёмную бездну. Иногда глубоко внизу вспыхивал огонёк — но не рыжим пламенем, не алыми прожилками, а жёлтовато-зелёным, гнилым огнём.

Потом она поняла, что это не огонёк — это огромный, как озеро, змеинный глаз. Он приблизился — мгновенно и неотвратно, раскрылась гигантская пасть, и зубы величиной с горы сомкнулись над Гориславой...

...Змеиня очнулась. И тупо уставилась на незнакомый потолок.

«Мне стоит прекратить приходить в себя избитой и в незнакомом месте», — мрачно подумала она. Отлупили её знатно: болело везде и ещё в паре мест. Поморщившись, она села на набитом соломой тюфяке, скинув плащ, которым была прикрыта. В прошлый раз это была заброшенная мельница, сейчас — какая-то лачуга с единственным окном, колченогим столом и стулом. Найдя взглядом свои вещи — аккуратно сложены в углу — Горислава с облегчением вздохнула и потянулась к кувшину, заботливо поставленному неподалёку от постели. Она пила медленно и жадно, роняя капли воды на рубаху.

— Уже пришла в себя? — услышав незнакомый мужской голос, Горислава мгновенно оторвалась от кувшина и напряглась. У входа в лачугу стоял монах — немолодой, с добрыми морщинками у глаз. Чем-то он напоминал отца Лавра.

Но Гориславу морщинками было не обмануть.

— Где Купава? — спросила она, глядя исподлобья. Воображение рисовало жуткие картины, как монахи протыкают несчастную русалку копьями, или, связав, подвешивают над костром. Последователи Пресветлого Финиста ненавидели нежить и тех, кто молился старым богам, а Купава была и тем и другим.

— Здесь я! — зазвенел голос Купавы снаружи. — Отец Варфоломей — я принесла воды, как и обещалась!

Она влетела в лачугу, и, бухнув ведро на пол, кинулась к Гориславе.

— Горька! — упав рядом на колени, она обняла её за плечи, и змеиня охнула от боли. — Живая! Я уж боялась, что ты не очнёшься!

— Вот только не надо меня пытаться добить, — проворчала Горислава, обнимая русалку в ответ. — Где мы?

— Около монастыря, — сказала Купава. — Это у них я укра... Одолжила лодку, — она виновато посмотрела на отца Варфоломея, заправляя светлую прядь за ухо. — Тогда и заприметила эту лачужку. Принесла тебя сюда...

— А я с утра увидел, что в окне горит огонь, и зашёл полюбопытствовать, — монах присел на скамью. — Этот дом брат Еремей построил, любил порыбачить в одиночестве. Только его не стало прошлой зимой, я уж испугался, что он упырём вернулся... — он добродушно усмехнулся в усы. — Но нашёл двух измученных девчушек, которые спасались от разбойников.

— В монастыре только вы о нас знаете? — хмуро спросила Горислава. События последних дней добавили ей подозрительности, а со служителями Финиста отношения у неё всегда были сложные.

— Только я. Зачем рассказывать другим? — пожал плечами монах. — На разбойниц вы не похожи. А даже если на самом деле разбойницы — пусть Финист вас судит... Для меня

вы просто две беглянки, которым нужна крыша над головой и время чтобы залечить раны.

— Спасибо огромное, отец Варфоломей! — Купава низко поклонилась монаху, и чувствительно ткнула Гориславу в бок.

— Спасибо, — пробурчала Горислава.

— Да не за что. Я немного еды с трапезной вам принёс. Когда хорошо ешь, быстрее поправляешься, — он положил на стол узелок. — Пойду я. Лечи старшую, малая, — перед тем, как уйти, он потрепал Купаву по голове, и та ответила ему своей чудной улыбкой.

Когда дверь за ним закрылась, они некоторое время молчали. Горислава понятия не имела, что говорить. Первой нарушила молчание Купава:

— Горька...

И Горислава обняла её за плечи, уткнувшись в плечо.

— Прости, — прошептала она.

— За что?!

— За... За всё. Что я втянула тебя в это... Что тебе пришлось всё это пережить... Я должна была защитить... Я приношу несчастья всем, с кем связана...

— Горька, ты чего несёшь?! В чём ты виновата? — Купава вырвалась из объятий и, схватив за плечи, посмотрела змеине прямо в глаза. — Не ты ж меня в заложники разбойникам отдала! Так и я могу сказать, что я виновата, что дала себя похитить!

— Ты не поняла? — Горислава криво усмехнулась. — Тебя похитили, чтобы заставить меня сражаться за Ставра. Если бы я не начала драться на ярмарках за деньги...

— Если бы, если бы! Если бы тот купец, Гэ-чего-то-там, не начал на тебя орать тогда, на причале, Ставр бы и не знал, что ты драться умеешь. Значит, это он виноват!

— Он же начал орать потому что я его сына избила. Если бы я не...

— Он к тебе приставал. Ты дала сдачи, — Купава смотрела на неё ясными глазами. Горислава спрятала лицо в ладонях. — Ну что ж такое! Так не пойдёт, сестрица! Вставай-ка. Сначала поешь, а говорить будем потом.

Трапеза была нехитрая: запечённая на костре рыба, хлеб, да какой-то травяной отвар в треснувшей кружке. Горислава жевала медленно, морщась от боли в разбитом и распухшем лице, но после еды ей полегчало.

— Горька, я тебя не в чём не виню, — сказала Купава, когда змеиня закончила. — Я... Давай ты сначала расскажешь.

— Что? — хмуро спросила Горислава.

— Что хочешь. Кажется мне, душу надо тебе облегчить, — сказала Купава.

— Кажется ей... — фыркнула Горислава. — В тебя призрак монаха вселился? Они, кстати, вообще знают, что ты...

— Мёртвая? Нет, конечно, я не настолько дурочка! — хихикнула Купава. — И не «они», а «он», только отец Варфоломей про нас и знает. Не знаю, насколько он достоин доверия, но я решила рискнуть. То есть тащить тебя куда-то и искать другое место для ночлега казалось поутру ещё худшей идеей. Зеркала тут нет, но поверь — я видела утопленников, которые краше...

— Догадываюсь, — пробурчала Горислава. — Как ты сбежала?

— А, значит, сначала моя история? — Купава хищно улыбнулась. — Тогда слушай...

— Убила! Убила сына моего тварюга проклятая! — Федора Фёдоровна наступала на Косану, брызгая слюной. — Лежит второй день, встать не может! Он подругой её

называл! А она...

Горислава стояла за плечом матери. Ей не было страшно — все чувства как омертвели. Только когда Федора толкнула Косану в плечо, Горислава выступила вперед, закрывая собой мать.

— Мать не трожь. Хочешь бить — бей меня, — сказала она, сжав кулаки.

— Тыгы! — Федора попробовала влечь ей пощёчину, но Горислава поймала руку и сжала запястье женщины.

— Твой сын меня опоил и хотел обесчестить, — сказала она сквозь зубы. — Это он тебе сказал?

— Обесчестить? Тебя?! — Федора вырвала руку и отступила. — Да откуда у тебя честь! Ты голыми сиськами на всю ярмарку сверкаешь, да к скоморохам ходишь, а всем известно, что скоморошки — первые шлюхи! И ты шлюха. Как твоя...

Велимир двигался бесшумно, как кошка, и был так же быстр: Горислава и понять не успела, как он вклинился между ней и кричащей бабой, и перехватил удар змеини.

— Ну-ка, девица, успокойся, — сказал он ей. — А ты, женщина, к сыну иди. Он у тебя умер? Нет. Значит, девчонку в убийстве обвинять пока рановато.

— Вам это с рук не сойдёт! — прошипела Федора. — Князю в ноги кинусь, буду просить справедливого суда... Шлюха, змеиное отродье, да чернокнижник... Всех вас на кол посадить надо! На кол!!

Она ушла, но её рыдания и крики долго разносились по улице.

Горислава стояла, опустив голову. Бормотала, молясь у образов, добрая тётушка Божена.

— Наломала ты дров, — бесстрастно сказала мать, присаживаясь на скамейку.

— Я не вру, — сказала Горислава. Губы дрожали. — Он пытался... Мне что, было перед ним ноги раздвинуть и? ...

— Всё в порядке, — Велимир хлопнул Гориславу по плечу. — Хорошо, что я тут оказался, не то ты б ещё и Феодоре Фёдоровне рёбра поломала. Сделанного, как говорится, не воротить, поэтому давайте решать, что дальше.

Его спокойный и деловой тон отрезвил Гориславу. Грязную мыслишку о том, что Велимир даже рад произошедшему — такой шанс подлизаться к Косане! — она отбросила, как шелудивого пса.

— Ничего себе, — историю Купавы Горислава слушала с открытым ртом, тем более что русалка устроила из рассказа целое представление — носилась по всей лачуге, показывая, как обманула охранника, потом оглушила ещё двоих, и наконец сбежала. — Ты...

— Дурочка, да. В ловушку попала, ботинки потеряла. Извини уж, — Купава села на край стола. — И вещи все они у меня украли.

— Главное, жива, — буркнула Горислава. Потерянных вещей было жалко, но потерять они несравненно больше. — Никакая ты не дурочка. Ты... Умная, смелая, и...

— Безумная? — Купава расхохоталась.

— Не без этого. Знаешь, из тебя куда лучшая старшая сестрица, чем из меня, — хмыкнула Горислава.

— Ну уж нет, мне больше нравится быть младшей! — Купава вскочила и закружилась по комнате.

— Теперь я буду рассказывать, — слова давались Гориславе тяжело, но она чувствовала,

что ей нужно было это сделать. — Может, после услышанного ты вообще не захочешь быть моей сестрицей. Тот сын купца, Вячко... Может, он и не заслужил тех побоев. Я просто... — Горислава почесала голову. — Начну сначала. В детстве у меня были друзья, мы все на одной улице жили. Мал, Четвертак и Вячко. Потом подружились с Лихо — парень из скоморохов. И были мы не разлей вода...

Горислава сидела в стороне от лагеря и смотрела на звёзды. Она ощущала странное спокойствие. Да, ей пришлось спешно покинуть Изок — но разве в глубине души она не знала, что это случится когда-нибудь? Змеиня всегда была лишней в этом городе. Теперь, после предательства двух лучших друзей, это стало её ясно окончательно. Велимир обещал позаботиться о её матери, защитит, если что, так что на этот счёт Горислава могла быть спокойна: старый воин всегда держал слово.

— Чего одна сидишь? — Вячко бухнулся рядом. От него пахло хмельным мёдом. Гориславу передёрнуло.

— Ты пьян. Отстань, — сказала она, отворачиваясь.

— Эй, чего? Я ж тебе ничего плохого не сделал, — сказал Вячко обиженно. — И я твой друг всё ещё. Вон, уговорил отца взять тебя в охрану обоза. Хоть бы поблагодарила.

— Спасибо, — буркнула Горислава. От протянутого кувшина с хмельным мёдом отказалась. — Нет, хватит с меня.

— Не доверяешь? Ну, ладно, — Вячко только вздохнул. — Я б никогда не поступил, как Мал. Он получил по заслугам. Сжюльничать решил...

— Чего?

— Да ничего, — Вячко глотнул из кувшина. — Слушай, у тебя с Малом чего-то было? Ну, успел он...

— Не успел, — Горислава хмурилась. — Давай-ка колись. Что значит «сжюльничать»?!

— Да ничего! — пьяно рассмеявшись, Вячко вдруг подался вперёд и поцеловал её в губы. Горислава вскочила.

— Ты куда? Это ж просто поцелуй. Я коснулся тебя губами, и всё, — Вячко пожал плечами. — Я ж твой друг, нет разве?

— Ещё раз такое выкинешь, и я тебе... — Горислава перевела дыхание и села рядом. — Давай, говори, в чём Мал сжюльничал!

— Ну, поспорили мы, — с неохотой сказал Вячко. — Мы с Малом. Кто первым тебя... Ты понимаешь, мы вроде как друзья, но ты девушка, да? — его рука легла прямо на грудь Гориславы. Она не двинулась.

— Отвали, — сказала она бесцветно.

— Ну, ты понимаешь? — повторил Вячко. Руку не убрал. — Ты девушка. Мы нет. И разве порядок, что ты такая... Одна и одна, любви не знаешь? Мы и поспорили, кто первый... Как это говорится... Цветочек твой сорвёт. А Лихо ставки принимал.

— Отвали, добром прошу, — омертвевшие губы двигались едва-едва.

— Вот я и подумал, — Вячко посмотрел на неё осоловелыми глазами. — Ты можешь со мной, того-этого? А выигрыша я тебе отсыплю половину... Иначе Лихо, хитрый гад, всё себе заберёт... Мы ж друзья?

— Больше нет, — сказала Горислава.

И вцепила кулак в ставшую ненавистной пьяную физиономию.

Купава бросилась Гориславе на шею.

— Бедная ты моя сестрица! — прошептала она, прижимая её к себе. — Эти мальчишки — аргх — я б их в речке утопила, горло б перегрызла, попадись они мне! Так предать тебя...

— Ты думаешь? — Горислава криво ухмыльнулась. — Но... Так подумать — разве я была умнее их? Я бы могла, ну, не выбивать всё дерьмо из Мала. Он ж не успел меня трахнуть. И вообще думал, что это приворотное зелье, и я прям-таки жажду познакомиться с его... женилкой. С Лихо могла бы поговорить, может, у него совесть проснулась бы. С Вячко вообще глупо вышло... Могла бы его просто оттолкнуть и пойти прочь, но... Разозлилась.

— Ох, Горька, твоя жизнь — это твоя жизнь, но будь я на твоём месте, от меня бы они живыми не ушли, — глаза Купавы яростно блестели. — Я б им женилки оторвала и рыбам скормила, чтобы неповадно было, вот что я бы сделала!!

— Не ожидала от тебя, — хмыкнула Горислава. Как ни странно, после разговора с Купавой ей действительно стало легче. — Ты ж вроде добрая.

— Да раз я их убить хочу, разве я добрая? — вздохнула Купава. — Я ж себя не знаю, не помню. Может, я просто умею мило улыбаться, а на самом деле глубоко внутри чудовище...

— Чуть не неси. Какое ты чудовище! — отрезала Горислава.

Купава улыбнулась.

— Тебе поверю, — сказала она. — Поверь и ты: я не злюсь на тебя за это... приключение и не считаю тебя виноватой. Мне даже понравилось. Не та часть, где я связанной сидела, конечно, а та, где я сбежала. Это было так... — Купава замаялась, подбирая слова — так весело. Мне кажется, я просто вспомнила, — пальцы русалки нервно скомкали понёву, — при жизни я любила рисковать. Любила попадать в опасные ситуации и выбираться из них. И смеяться при этом. Кем же я была? Может, разбойницей какой? Или этой, как её, скоморошкой?

— Да не важно, — сказала Горислава, и тут же поправилась, чтобы это не звучало пренебрежительно. — Мне не важно. Мне важно, кто ты есть сейчас, поняла? А сейчас ты моя младшая сестра. Которая... Которая уже второй раз спасает мою дурную задницу, — она скупно улыбнулась, и Купава с готовностью расплылась в ответной улыбке. — А сейчас давай-ка я тебе переплету косу. Эта совсем растрепалась.

Горислава наклонилась над рекой, силясь разглядеть своё отражение и оценить ущерб. Лицо до сих пор было припухшим, не хватало одного клыка, а от передних зубов остались только неровные осколки. Морщась от боли, Горислава расшатала их, выдрала из десны и бросила в реку — сначала один, потом другой. По воде расплылись кровавые кляксы.

За спиной хрустнула ветка, и Горислава резко обернулась. Отец Варфоломей стоял неподалёку; лицо оставалось в тени капюшона, и его выражение было не разглядеть.

— Умеете вы подкрадываться, святой отец, — усмехнулась щербатым ртом Горислава. Она не была рада видеть отца Варфоломея: пусть он и не рассказал другим монахам о беглянках (ну, или утверждал, что не рассказал!) и даже принёс хлеба, он оставался слугой Пресветлого Финиста. Горислава же была степной диаволицей — существом, которое Финист своим сиянием одарит в последнюю очередь. Да и ходил этот отец слишком тихо.

Подозрительно.

— И тебе доброго утра. Ты выглядишь лучше, чем вчера, — сказал Варфоломей, спускаясь к воде.

— Говорите начистоту. Слишком сильно лучше, да? — сказала Горислава, сложив руки на груди.

— Твои раны заживают удивительно быстро, не иначе как милость Финиста снизошла на тебя, — невозмутимо сказал монах.

— За дурочку-то меня не держите. Будто не поняли, что я степная диаволица с нечистым даром, — проворчала Горислава. — На мне всё заживает как на собаке. Отец Валериан говорил, что это нечистый бережёт мою плоть, чтобы я больше зла могла причинить...

— Я понял, что ты девушка, попавшая в беду, — с достоинством ответил отец Сергей. — И я не могу придумать большой гадости нечистому, чем протянуть тебе руку помощи. Чтобы тебе не хотелось творить зло.

Горислава нахмурилась. Говорил монах красиво, но доверия к нему не прибавилось.

— К тому же у меня свои счёты со Ставром Елисеевичем, — невозмутимо добавил отец Варфоломей. — С ним ты и повздорила, верно?

— Угадали, — сказал Горислава: всё равно скрывать смысла не было, — Можете мне тогда сказать про него хоть пару слов? Кто он вообще такой?

— А ты не поняла? Ублюдок, незаконный брат князя Гордея, — Варфоломей присел на замшелый пенёк и сторбился, — который с молодых ногтей хочет надеть княжескую соболью шапку. Как старый князь умер, он мать Гордея со свету сжил, а брата споил до свинячьего состояния. Весть город его, но это ему мало.

— Понятно. А что за Пётр Червонец? — пусть Горислава и хотела убраться от Лукарецка куда подальше при первой же возможности, немного узнать о том, в какие игры её вовлекли, не мешало.

— Петька-то? Из Подгорного он, старшой тамошних наймитов, которые купцов за деньги охраняют.

— То есть не разбойник? — удивилась Горислава.

— Скажем так: если купец решит не платить подгорным, то разбойники на него точно нападут, — сухие губы монаха тронула ухмылка.

— Порядки тут у вас... — Горислава покачала головой.

— И так везде. От Царь-порта до Серебряного града, — слова монаха сочились горечью и желчью. — Переломили нам хребет степные ханы. Пусть мы и не платим им дань больше, не та Сиверия стала, совсем не та... Князья друг другу в горло норовят вцепиться, поселяне разбойничать идут. Шайки лихих людей свои земли и города имеют. Как стольный Семигорск змеи сожгли, так порядку и не стало. В каждом городе свой царь-государь! Царя Василия безумцем прозвали, да только при нём такого бардака не было... Сиверия — как труп, который черви глодают... А ведь заморские короли тоже не дремлют... Друзьями они нам никогда не были, пусть и князья отдавали своих дочерей им в жёны... Щерцинцы особенно, они давно зубы на наши западные города точат!

Горислава возвела глаза к небу. Мудрый старец сейчас говорил, как выпивоха Ефим, завсегда Исокских кабаков. После пяти-шести чарок его начинало разбирать: начинал рассказывать всем желающим и нежелающим, что всё плохо, а гилейские и иберийские цари, не говоря уже о щерцинском, спят и видят, как бы завоевать Сиверию. Помнится один

раз змеиня не выдержала, схватила Ефима за шиворот и окунула несколько раз в бочку с водой (стояла в углу на случай пожара) под дружный хохот завсегдатаев. Она подавила желание сделать то же самое с отцом Варфоломеем, а просто сказала:

— Ну, доброго дня вам. Думаю, мы уже сегодня уберёмся.

— Я вам дам лодку, — сказал монах, к счастью, прекращая свои унылые разглагольствования. — Плывите на восточный берег Росы, в село Жабки — его с нашего острова видно — оставите там лодку у мирянина Егора Шестипалого....

— Ставр не будет нас там искать?

— Зависит от того, насколько вы ему насолили, — сказал монах. — У Ставра точно есть глаза и уши в Жабках, так что я советовал бы убираться оттуда как можно скорее. Еды я вам на дорогу дам, сколько могу. Куда путь собираетесь держать?

Горислава смотрела на него исподлобья, не решаясь сказать.

— Совет вам дам, — если монах и обиделся на недоверие, то ничем этого не показал. — Идите из Жабок в Осины, а потом в Одоленскую Лавру. Там пристаньте к каликам идите на полуночь, в направлении Белояра.

Горислава подняла бровь. В лавру? Им?! Утопленнице да диаволице?

— Передадите заодно письмецо другу моему, брату Киприану, — сказал монах. — Он вам поможет, чем попросите. В пределах разумного.

— То есть, святой отец, чтобы нас пинками от лавры не прогнали, нам нужно сразу сказать, что мы от вас и позвать вашего друга? — Горислава скрестила руки на груди. Варфоломей укоряющей покачал головой. — Бросьте. Будто кто-то не знает, что моё племя в стенах церкв не любят.

— Никто вас прогонять не будет, — монах вдруг улыбнулся, словно знал тайну, неизвестную Гориславе.

Нет, не нравился ей этот монах. Не нравились его улыбки, его тихие шаги. Но предложение было лучшим вариантом, как ни посмотри. С Гостомыслом она рассорилась, пытаться набиться в охрану другого каравана себе дороже, раз тут всем заправляют Ставр с Петром Червонцем. Путешествовать в одиночку опасно. А калики-странники, нищенствующие певцы духовных стихов — не лучшая компания, но хоть что-то.

Поэтому она коротко сказала:

— Спасибо.

И зашагала к рыбацкой хижине. Монах задумчиво сказал ей в спину:

— Одного я не пойму. Как твоя сестрица к нам на остров добралась, чтобы лодку стащить. Неужто она у тебя так хорошо плавает?

Горислава вздрогнула и ускорила шаг.

Осиное гнездо. Часть 1

Злой родич хуже змея степного.

— Отец Варфоломей, кажется, хороший человек, — сказала Купава. Она устроилась на носу лодки, а Горислава гребла.

— И скорее всего догадался, что ты русалка, — сказала Горислава. Грести она умела плохо, но быстро приноровилась. — Всё думал, как ты на остров к ним попала, чтобы лодку стащить.

На щеках Купавы появились улыбочивые ямочки.

— Ха, тут я не придумала, что ему соврать! Но он лишних вопросов задавать не стал. Я ж говорю, он хороший человек: слугитель Финиста — а не стал нападать на нежить!

Тут Горислава не нашлась чего сказать. Но убраться подальше от монастыря она была рада, пусть её раны зажили не до конца: новые зубы отрасти на успели, а почерневший ноготь на указательном пальце — наступил чей-то кованый сапог — не посветлел ни капли.

Жабки были деревенькой, обычной, насколько это было можно. Хаты, резные наличники, подсолнухи в огородах да свиньи, валяющиеся в грязи. Мирянин Егор лишних вопросов задавать не стал — хоть и поглядел на девушек с удивлением. А вот его дебелая жена смотрела из-за плетня враждебно: ревновала, что ли? Из-за её плеча с любопытством глазела конопатая девушка. Не было сомнений, что не успеет солнце зайти, она растрезвонит всем подружкам о двух девках, одной босой, другой змееглазой....

Поэтому и тут задерживаться Горислава не стала. Сторговала у коробейника обрезки ткани — перемотать синяки Купавы на запястьях — и пару лент.

— Что ты, Горька, не стоило, — сказала Купава, глядя на протянутый Гориславой подарок. Одна лента была синей, другая — зелёной, как те, что она хотела купить в Лукарёвке. — У нас и так немного денег, а ты...

— Не болтай, а бери, — сказала змеиня хмуро. — Ты мою задницу спасла и хоть такой малости заслуживаешь.

Просияв, Купава тут же навертела ленты на косу. Кое-как навертела, по-дурацки, и Горислава дала себе зарок переплести ей косу нормально, как только окажутся в безопасном месте.

Только вот где оно...

Они прошагали версту по дороге, ведущей к Осинову и как раз собрались передохнуть и перекусить, когда их догнала телега.

— Вы в Осиново, значит, идёте? — окликнула их возница — молодая женщина в зелёном платке. — Я тоже туда. Подвезти вас?

Горислава заколебалась: усталые ноги хотели сказать «да», а подозрительность, точившая сердце — категорическое «нет». Купава же без колебаний выпалила:

— Да!!! Хранит вас Финист, не иначе как Он вас к нам послал. Мы уже совсем умаялись!

Змеиня с трудом сдержала смех, так забавно звучало поминание Финиста на устах Купавы. Учítывая, что сама змеиня Пресветлого поминала раз в год, то у неё этому русалка научиться не могла. Не иначе как от отца Варфоломея нахваталась — и когда успела!

Купава тем временем бодро вспрыгнула на телегу и протянула Гориславе руку.

«Чёрт с тобой, — подумала змеиня, хватаясь за прохладные пальцы сестрицы. — Если уж эта крестьянка на самом деле работает на Ставра и заведёт нас в ловушку — лучше мы

попадёмся в неё не умотанными дорогой».

Смирная лошадка неторопливо трюхала по полю, которое — как сейчас поняла Горислава, приглядевшись — было огромным пожарищем, уже почти заросшим. Купава взахлёб болтала с крестьянкой — как выяснилось, её звали Татьяна. Змеине оставалось только дивиться, как беспамятная нежить умеет начинать и поддерживать разговор.

— Два года назад тут всё выгорело. Из степи огонь принесло. Это Острожье выжигалось всё вдоль шляха. Коням нечего жрать — степняки в набег не пойдут... — рассказывала Рябина. — А ветер подул в нашу сторону. Даже в Осинках что-то сгорело.

— Разве это не опасно? — охнула Купава. — Что может быть страшнее пожара!

— А что делать? — Татьяна пожала плечами. — Змеи-то похуже будут. Острожье ведь всё-таки сожгли несколько месяцев назад... Царица у нас блаженная, — вдруг забранилась она, нахмутив брови. — Говорят, когда змеи нашими землями владели, они набег устраивали только на тех, кто дань не платил... А теперь как от них откупиться? Какому из ста ихних ханов платить и сколько?

Горислава закатила глаза. И тут разговоры о князьях и ханах. Что за проклятое место этот Лукорецк, что тут даже крестьяне чешут языки не о том, с кем Авдотья через плетень целовалась.

— Вот как! Много зла вам змеи чинят, — сочувственно сказала Купава. — Но на сестрицу мою вы косо не смотрите. Хороший вы человек — не все такие...

— А что на неё смотреть? Одежка-то наша, значит, и сестрица твоя наша, — усмехнулась Татьяна. — У меня самой кровный прадед змей, бабка с жёлтыми глазами была, но уже мать обычной родилась. Прабабке свезло, что дед от неё не отказался, хоть порченая была. Не всем так повезло...

— Не всем, — глухо сказала Горислава. История мытарств матери после побега из плена была вечной болью змеини, хоть рассказывала она её дочери нечасто. И с пугающе каменным лицом.

— Говоря, Осиново заново пришлось отстраивать от того набега. Ничего, отстроили!

«Точно как материну родную деревню...» — рассеянно подумала Горислава.

— Осиново на берегу Роси стоит? — поинтересовалась русалка, вдруг встрепенувшись. Значит, учуяла реку.

— Нет, на Камышовке... Приток Роси великой, её сестрица, — ответила Рябинка. — Уже почти приехали!

Она показала на блеснувший над лесом блеснул символ Финиста на колокольне церкви.

— Что с тобой? — спросила Купава. Затылком, что ли, она видеть умеет? Потому что как иначе она заметила, что Горислава вздрогнула так, что прокусила до крови губу.

— Ничего, — глухо ответила Горислава.

Мать никогда не говорила, как называлась её родное село. Упоминала только, что оно стояло на берегу речки Камышовки.... Неужто то самое?! Когда они наконец въехали в Осиново, Горислава заозиралась по сторонам. Ничего необычного: село как село, наличники резные, берёзка ветви на дорогу свесила... Плющ плетень увил... Может, на этом месте стояла родная изба матери, которую змеи сожгли. Где-то тут, может, и дядя матери живёт. Который ей плюнул под ноги, когда та вернулась, назвав «змиевой жинкой». Или жених. Который на порог её не пустил. И мать его. Которая орала вслед Косане «потаскуха»... Горислава вцепилась в борт телеги так, что тот затрепал. Она ведь даже их имён не знает!! Ни имён, ни лиц.... Любой взрослый может оказаться тем самым, из-за кого мама

разучилась улыбаться.

— Горька, — Купава положила ей руку на плечо. От ладони русалки исходила прохлада, и разгоравшийся гнев присмирел. Горислава прерывисто вздохнула.

— Всё в порядке, — глухо сказала она. Соврала: ничего в порядке не было, её трясло. Но дала себе зарок — не спрашивать тут никого о красной девке Косане. Не выяснять, где те люди, что так жестоко поступили с её матерью.

Потому что не сдержится ведь. Убьёт.

Татьяна, как выяснилось, приехала к куму. Кум был не против, если девушки переночуют у них; Горислава попросила дать им угол в сенном сарае, пусть кум и хотел постелить на лавке в сенях.

Так ей было спокойнее.

Она развалилась в сене, прикрыв глаза, а Купава легла рядом, прижалась, как маленький ребёнок (хотя почему «как»...).

— Что произошло? Что с Осиновым не так? — спросила она шёпотом.

— Моя мать тут родилась, — глухо сказала Горислава. — Семья была. Младшие братья-сёстры. Жених. А потом змеи пришли, всё сожгли. Младшие перепугались и под лавку спрятались. Так и сгорели и с избой. Старики схватили вилы, пытались задержать змеев, чтобы дать детям время бежать... Умерли от змеиных стрел. Мать моя у колодца была, когда добежала до дома, то только мертвецов увидела. Говорила, что кинулась в горящий дом, там кричали, а змеи её за косу схватили и прочь потащили...

— Бедная ты моя, — прошептала Купава, погладив её по груди.

— Да что я! Это ведь не со мной случилось, — Горислава болезненно скривилась. — Пару лет мать моя в рабстве у змеев была, вся спина в шрамах от кнута. А потом украла коня и сбежала. Чудом смогла добраться до родной деревни, а вся выжившая родня ей сказала — «Потаскуха, вали назад к змеям!» — она с силой ударила кулаком об пол, едва сдерживаясь, чтобы не закричать. — Только подумай — сказать такое своей племяннице, своей невесте!

— Но ты считаешь, что из-за тебя, — проницательно заметила Купава.

— Ну, из-за меня, — Горислава не любила об этом задумываться. — Если бы ма родила меня и в речке потопила бы, то, может, родня её б не выгнала. Была бы ещё одна русалка. Мелкая и злобная, не чета тебе, — она запустила руку в Купавины волосы. Та засмеялась:

— Тогда бы мы с тобой, может, вместе за жемчугом ныряли!

— Надеюсь, мне хватило бы ума на неё не обижаться. Потому что такие, как я, рождаться не должны, — глухо сказала Горислава. — Она меня никогда в этом не винила. Но я-то понимаю, что лучше б я мёртвой родилась...

— Чушню не носи! — Купава вывернулась из-под руки Гориславы и села. — Кто бы мне тогда ленты покупал, а? Лучше косу переплети. Я вижу, ты на неё смотришь — нибось ленты я по-дурацки завязала!

Горислава достала гребешок и принялась расчёсывать волосы сестрицы. Это успокаивало.

— А что должны — не должны... Матушка Параскева говорила, что раньше судьбу людей ткала Богиня, Матерь-Земля, — сказала Купава. — Но после того, как боги умерли, люди судьбу стали ткать сами. И если ты родилась змеиной, значит, ты этого хотела...

— Теперь ты чушню несёшь, — проворчала Горислава. — Как можно захотеть чего-то ещё до того, как родилась?

— Ну так а прошлая жизнь на что? — Купава сказала это, как будто ребёнку что-то очевидное объясняла.

— Священники Финиста говорят, нет никаких прошлых жизней, — фыркнула Горислава.

— А матушка Параскева говорит, что есть. Кому ты больше веришь?

— Себе. Пока не вспомню прошлую жизнь, не поверю, — Горислава завязала косу и полюбовалась на плод своих рук. Было чем гордиться: коса вышла куда лучше и ровнее, чем в прошлый раз.

— Смотри, вдруг там что-то скверное, — сказала Купава, погрузнев. — Вдруг у нас обеих что-то скверное... А, ладно. Пошли купаться! От тебя уже воняет.

— Купаться?! — от Гориславы действительно пахло, да и рубашку простирнуть не помещает, но... — После того, как я переплела косу?!

Пока Горислава, раздеваясь до нижней рубашки, плескалась в реке, Купава сидела на крутом берегу, опустив ноги в воду. Змеиня настояла, чтобы она в воду не лезла. Во-первых, ей было жалко косу. Во-вторых, Купава, забывшись, могла мы просто нырнуть на дно и начать гоняться за рыбами — объясняй потом деревенским детишкам, что плескались неподалёку, куда её сестрёнка делась и почему не потонула. В-третьих, кто-то должен был сторожить её одежду и драгоценный нож (спрятанный в сапоге). Вид у сестрёнки был кислый, а потом Горислава подплыла к ней и, вынырнув, схватила за лодыжку.

— Помогите, русалка меня потопить пытается! — рассмеялась Купава, ничуть не испугавшись.

— Потопить и съесть, — Горислава хищно оскалилась.

— Не надо. Я костлявая. И вообще дохлая! — Купава толкнула её другой ногой в лоб.

С губ Гориславы уже был готов сорваться шуточный ответ, но тут воздух над озером разорвал крик:

— Помогите! Помогите!! Сима, Симушка!

Вопила женщина, упав на колени около мостков неподалёку; вокруг было разбросано бельё.

— Утащила! Под воду утащила!! — визжала она.

Это было непохоже на шутку, совсем непохоже.

Прежде, чем Горислава сообразила — Купава вскочила и прыгнула в воду.

— Чёрт! — выругалась Горислава; край синей понёвы мелькнул, уходя на глубину. — Дурища!!

Ей, жестокосердной, было не очень-то жалко Симушку. Ей было заранее жалко их с Купавой: деревенские наверняка начнут интересоваться, откуда зеленоглазая девочка так хорошо плавать научилась.

Она выскочила на берег и принялась натягивать штаны — пытаться догнать русалку в реке было делом провальным, так что лучше ждать на берегу. С зажатым в руке ножом, с сапогами под мышкой она поспешила к мосткам, и поспела как раз в тот момент, когда

Купава вылезла из воды, передав сбежавшимся мужикам бесчувственного Симушку — мальчишку лет одиннадцати.

— Симушка, милый мой! Ангелочек! Не дышит! — взвыла мать. Хмурая Горислава оттолкнула её в сторону, и, схватив Симушку за шиворот, перекинула животом через колено. Из рта мальчишки хлынула вода, и он закашлялся.

— Симушка!! — теперь уже женщина оттолкнула Гориславу в сторону с недюжинной силой. Рыдая, она баюкала на руках хрипло дышащего сына. Потерев ушибленную грудь, змеиня протянула руку Купаве, помогая выбраться — у русалки хватило ума на людях не показывать, как она выпрыгивает из воды. Вид у сестрицы был виноватый, коса растрепалась, концы разноцветных лент грустно обвисли. Горислава только покачала головой. Ругать Купаву не хотелось. Она как щенок, дружелюбный и не умеющий осторожничать — такого ругай ни ругай, пока сам пинков достаточно не получит, не научится...

— А ты хорошо плаваешь, девка, — сказала мужик выжимающей косу Купаве.

— Спасибо! Я детство, почитай, в реке провела, — виноватая гримаса мигом исчезла, и Купава лучезарно улыбнулась. — Оттуда и научилась...

— Русалка, — вдруг глухо сказала мать Симушки.

Горислава окаменела. Если деревенские на них набросятся, разумнее всего прыгнуть в воду — пусть Купава опять сделает ту штуку, которая позволяет под водой дышать — и плыть прочь... Но как же вещи, оставшиеся на берегу? Как же деньги?! Они снова останутся без всего!!

— Русалка, — повторила женщина, поднимая заплаканные глаза. — Она Симушку схватила. Стащила с мостков, потащила на дно... Точно я видела её! Видела голову её белобрысую!! Так бы потопила сыночка моего, если бы не эта благодетельница! — она показала на Купаву. — Безумной меня считаете, да? Спятившей?! Да только это уже не в первый раз! Я точно знаю — русалка, чертовка речная, за Симушкой моим охотится!

Похоже, семья подала на стол лучшее, что у них было: щи были наваристые, так что ложка стояла, а гречка с курицей таяла во рту. Гориславе было даже немного стыдно объедать не очень-то богатую семью, учитывая что мальчишку спасла Купава (сама русалка безо всякого стеснения уплетала за обе щеки да нахваливала). Но Макария Федотовна — так звали мать Симушки, полностью — Серафима — настояла на том чтобы плотно накормить спасительниц. Её муж, Тихон Миронович, сидел во главе стола, прижимая к себе бледного молчаливого сына, и покуривал трубку, пока Макария носилась вокруг, то принося хлеб, то перекладывая полотенца, которые, как ей казалось, плохо лежали. При этом она не переставала болтать:

— Было бы золото — всё бы отдала... За мальчишку моего, за звездочку мою, ничего не жалко... Он — всё наше счастья, вся надежда. Дочек-то моих Финист прибрал, он один выжил...

— Замолчи уже, баба, шуму от тебя, как от стада гусей, — проворчал Тихон, выпуская колечко дыма. — И хватит болтать, что русалку какую-то видела. Народ и так считает тебя кликушей. Какие в наших краях русалки, их всех давно перебили...

— И пусть считает! Финиста, заступника нашего, тоже безумным считали, когда он о

Небесном Пламени говорил! — зашумела Макария ещё громче. — Симушка уже третий раз чуть не тонет. И в этот раз я точно видела, голова под водой мелькнула, и тело, белое, как червь какой!

— Не кричи, померещилось тебе, — Тихон морщился.

— Вот и нет! Своими глазами видела, на Финистовой Книге могу поклясться! Попу на исповеди скажу! Перед всей деревней поведаю!! — Макария уперла руки в бока. — Симушка, вот скажи — была русалка аль нет? Кто тебя под воду тащил?

— Никто, — пробормотал мальчишка, отводя глаза. — Сам упал.

— Вот видишь, а ты собралась уже попу исповедаться, — хмыкнул Тихон.

— Так как же ты упал? Ты ведь даже не краю стоял! Но стоило мне отвернуться, как ты раз! И в воде! И ушёл под неё, как камень! — Макария энергично взмахнула поварёшкой, раскидывая вокруг капли щей. — Совсем мать не жалеешь, окаянный, и зачем со мной к реке пошёл!

— Ребята дразнятся, — пробурчал Симшка. — Говорят, слабак я, плавать не умею, как топор проглотил. Дружить никто не хочет. Я вижу, они там плещутся, я и подошёл к краю посмотреть... И поскользнулся.

— Да как же там поскользнуться можно... Симушка, вспомни, а когда первый раз ты чуть не утонул — ты ж говорил, что тебя бледная девочка схватила за ногу и не пускала!

— Не было никакой девки. Соврал я, — Серафим уткнулся носом в плечо отца. — Помстилось мне. Судорогой ногу свело...

— Так что в рот воды набери и хватит нас позорить, — заключил Тихон. Макария замолчала — и отвернулась, вытирая обиженные слёзы.

Горислава уткнулась в миску с кашей: к семейным ссорам она не привыкла, и каша сразу стала менее вкусной. Грешным делом подумалось — хорошо, что её отец в степи остался, а не то бы ей тоже пришлось слушать всё детство крики друг на друга. Хотя её мать, наверное, вообще кричать не умела — ей было достаточно посмотреть грозным взглядом, чтобы Гориславе расхотелось проказничать...

— А нож у вас хорош, — сказал Тихон. Горислава перевесила драгоценный клинок на пояс: в сапоге он натирал ногу. — Даже по рукояти видно. Северяне ковали?

— Угу, — сказала Горислава, вспоминая рассказы Велимира. Воронья застава лежала на севере, и ножи делали там же.

— Боевой ножик-то... А набалдашник — голова воронья? — Тихон рассматривал нож, позабыв даже о трубке. Гориславе очень захотелось спрятать его назад в сапог. — Тонкая работа...

Серафим высунулся из-под отцовской подмышки, тоже пытаясь рассмотреть гориславино оружие.

— Встречал я раз воинов с такими ножами, — сказал Тихон задумчиво. — Трое мужчин, одна девица. Через деревню проходили по следу упыря. Он у нас двоих тогда сожрал...

— Постеснялся б при гостях рассказывать мерзость такую, когда я про русалок говорю, ему, значит, не нравится, а сам про упырей за столом говорит! — Макария принялась убирать тарелки. Из печи она достала чайник и налила полные кружки душистого травяного отвара.

— Помолчи, баба, — с достоинством ответил Тихон. — Я-то по делу говорю. Четверо эти звали себя витязями, охотниками на всякую нечисть с далёкого севера. Говорят, у нас тут

тоже такие были, но перевелись почему-то.... Ты севера, дева-витязь? Аль у нас они тоже появились?

Горислава чуть не поперхнулась отваром; что ответить, она не знала. Сказать, что она ещё не витязь? Тогда все будут подозревать, что посеребрённый нож она украла или сняла с трупа. Можно рассказать всё, как есть — что она из Изока, что нож ей отдал старый витязь, и идёт она в Вороний Кром — лесную заставу, что она хочет попросить витязей принять её к себе в дружину... Но выкладывать всё незнакомым людям — себе дороже.

— А вам что за дело? — вдруг включилась Купава. — Или рассказам жены про русалку всё же поверили?

— Да как тут поверить, если русалок у нас давно всех извели, — Тихон смущённо затыкнулся дымом. — С другой стороны, на сыне моём всё равно что проклятье какое. Как к речке подходит, что-то плохое случается, да и ночью спит плохо. Жене моей приходится с ним лежать, как с маленьким, иначе кошмары мучают. Вот я и думаю. Денег у нас немного, но, может, вы всё-таки посмотрите? Наверняка с проклятием вам не в первый раз разбираться...

К Гориславе никто так уважительно не обращался. Даже подобострастно как-то.

Змеиня одним глотком допила отвар и встала.

— Простите, я ничем вам не могу помочь, — сказала она. — Проклятия снимать не мастак. Спасибо за гостеприимство. Нам наутро нужно выходить.

— Переночуйте у нас, я вам на полатях постелю! — всполошилась Макария.

— Спасибо, у нас уже есть где переночевать, — сказала Горислава. Выходило не очень-то вежливо, но ей не нравилось преувеличенное внимание к её персоне, а к купавиной — ещё меньше.

Когда они отошли от гостеприимной избы достаточно далеко, Купава вдруг сказала:

— Горька, а ведь жена-то права.

Горислава обернулась. Русалка серьёзно смотрела на неё, сжимая в руках кулёк с гостинцами, который им дали на дорожку.

— Там была русалка. Она парня под воду тащила, я его едва у неё из рук вырвала, — сказала она. — Давай им поможем!

Осиное гнездо. Часть 2

— В древности витязи были волхвами-воинами, которые служили Небесному Кузнецу и сражались со всякой нечистью. Потом, когда пришла Финистова вера, они стали служить Церкви — нужно ж было кому-то с нечистью разбираться... Но Церковь, сама понимаешь, их не особо любила. Потому что бывшие волхвы. А тут нечисть мельчать начала, меньше её становилась, ну и их заставы начали хиреть. То ли все исчезли, кроме Соколиной Заставы, то ли почти все. Но несмотря на это, знания они сохранили. Где у какой нечисти слабость, как её выследить, как убить... И воевать умеют, и волхвовать... К чему я всё это говорю, Купава. С чего ты взяла, что я, которая может только кулаками на ярмарке махать, смогу что-то сделать с этой русалкой? — Горислава облизнула пересохшие после долгой речи губы и в упор посмотрела на Купаву. Они сидели в сенном сарае татьяниного кума.

— Ну а кто ещё может? Я? — Купава подала плечами. — Я драться не умею. Тумана только напустить, но туманом разве убьёшь?

— Зачем вообще нам помогать? Я понимаю, ты добрая и всё такое, но это чужие нам люди. И их беды нас не касаются, — отчеканила Горислава.

— Горька!

— Сладко! — Горислава передразнила нахмуренную гримасу Купавы. — Я старшая, я опытнее. Есть хоть какая-нибудь разумная причина влезать в то, что я не умею, что мы не умеем, и что не наше дело?

— Матушка Параскева говорила, что русалки не всегда были такими, как сейчас, — сказала Купава. — Что в древности, когда боги ещё не умерли, русалки им служили. Как Витязи служили Небесному Кузнецу, так русалки служили Живе. Она была дочерью Матери-Земли и хранительницей живой воды. Они звались берегинями, и должны были помогать людям, защищать их от злых духов...

— И ты решила воплотить эти сказки в жизнь?

— Это не сказки! — губа Купавы обиженно задрожала.

— А что же? Или хочешь сказать, что матушка Параскева у нас такая древняя, что времена богов помнит? — Горислава сощурилась.

— Ты дальше слушай! Русалками тогда становились не так, как сейчас. Девушки шли добровольно на это. Приносили себя в жертву. И становились слугами богини. Но если они служили богине плохо, то превращались в упырей. Ты вот спрашивала меня, все ли русалки выглядят так, как я — и я сказала, что не все — но вдруг я тоже стану страшным гнилым мертвяком, если не буду помогать людям? — Купава говорила шёпотом, пальцы нервно теребили кончик косы. — Ведь боги мертвы, но их магия жива!

— Купава, ты... — Горислава возвела глаза к небу. Неба не увидела: только потолок, затянутый паутиной. — Ну и что ты предлагаешь делать? Мне нырнуть в речку и искать русалку?

— Нет! — Купава аж подпрыгнула, поняв, что Горислава согласилась на её авантюру. — Сначала я поговорю с парнем. Когда отца и матери рядом не будет, может, он больше расскажет.

— Тебе больше расскажет, — Горислава подняла палец. — Быстро ты научилась пользоваться своей милой мордашкой.

— Ну ты ж сказала, что я с таким лицом могу бесплатно товар выпрашивать! — Купава

расплылась в улыбке. — Значит, парнишку точно разговорить смогу. Попробуем русалку поймать. И поговорить. Вдруг он что у неё стащил? Платок там или гребешок.

— Признайся, Купавка, тебе не столько парнишку, сколько русалку жалко, — вдруг поняла Горислава.

— И это тоже. Может, это какой ребёнок, который не понимает, что творит. Если б мать тебя в речке утопила, ты могла бы быть на её месте, — с жестокой прямоотой сказала Купава.

— Держи карман шире! — фыркнула Горислава. — Если б я взялась убить этого сопляка — он бы давно был мёртв. Я не какая-то там берегиня, я б ему глотку ещё под водой перегрызла.

Если уж честно — Купава сама не знала, почему ей так хочется помочь мальчишку. Просто... Хочется. Хочется, чтобы эти люди посмотрели на неё и на Гориславу с благодарностью, чтобы запомнили — не все змеи плохие. Не все русалки злые. Пусть они и не знали, что она русалка... Вдруг Тихон — её возлюбленный, которого она не может вспомнить? Разве не её долг помочь его сыну?!

— Здрасьте ещё раз. С сынишкой вашим можно поболтать? — спросила она у Макарии, перегнувшись через плетень. — Я вам верю. Я сама её видела!

— Чего ж не сказали мужу моему? — проворчала Макария. Она как раз развешивала выстиранное бельё в саду. — Он считает, что я в уме повредила. Все считают!

— О таких вещах много не говорят. Плохая примета, — ложь слетала с языка Купавы так легко, что она сама дивилась.

— Сима! Сима, где ты там бегаешь, иди сюда! — позвала мать. — Вот, тётя с тобой поговорить хочет, — она взъерщила светлые волосы мальчика, прижимая его к себе. — Помочь. Говори с ней честно, понятно?

Мальчик смотрел на неё, набычившись, но матери не возражал.

— Пойдём, — Купава подала ему руку.

— Только к реке не ходите! — озабоченно крикнула им вслед мать.

Купава ничего не ответила. Не стала врать в этот раз. Потому что повела она его именно на берег реки. К воде подходить не стала — села вместе с мальчиком на поваленное дерево и развернула тряпицу, внутри которой было два пирожка.

— На, — сказала она, протягивая ему один. Другой взяла себе. Некоторое время они молча жевали. Купава из своих наблюдений за рыбаками знала, что рыбку сначала нужно прикормить — тогда клевать будет лучше — и решила применить эти знания к парню.

— Сильно испугался сегодня? — спросила она сочувственно. Мальчик пробубнил что-то невнятное, усиленно жуя пирожок. Купава разглядывала его: худой, бледный, нездоровый какой-то. Как больной утёнок. У неё на речке такой вечно от мамки отставал и испуганно пищал, потерявшись. Купава его несколько раз ловила и относила к остальным, но потом он всё равно пропал. Сдох, наверное; река жестока к слабым...

— Ты говоришь, что ребята тебя слабым считают, — сказала она. — А я вот не считаю. Если б со мной в твоём возрасте произошло б такое, я б неделю не разговаривала и из избы не выходила.

Интересно, ей в её не-жизни есть десять вёсен или нет? Она ведь не считала. Может,

она даже младше этого мальчика.

Серафим взглянул на неё искоса, и Купава сделала вывод, что рыбка заглотала наживку. Время подсекать!

— Твоя мать не врёт, верно ведь? — спросила она, склоняясь к мальчику. — Я тоже её видела — русалку. Девочку примерно того же возраста, что и ты, со светлыми волосами и бледным лицом. А глаза — чёрные-чёрные, как капли смолы. Да?

Серафим посмотрел на неё круглыми глазами.

— Так я не сумасшедший? — прошептал он. — Ведь русалок не бывает... Их всех уже перебили...

Купава довольно улыбнулась. Рыбка попалась на крючок и теперь была у неё в руках.

— Конечно, нет! Много русалок просто спряталось и не показывается на глаза людям. Но я их лично видела, вот этими вот глазами!

«И продолжаю видеть. Каждый раз, когда на своё отражение гляжу, ха-ха!».

— И ваша сестра — настоящий витязь? Она может убивать нечисть? Сможет помочь мне? — спросил он.

— Убивать она умеет, это точно, — ответила Купава. Она не стала уточнять, что людей.

— Первый раз я увидел русалку три месяца назад, — начал рассказывать парнишка. — Вышел до ветру ночью... А она стоит. Беленькая вся. Здравствуй, говорит, Серафим. Я сестра твоя, говорит. Давай знакомиться! И схватила меня за руку. Я не знаю, как вырвался, но потом эта рука была как чужая неделю. Мастер рассказал, она сразу разохалась — какая сестра, нет у тебя никакой сестры, мы их всех похоронили по финистовому обычаю, кошмар, говорит, приснился... К попу меня таскала, тот освящённой водой окропил и посоветовал травяной настой на ночь давать, чтобы я спал лучше. А другие ребята начали дразнить меня на голову убогим. Так что я сказал им, что просто страшный сон приснился, что ничего не было, и ходить по ночам стал только в ведро, — он стыдливо наклонил голову. — Как маленький. Потом... Потом мы купались с ребятами. Нырjali... Там мелко, и дно я знал — но меня вдруг за ногу схватили. Смотрю — а это девочка давнишняя, бледная, с чёрными глазами, держит за ногу и смеётся. Я рвался-рвался, кое-как вырвался, едва всплыл. Меня дядя Никифор вытащил — увидел, что я под водой пропал... А мальчишки надо мной смеялись. Матери ничего не сказал, но она обо всём догадалась, купаться мне запретила. Только один раз я не утерпел. Мальчишки плескались, кричали обидное всякое, я и залез. Они на отмели были, и только я к ним поплыл, меня вдруг как схватят за рубашку и как потянут вниз! Снова русалка... Я из рубашки вывернулся — и на берег. А сегодня стоило к краю подойти, вижу — под водой что-то белеет. Рубашка моя... Я думал, мать упустила, хотел достать — а русалка меня за руку хватить и потащила вниз. Точно потонул бы, если б вы меня не спасли... Спасибо, — добавил он, глядя исподлобья.

— Горьку, сестрицу мою, тоже поблагодари. Я тебя из воды вытащила, а откачивала тебя она, — сказала Купава. — Скажи мне честно — ты ничего у русалки не крал? Ничего странного на берегу или на земле не находил?

Серафим затряс головой.

— Нет-нет, Финистовым пламенем клянусь, нет! Ничего такого!

— Уверен? — Купава наклонила голову, глядя ему в глаза. — Смотри, а то все твои беды могут быть от этого.

— Нет! Что вы, Купава... Не знаю, как вас от отчеству...

— Росевна, — быстро нашлась Купава.

— Купава Росевна, на Святой Книге могу поклясться, что ничего я у русалки не брал! Не находил!

Купава взглянула в круглые, отчаянные глаза мальчишки и решила ему поверить.

— Верю, верю, не переживай ты так, — сказала она. — Теперь про сестёр расскажи. Они у тебя были, но умерли? Утонули?

— Трое было, но умерли до моего рожденья, — сказал Серафим. — Не, не утонули. Хворали. Одной десять вёсен было, а двое даже до году не дожили. Бабы говорят, что это всё потому что отец мою мать не любит... И поэтому я такой болезный уродился.

Он шмыгнул носом. Купава потрепала его по голове. Наверное, нужно было сказать что-то утешительное, но она недостаточно хорошо разбиралась в отношениях живых, чтобы раздавать советы.

— Отец говорил, что ты спишь плохо. Что же тебе снится? — спросила она.

— Ничего не снится. Голос русалки слышу. Ходит вокруг дома, зовёт... «Братик, братик!» Может, мерещится, не знаю, мать этого не слышит, — мальчик зябко передёрнул плечами. — Холодные ж у вас руки, Купава Росевна...

Купава поспешно спрятала руку за спину и сказала:

— Ну, прекращаю тебя пытаться. Давай-ка до дома доведу. А то вдруг русалка подкараулит, — и подмигнула, чтобы не обижался.

Купава пересказывала разговор с Серафимом, гордая собой как собака, которая притащила палочку.

— Сегодня ночью мы переночуем у Мироновича, — сказала она. — Подкараулим русалку. Ты её схватишь, и мы её расспросим.

— А если она не захочет отвечать? Ты готова к тому, что её придётся пытаться? — спросила Горислава.

— Уверена, до этого не дойдёт, — сказала Купава. Горислава её уверенность не разделяла.

— А если это могучая русалка и она убьёт кого-то из нас? Или даже нас обеих? — спросила Горислава.

— Да что ты! — Купава беззаботно махнула рукой. — То я русалок не знаю. Мы не такие уж сильные, просто быстрые. К тому после смерти старшей сестры Серафима прошло десять вёсен. Где ей за это время мудрости набраться? Из русалок, которых я знаю, только пара умела колдовать, и обе помнят ещё Богонравного. Одна меня и научила штучкам с туманом.

— Поверю тебе на слово, — вздохнула Горислава. — Но как сестра Серафима умудрилась превратиться в русалку? Ни одна из них ведь не утонула.

— Не знаю... Может, старшая захворала, искупавшись в речке? — Купава пожала плечами. — Может быть, так тоже можно стать русалкой? Как думаешь?

— Ну, если ты не знаешь, то откуда мне-то знать! — фыркнула Горислава. Она рассматривала свои руки. После сытного обеда раны, полученные в драке с Хургой, прекратили болеть — значит, зажили. Но вот ноготь на указательном пальце по-прежнему был чёрный от кровоподтёка. Горислава сжала подушечку пальца: больно не было. Да что это за синяк такой странный?!

— Вот её и спросим, — сказала Купава.

Но Горислава решила для начала спросить у живого человека.

— У Серафима были старшие сёстры. Как они умерли? — задала она вопрос Макарии. Купава, наверное, постаралась бы смягчить жестокие слова, но Горислава была из другого теста — и спросила сразу в лоб.

Макария опустила голову. Стали видны глубокие морщины в уголках глаз и рта.

— Первенец мой, Настенька, была такой же болезненной, как Серафимушка, — сказала она тихо. — И непослушной. Бегала в дождик и простыла. Сгорела за одну ночь в лихорадке, восемь лет ей было, травяные отвары ничего не смогли сделать, — она вытерла глаза краем передника. — Потом были... Зоя и... Наталья. Думала их так назвать... Но умерли они быстро, и недели не прожили — даже посвятить Финисту не успели, а значит, имён у них, почитай, нет... — она перевела дыхание. — А у вас какое имя? Церковное имя. Хочу, чтобы поп вас в молитве за здоровье и счастье упомянул, но ведь «Горислава»... Его в Именнике нет.

Горислава поморщилась. Большинство сиверцев носило два имени — домашнее и церковное, которое давали на посвящении Финисту. Церковные брал поп из особой книги — Именника, в то время как домашнее давали родители кто во что горазд. Четвертака, например, назвали так потому что он был четвёртым сыном в семье. По правилам, домашнее имя должны были использовать дома и среди друзей, а церковное — во время служб и молитв. На деле же порядок постоянно нарушался: какие-то родители подносили попу подарок, чтобы он нарёк ребёнка домашним именем славного пра-пра-прадеда — например, Кречетом или Волком, другие предпочитали сразу дать церковное имя, какое понравилось, а третьи церковное забывали сразу после посвящения.

Как Горислава. Церковное имя был ей совсем чужим. Оно принадлежало не ей, а какой-то южной святой, которую долго расчленили. Эту историю рассказал отец Лавр, и после этого Горислава вообще прекратила отзываться на церковное имя, не хотела привлечь злую судьбу.

Но сейчас пришлось вспомнить — раз спрашивают.

— Серафима, — сказала она Макарии. — Как вашего сына.

Нет, не любила она церковные имена. По ним было непонятно, что они значат, и почему человека так называли. «Серафима» — сера с фимиамом напополам, что ли? А «Горислава» — сразу понятно. От «гореть». И от «горе». Мать её всегда так называла — «Горе», «Горюшко», когда Горислава напроказничает...

— А церковное имя сестры вашей, Купавы, как будет? — спросила Макария.

Горислава не смогла подавить усмешки.

— А за неё молиться не надо, она и так здоровее всех живых, — сказала она.

Укрытое ясным звёздным небом, Осиново спало. Изредка от тёмной Камышовки долетал плеск рыбы. Горислава сидела за поленницей, поглаживая рукоять ножа. Ей так было спокойнее — пусть даже она не собиралась доставать его из ножен в эту ночь. В другой руке была рыболовная сеть: именно она должна была стать основным оружием против русалки. Такая же была у Купавы, притаившейся на ближайшей берёзе.

Сейчас эта затея казалась идиотизмом. Днём Купава заразила Гориславу своим

энтузиазмом, своим нытьём на тему того, что если она не будет помогать людям, то превратится в гнилого мертвяка — но сейчас змеиня жалела, что не дала русалке подзатыльник и на правах старшей сестры не потащила дальше. Мерзни теперь, как идиотка, ожидая незнамо чего... Горислава развлекалась тем, что подбирала выражения, какими она утром выскажет Купаве всё, что думает о её придумках, когда краем глаза заметила движение.

Светловолосая девочка лет десяти перелезала через плетень. Перелезала ловко — но лёгкости движений русалки не чувствовалось. Что ж это, просто смертный пугает Серафима? Злая шутка кого-то из соседей? Но приглядевшись получше, Горислава убедилась — то, что сейчас бесшумно двигалось к дому, простым смертным не было. Кожа была мертвенно бледной, в глазах горели зеленоватые огоньки, а подол рубашки, из-под которого выглядывали босые ступни, рваный и грязный. Незнакомка имела вид такой, будто только что выкопалась из могилы!

И вряд ли «будто». У Гориславы сердце в пятки ушло, когда девочка вдруг остановилась у поленницы и огляделась. Втянулась носом воздух, будто принюхиваясь... Нет, к чёрту это «будто», она принюхивалась! Вспотевшие пальцы сжали рукоять ножа, а в груди вспыхнул огонь, побежал по жилам. И вовремя: девочка прыгнула, как кошка, и в миг оказалась на поленнице. Лицо — глаза горят гнилушками, из-под губ видны звериные клыки — отороченное белыми космами, повисло над Гориславой. Удар сердца — и змеиня выкатилась во двор, обнажая нож.

— Горька, берегись! Это не русалка!

Окрик Купавы опоздал. Хорошо, что огонь в жилах не опоздал — когда девочка бросилась на неё, тело само собой кинулось в сторону, так что когти нежити только оставили глубокие борозды на стене сарая. Да, когти, чёрт побери, у девчонки вдруг выросли огромные когти, каких даже у зверей не бывает! И всё же оклик Купавы отвлек мертвячку: она обернулась к берёзе — но русалка была уже на крыше сарая, и швырнула сеть точно на девочку.

— Это упырица! — воскликнула она.

Девочка рассмеялась тонким смехом. Движение когтями — и разорванная сеть упала на землю.

— А вы кого ждали? — выкрикнула она звонким детским голосом.

Дурочка. Болтать с врагом во время драки — худшее, что можно придумать. Именно в этот момент Горислава ударила её ножом. Она метила в спину, но упырица мгновенно увернулась, и нож только поцарапал плечо. Визг боли разорвал ночь. Упырица пошатнулась, зажимая рану рукой, и упала на одно колено.

— Горька, стой! — Купава спрыгнула на землю, вставая между Гориславой и упырицей. — Мы ж хотим поговорить!

Ещё одна дурочка!! Прежде чем Горислава успела высказать русалке это, упырица кинулась наутёк с нечеловеческой скоростью. Плетень она просто проломила.

— Ты!... — Горислава перебирала все самые грязные ругательства, которые знала, но даже они не могли передать всю гамму чувств.

— Горька, нет, — Купава стояла, расставив руки, словно это могло остановить Гориславу, если той вздумается кинуться за упырицей. — Она просто испуганная девочка.

— Испуганная девочка?! — прорычала Горислава и ударила кулаком в стену сарая, где остались глубокие борозды от когтей упырицы. — Испуганная, чёрт побери, девочка?!

— Она просто испугалась, — сказала Купава, но как-то неуверенно.

— Испугалась?! — Горислава схватилась за голову. В горле клокотал безумный смех. —

Эта бешеная собака — испугалась?!

— Бешеные собаки не умеют говорить, — Купава сердито свела брови.

— Да какая разница! Она — нежить! Злобная нежить! Ты... Ты... Дура! Полная дура!!!

Купава отшатнулась, как будто её ударили. На глаза выступили слёзы.

— Я тоже...! — она проглотила готовые сорваться с языка слова, потому что увидела выбежавших во двор хозяев.

— Что случилось? — пролепетала бледная Макария. Серафима она тащила в руках, сгибаясь под его тяжестью; дрожащий парень жался к матери, как маленький. А вот хозяин выглядел скорее раздосадованным, что поспать не удалось, чем испуганным.

— Упырица за вашим сыном охотится, — сказала Горислава, отворачиваясь от русалки. Она не чувствовала себя виноватой нисколько. Купава заслужила жестокие слова, и даже больше, Горислава ещё сдерживалась. — Сколько там было вашей умершей дочке? Восемь вёсен? И волосы светлые, как у сына вашего?

— Д-да...

— Скорее всего, это она, — сказала Горислава, складывая руки на груди. Хозяева выглядели перепуганными до полусмерти, но ей было плевать. — И ей удалось сбежать. Вон, плетень проломила.

Макария вскрикнула и пошатнулась; Тихон Миронович тупо смотрел, как Серафим выскользывает у неё из рук, а женщина оседает на землю. Бросившаяся вперёд Горислава успела поймать мальчика и сердито уставилась на мужчину: я что, твою жену ловить должна?!

— Днём покажите нам могилу вашей старшей дочери? — тихо спросила Купава. Она стояла, опустив голову, и комкая в руках подол понёвы.

Осиное гнездо. Часть 3

— В древности витязи были волхвами-воинами, которые служили Небесному Кузнецу и сражались со всякой нечистью. Потом, когда пришла Финистова вера, они стали служить Церкви — нужно ж было кому-то с нечистью разбираться... Но Церковь, сама понимаешь, их не особо любила. Потому что бывшие волхвы. А тут нечисть мельчать начала, меньше её становилась, ну и их заставы начали хиреть. То ли все исчезли, кроме Соколиной Заставы, то ли почти все. Но несмотря на это, знания они сохранили. Где у какой нечисти слабость, как её выследить, как убить... И воевать умеют, и волхвовать... К чему я всё это говорю, Купава. С чего ты взяла, что я, которая может только кулаками на ярмарке махать, смогу что-то сделать с этой русалкой? — Горислава облизнула пересохшие после долгой речи губы и в упор посмотрела на Купаву. Они сидели в сенном сарае татьяниного кума.

— Ну а кто ещё может? Я? — Купава подала плечами. — Я драться не умею. Тумана только напустить, но туманом разве убьёшь?

— Зачем вообще нам помогать? Я понимаю, ты добрая и всё такое, но это чужие нам люди. И их беды нас не касаются, — отчеканила Горислава.

— Горька!

— Сладко! — Горислава передразнила нахмуренную гримасу Купавы. — Я старшая, я опытнее. Есть хоть какая-нибудь разумная причина влезать в то, что я не умею, что мы не умеем, и что не наше дело?

— Матушка Параскева говорила, что русалки не всегда были такими, как сейчас, — сказала Купава. — Что в древности, когда боги ещё не умерли, русалки им служили. Как Витязи служили Небесному Кузнецу, так русалки служили Живе. Она была дочерью Матери-Земли и хранительницей живой воды. Они звались берегинями, и должны были помогать людям, защищать их от злых духов...

— И ты решила воплотить эти сказки в жизнь?

— Это не сказки! — губа Купавы обиженно задрожала.

— А что же? Или хочешь сказать, что матушка Параскева у нас такая древняя, что времена богов помнит? — Горислава сощурилась.

— Ты дальше слушай! Русалками тогда становились не так, как сейчас. Девушки шли добровольно на это. Приносили себя в жертву. И становились слугами богини. Но если они служили богине плохо, то превращались в упырей. Ты вот спрашивала меня, все ли русалки выглядят так, как я — и я сказала, что не все — но вдруг я тоже стану страшным гнилым мертвяком, если не буду помогать людям? — Купава говорила шёпотом, пальцы нервно теребили кончик косы. — Ведь боги мертвы, но их магия жива!

— Купава, ты... — Горислава возвела глаза к небу. Неба не увидела: только потолок, затянутый паутиной. — Ну и что ты предлагаешь делать? Мне нырнуть в речку и искать русалку?

— Нет! — Купава аж подпрыгнула, поняв, что Горислава согласилась на её авантюру. — Сначала я поговорю с парнем. Когда отца и матери рядом не будет, может, он больше расскажет.

— Тебе больше расскажет, — Горислава подняла палец. — Быстро ты научилась пользоваться своей милой мордашкой.

— Ну ты ж сказала, что я с таким лицом могу бесплатно товар выпрашивать! — Купава

расплылась в улыбке. — Значит, парнишку точно разговорить смогу. Попробуем русалку поймать. И поговорить. Вдруг он что у неё стащил? Платок там или гребешок.

— Признайся, Купавка, тебе не столько парнишку, сколько русалку жалко, — вдруг поняла Горислава.

— И это тоже. Может, это какой ребёнок, который не понимает, что творит. Если б мать тебя в речке утопила, ты могла бы быть на её месте, — с жестокой прямоотой сказала Купава.

— Держи карман шире! — фыркнула Горислава. — Если б я взялась убить этого сопляка — он бы давно был мёртв. Я не какая-то там берегиня, я б ему глотку ещё под водой перегрызла.

Если уж честно — Купава сама не знала, почему ей так хочется помочь мальчишку. Просто... Хочется. Хочется, чтобы эти люди посмотрели на неё и на Гориславу с благодарностью, чтобы запомнили — не все змеи плохие. Не все русалки злые. Пусть они и не знали, что она русалка... Вдруг Тихон — её возлюбленный, которого она не может вспомнить? Разве не её долг помочь его сыну?!

— Здрасьте ещё раз. С сынишкой вашим можно поболтать? — спросила она у Макарии, перегнувшись через плетень. — Я вам верю. Я сама её видела!

— Чего ж не сказали мужу моему? — проворчала Макария. Она как раз развешивала выстиранное бельё в саду. — Он считает, что я в уме повредила. Все считают!

— О таких вещах много не говорят. Плохая примета, — ложь слетала с языка Купавы так легко, что она сама дивилась.

— Сима! Сима, где ты там бегаешь, иди сюда! — позвала мать. — Вот, тётя с тобой поговорить хочет, — она взъерщила светлые волосы мальчика, прижимая его к себе. — Помочь. Говори с ней честно, понятно?

Мальчик смотрел на неё, набычившись, но матери не возражал.

— Пойдём, — Купава подала ему руку.

— Только к реке не ходите! — озабоченно крикнула им вслед мать.

Купава ничего не ответила. Не стала врать в этот раз. Потому что повела она его именно на берег реки. К воде подходить не стала — села вместе с мальчиком на поваленное дерево и развернула тряпицу, внутри которой было два пирожка.

— На, — сказала она, протягивая ему один. Другой взяла себе. Некоторое время они молча жевали. Купава из своих наблюдений за рыбаками знала, что рыбку сначала нужно прикормить — тогда клевать будет лучше — и решила применить эти знания к парню.

— Сильно испугался сегодня? — спросила она сочувственно. Мальчик пробубнил что-то невнятное, усиленно жуя пирожок. Купава разглядывала его: худой, бледный, нездоровый какой-то. Как больной утёнок. У неё на речке такой вечно от мамки отставал и испуганно пищал, потерявшись. Купава его несколько раз ловила и относила к остальным, но потом он всё равно пропал. Сдох, наверное; река жестока к слабым...

— Ты говоришь, что ребята тебя слабым считают, — сказала она. — А я вот не считаю. Если б со мной в твоём возрасте произошло б такое, я б неделю не разговаривала и из избы не выходила.

Интересно, ей в её не-жизни есть десять вёсен или нет? Она ведь не считала. Может,

она даже младше этого мальчика.

Серафим взглянул на неё искоса, и Купава сделала вывод, что рыбка заглотала наживку. Время подсекать!

— Твоя мать не врёт, верно ведь? — спросила она, склоняясь к мальчику. — Я тоже её видела — русалку. Девочку примерно того же возраста, что и ты, со светлыми волосами и бледным лицом. А глаза — чёрные-чёрные, как капли смолы. Да?

Серафим посмотрел на неё круглыми глазами.

— Так я не сумасшедший? — прошептал он. — Ведь русалок не бывает... Их всех уже перебили...

Купава довольно улыбнулась. Рыбка попалась на крючок и теперь была у неё в руках.

— Конечно, нет! Много русалок просто спряталось и не показывается на глаза людям. Но я их лично видела, вот этими вот глазами!

«И продолжаю видеть. Каждый раз, когда на своё отражение гляжу, ха-ха!».

— И ваша сестра — настоящий витязь? Она может убивать нечисть? Сможет помочь мне? — спросил он.

— Убивать она умеет, это точно, — ответила Купава. Она не стала уточнять, что людей.

— Первый раз я увидел русалку три месяца назад, — начал рассказывать парнишка. — Вышел до ветру ночью... А она стоит. Беленькая вся. Здравствуй, говорит, Серафим. Я сестра твоя, говорит. Давай знакомиться! И схватила меня за руку. Я не знаю, как вырвался, но потом эта рука была как чужая неделю. Мастер рассказал, она сразу разохалась — какая сестра, нет у тебя никакой сестры, мы их всех похоронили по финистовому обычаю, кошмар, говорит, приснился... К попу меня таскала, тот освящённой водой окропил и посоветовал травяной настой на ночь давать, чтобы я спал лучше. А другие ребята начали дразнить меня на голову убогим. Так что я сказал им, что просто страшный сон приснился, что ничего не было, и ходить по ночам стал только в ведро, — он стыдливо наклонил голову. — Как маленький. Потом... Потом мы купались с ребятами. Нырjali... Там мелко, и дно я знал — но меня вдруг за ногу схватили. Смотрю — а это девочка давнишняя, бледная, с чёрными глазами, держит за ногу и смеётся. Я рвался-рвался, кое-как вырвался, едва всплыл. Меня дядя Никифор вытащил — увидел, что я под водой пропал... А мальчишки надо мной смеялись. Матери ничего не сказал, но она обо всём догадалась, купаться мне запретила. Только один раз я не утерпел. Мальчишки плескались, кричали обидное всякое, я и залез. Они на отмели были, и только я к ним поплыл, меня вдруг как схватят за рубашку и как потянут вниз! Снова русалка... Я из рубашки вывернулся — и на берег. А сегодня стоило к краю подойти, вижу — под водой что-то белеет. Рубашка моя... Я думал, мать упустила, хотел достать — а русалка меня за руку хватить и потащила вниз. Точно потонул бы, если б вы меня не спасли... Спасибо, — добавил он, глядя исподлобья.

— Горьку, сестрицу мою, тоже поблагодари. Я тебя из воды вытащила, а откачивала тебя она, — сказала Купава. — Скажи мне честно — ты ничего у русалки не крал? Ничего странного на берегу или на земле не находил?

Серафим затряс головой.

— Нет-нет, Финистовым пламенем клянусь, нет! Ничего такого!

— Уверен? — Купава наклонила голову, глядя ему в глаза. — Смотри, а то все твои беды могут быть от этого.

— Нет! Что вы, Купава... Не знаю, как вас от отчеству...

— Росевна, — быстро нашлась Купава.

— Купава Росевна, на Святой Книге могу поклясться, что ничего я у русалки не брал! Не находил!

Купава взглянула в круглые, отчаянные глаза мальчишки и решила ему поверить.

— Верю, верю, не переживай ты так, — сказала она. — Теперь про сестёр расскажи. Они у тебя были, но умерли? Утонули?

— Трое было, но умерли до моего рожденья, — сказал Серафим. — Не, не утонули. Хворали. Одной десять вёсен было, а двое даже до году не дожили. Бабы говорят, что это всё потому что отец мою мать не любит... И поэтому я такой болезный уродился.

Он шмыгнул носом. Купава потрепала его по голове. Наверное, нужно было сказать что-то утешительное, но она недостаточно хорошо разбиралась в отношениях живых, чтобы раздавать советы.

— Отец говорил, что ты спишь плохо. Что же тебе снится? — спросила она.

— Ничего не снится. Голос русалки слышу. Ходит вокруг дома, зовёт... «Братик, братик!» Может, мерещится, не знаю, мать этого не слышит, — мальчик зябко передёрнул плечами. — Холодные ж у вас руки, Купава Росевна...

Купава поспешно спрятала руку за спину и сказала:

— Ну, прекращаю тебя пытаться. Давай-ка до дома доведу. А то вдруг русалка подкараулит, — и подмигнула, чтобы не обижался.

Купава пересказывала разговор с Серафимом, гордая собой как собака, которая притащила палочку.

— Сегодня ночью мы переночуем у Мироновича, — сказала она. — Подкараулим русалку. Ты её схватишь, и мы её расспросим.

— А если она не захочет отвечать? Ты готова к тому, что её придётся пытаться? — спросила Горислава.

— Уверена, до этого не дойдёт, — сказала Купава. Горислава её уверенность не разделяла.

— А если это могучая русалка и она убьёт кого-то из нас? Или даже нас обеих? — спросила Горислава.

— Да что ты! — Купава беззаботно махнула рукой. — То я русалок не знаю. Мы не такие уж сильные, просто быстрые. К тому после смерти старшей сестры Серафима прошло десять вёсен. Где ей за это время мудрости набраться? Из русалок, которых я знаю, только пара умела колдовать, и обе помнят ещё Богонравного. Одна меня и научила штучкам с туманом.

— Поверю тебе на слово, — вздохнула Горислава. — Но как сестра Серафима умудрилась превратиться в русалку? Ни одна из них ведь не утонула.

— Не знаю... Может, старшая захворала, искупавшись в речке? — Купава пожала плечами. — Может быть, так тоже можно стать русалкой? Как думаешь?

— Ну, если ты не знаешь, то откуда мне-то знать! — фыркнула Горислава. Она рассматривала свои руки. После сытного обеда раны, полученные в драке с Хургой, прекратили болеть — значит, зажили. Но вот ноготь на указательном пальце по-прежнему был чёрный от кровоподтёка. Горислава сжала подушечку пальца: больно не было. Да что это за синяк такой странный?!

— Вот её и спросим, — сказала Купава.

Но Горислава решила для начала спросить у живого человека.

— У Серафима были старшие сёстры. Как они умерли? — задала она вопрос Макарии. Купава, наверное, постаралась бы смягчить жестокие слова, но Горислава была из другого теста — и спросила сразу в лоб.

Макария опустила голову. Стали видны глубокие морщины в уголках глаз и рта.

— Первенец мой, Настенька, была такой же болезненной, как Серафимушка, — сказала она тихо. — И непослушной. Бегала в дождик и простыла. Сгорела за одну ночь в лихорадке, восемь лет ей было, травяные отвары ничего не смогли сделать, — она вытерла глаза краем передника. — Потом были... Зоя и... Наталья. Думала их так назвать... Но умерли они быстро, и недели не прожили — даже посвятить Финисту не успели, а значит, имён у них, почитай, нет... — она перевела дыхание. — А у вас какое имя? Церковное имя. Хочу, чтобы поп вас в молитве за здоровье и счастье упомянул, но ведь «Горислава»... Его в Именнике нет.

Горислава поморщилась. Большинство венчан носило два имени — домашнее и церковное, которое давали на посвящении Финисту. Церковные брал поп из особой книги — Именника, в то время как домашнее давали родители кто во что горазд. Четвертака, например, назвали так потому что он был четвёртым сыном в семье. По правилам, домашнее имя должны были использовать дома и среди друзей, а церковное — во время служб и молитв. На деле же порядок постоянно нарушался: какие-то родители подносили попу подарок, чтобы он нарёк ребёнка домашним именем славного пра-пра-прадеда — например, Кречетом или Волком, другие предпочитали сразу дать церковное имя, какое понравилось, а третьи церковное забывали сразу после посвящения.

Как Горислава. Церковное имя был ей совсем чужим. Оно принадлежало не ей, а какой-то южной святой, которую долго расчленяли. Эту историю рассказал отец Лавр, и после этого Горислава вообще прекратила отзываться на церковное имя, не хотела привлечь злую судьбу.

Но сейчас пришлось вспомнить — раз спрашивают.

— Серафима, — сказала она Макарии. — Как вашего сына.

Нет, не любила она церковные имена. По ним было непонятно, что они значат, и почему человека так называли. «Серафима» — сера с фимиамом напополам, что ли? А «Горислава» — сразу понятно. От «гореть». И от «горе». Мать её всегда так называла — «Горе», «Горюшко», когда Горислава напроказничает...

— А церковное имя сестры вашей, Купавы, как будет? — спросила Макария.

Горислава не смогла подавить усмешки.

— А за неё молиться не надо, она и так здоровее всех живых, — сказала она.

Укрытое ясным звёздным небом, Осиново спало. Изредка от тёмной Камышовки долетал плеск рыбы. Горислава сидела за поленницей, поглаживая рукоять ножа. Ей так было спокойнее — пусть даже она не собиралась доставать его из ножен в эту ночь. В другой руке была рыболовная сеть: именно она должна была стать основным оружием против русалки. Такая же была у Купавы, притаившейся на ближайшей берёзе.

Сейчас эта затея казалась идиотизмом. Днём Купава заразила Гориславу своим

энтузиазмом, своим нытьём на тему того, что если она не будет помогать людям, то превратится в гнилого мертвяка — но сейчас змеиня жалела, что не дала русалке подзатыльник и на правах старшей сестры не потащила дальше. Мерзни теперь, как идиотка, ожидая незнамо чего... Горислава развлекалась тем, что подбирала выражения, какими она утром выскажет Купаве всё, что думает о её придумках, когда краем глаза заметила движение.

Светловолосая девочка лет десяти перелезала через плетень. Перелезала ловко — но лёгкости движений русалки не чувствовалось. Что ж это, просто смертный пугает Серафима? Злая шутка кого-то из соседей? Но приглядевшись получше, Горислава убедилась — то, что сейчас бесшумно двигалось к дому, простым смертным не было. Кожа была мертвенно бледной, в глазах горели зеленоватые огоньки, а подол рубашки, из-под которого выглядывали босые ступни, рваный и грязный. Незнакомка имела вид такой, будто только что выкопалась из могилы!

И вряд ли «будто». У Гориславы сердце в пятки ушло, когда девочка вдруг остановилась у поленницы и огляделась. Втянулась носом воздух, будто принюхиваясь... Нет, к чёрту это «будто», она принюхивалась! Вспотевшие пальцы сжали рукоять ножа, а в груди вспыхнул огонь, побежал по жилам. И вовремя: девочка прыгнула, как кошка, и в миг оказалась на поленнице. Лицо — глаза горят гнилушками, из-под губ видны звериные клыки — отороченное белыми космами, повисло над Гориславой. Удар сердца — и змеиня выкатилась во двор, обнажая нож.

— Горька, берегись! Это не русалка!

Окрик Купавы опоздал. Хорошо, что огонь в жилах не опоздал — когда девочка бросилась на неё, тело само собой кинулось в сторону, так что когти нежити только оставили глубокие борозды на стене сарая. Да, когти, чёрт побери, у девчонки вдруг выросли огромные когти, каких даже у зверей не бывает! И всё же оклик Купавы отвлек мертвячку: она обернулась к берёзе — но русалка была уже на крыше сарая, и швырнула сеть точно на девочку.

— Это упырица! — воскликнула она.

Девочка рассмеялась тонким смехом. Движение когтями — и разорванная сеть упала на землю.

— А вы кого ждали? — выкрикнула она звонким детским голосом.

Дурочка. Болтать с врагом во время драки — худшее, что можно придумать. Именно в этот момент Горислава ударила её ножом. Она метила в спину, но упырица мгновенно увернулась, и нож только поцарапал плечо. Визг боли разорвал ночь. Упырица пошатнулась, зажимая рану рукой, и упала на одно колено.

— Горька, стой! — Купава спрыгнула на землю, вставая между Гориславой и упырицей. — Мы ж хотим поговорить!

Ещё одна дурочка!! Прежде чем Горислава успела высказать русалке это, упырица кинулась наутёк с нечеловеческой скоростью. Плетень она просто проломила.

— Ты!... — Горислава перебирала все самые грязные ругательства, которые знала, но даже они не могли передать всю гамму чувств.

— Горька, нет, — Купава стояла, расставив руки, словно это могло остановить Гориславу, если той вздумается кинуться за упырицей. — Она просто испуганная девочка.

— Испуганная девочка?! — прорычала Горислава и ударила кулаком в стену сарая, где остались глубокие борозды от когтей упырицы. — Испуганная, чёрт побери, девочка?!

— Она просто испугалась, — сказала Купава, но как-то неуверенно.

— Испугалась?! — Горислава схватилась за голову. В горле клокотал безумный смех. — Эта бешеная собака — испугалась?!

— Бешеные собаки не умеют говорить, — Купава сердито свела брови.

— Да какая разница! Она — нежить! Злобная нежить! Ты... Ты... Дура! Полная дура!!!

Купава отшатнулась, как будто её ударили. На глаза выступили слёзы.

— Я тоже...! — она проглотила готовые сорваться с языка слова, потому что увидела выбежавших во двор хозяев.

— Что случилось? — пролепетала бледная Макария. Серафима она тащила в руках, сгибаясь под его тяжестью; дрожащий парень жался к матери, как маленький. А вот хозяин выглядел скорее раздосадованным, что поспать не удалось, чем испуганным.

— Упырица за вашим сыном охотится, — сказала Горислава, отворачиваясь от русалки. Она не чувствовала себя виноватой нисколько. Купава заслужила жестокие слова, и даже больше, Горислава ещё сдерживалась. — Сколько там было вашей умершей дочке? Восемь вёсен? И волосы светлые, как у сына вашего?

— Д-да...

— Скорее всего, это она, — сказала Горислава, складывая руки на груди. Хозяева выглядели перепуганными до полусмерти, но ей было плевать. — И ей удалось сбежать. Вон, плетень проломила.

Макария вскрикнула и пошатнулась; Тихон Миронович тупо смотрел, как Серафим выскользывает у неё из рук, а женщина оседает на землю. Бросившаяся вперёд Горислава успела поймать мальчика и сердито уставилась на мужчину: я что, твою жену ловить должна?!

— Днём покажите нам могилу вашей старшей дочери? — тихо спросила Купава. Она стояла, опустив голову, и комкая в руках подол понёвы.

К счастью, Гориславе не пришлось убеждать хозяев в правдивости своего рассказа: девчачий голос они слышали, и следы когтей на стене сарая видели собственными глазами. Или к несчастью. Если б Тихон Миронович не поверил, то змеиня с чистой совестью могла бы пожать плечами, и сказав «Ну, мы сделали всё, что могли», уйти восвояси.

Видит Богиня, Финистова Мать, ей этого хотелось. Короткая стычка с упырицей показала змеине, что нежить быстрая, как кошка, а у неё когти — как ножи, так что Горислава серьёзно рискует жизнью. Но она никогда в жизни не убегала от драки, и сделать это без веского повода сейчас — значит, нарушить твёрдое правило, которое сама же себе установила.

Утро принесло новую проблему: Серафим от пережитого к утру свалился с жаром, и Макария неотступно сидела рядом с ним, вытирая горячий лоб мокрым полотенцем. Тихон Миронович же не знал, где могилы дочерей находятся.

— Что?! — хором воскликнули Купава и Горислава (с утра не разговаривавшие), когда услышали это от него.

— Вы на их могилы не ходите, что ли? — спросила змеиня, гневно сдвинув брови.

— За что вы их так не любили?! — воскликнула куда более непосредственная Купава.

— Любить... Как можно любить того, кто не жилец? — сказал Тихон Миронович с

горечью, раскуривая трубку. — Они ж болезные были все. Мне поп Матвей сразу про старшую сказал — готовься, Тихон, она на этом свете надолго не задержится. Так оно и вышло. А младшие родились синенькие, как мертвячки, и повитуха говорит, что обеих пришлось в воду холодную окунать — только после этого дышать начали... Лучше б дала им сразу умереть, слёз бы меньше было, — он выпустил струю дыма. — Так что спросите о могиле попа. Он знает. Моя-то туда каждый месяц ходит.

Переглянувшись (разговаривать по-прежнему не хотелось), Купава с Гориславой побрели к церкви. Купава по пути прихватила лопату. Горислава демонстративно закатила глаза: что русалка собиралась делать на кладбище, она не знала, но была уверена, что снова какое-нибудь идиотство.

Поп был нестарый, с окладистой рыжеватой бородой.

— Вы Макарии Семёновне помогаете, да? — спросил мягко и даже как-то робко. — Я б на вашем месте не стал лезть в это дело.

— Это почему? — ощетинилась Горислава. Всё-таки не любила она попов.

— Говорят, прокляли её, — сказал поп.

— Кто? — спросили они с Купавой хором. Второй раз за утро!

— То мне неизвестно, — поп сразу отвёл глаза. — Так люди говорят.

— Меньше верьте сплетням, — фыркнула Горислава. — Эти могилы?

Она кивнула в сторону трёх холмиков под кустом бузины. Одна была маленькая, две — совсем крошечные, все три выглядели ухоженными. Поп Матвей кивнул.

— Вы их же не раскапывать собираетесь? — спросил он боязливо, глянув на лопату в руках Купавы.

— Не целиком, — утешила его русалка. — Только немного откопаем, тела тревожить не будем.

Она протянула лопату Гориславе. Та уставилась на неё раздражённо: какого чёрта она хочет сделать её соучастницей осквернения могил?! — и скрестила руки на груди. Фыркнув, Купава принялась копать сама, но получалось это у неё так медленно и жалко, что Горислава молча отобрала у неё лопату. Вскоре из-под земли показался край гроба.

— Ещё немного, — сказала Купава, глядя Гориславе в глаза и нарушив таким образом обет взаимного неразговаривания. Горислава тихо рыкнула и продолжила копать.

— Ах, Финистова Матерь! — по-бабьи ахнул поп Матвей, глядя на наполовину раскопанный гроб. Крышка гроба была проломлена, а сам он был полон земли. Горислава пару раз ковырнула эту землю лопатой, докопавшись до полусгнившей подушки, которую положили под голову покойницы.

Но самой покойницы там не было.

— Как же так... — поп затрясся, как Серафим этой ночью. — Анастасия... Я ж её отпевал! На моих же глазах гроб в землю клали... Глубоко не смогли закопать, тут земля каменная, это да, но она была в гробу... Кто ж разрыл — они ж небогатые, никаких сокровищ там не могло быть...

— Она сама и разрыла, — сказала Купава уверенно и мрачно.

— Я ж её отпевал! Молитвы читал! — поп схватился за голову. — Неужто её живой в гроб положили?!

— Вряд ли, — тихо сказала Купава. — Она была мертва, но... вернулась.

— Ваша церква совсем рядом. Вы разве не заметили, что могилу раскопали? — спросила Горислава, втыкая лопату в землю.

— Месяц, когда Анастасия умела, был такой дождливый, — сказал поп, повесив голову. — Под дождём хоронили... Не земля была, а каша... Даже если... разрыли могилу, я мог не заметить... — он покачал головой. — Ох, несчастье-то какое. Теперь нужно в лавру посылать — чтобы иеромонаха прислали — чтобы освятил кладбище, ох, несчастье-то какое... Позор моему приходу...

— Давайте-ка на её сестёр посмотрим, — сказала Купава, решительно перебивая причитания попа.

И выразительно взглянула на Гориславу. Ощущая острое желание прикопать русалку, та сначала засыпала могилу Анастасии, потом раскопала могилы её сестёр. Но гробики были целы, и внутрь заглядывать змеиня не рискнула.

Оставив растерянного попа бродить между могил, Горислава с Купавой вышли за ограду погоста, к лесу.

— И что это значит? — поинтересовалась змеиня у русалки.

— Это значит, что Анастасия не успокоилась с миром, — сказала русалка. — Выкопалась и ушла. Стала упырицей.

— И что, теперь приходит по ночам и пьёт кровь? — поинтересовалась Горислава, вспомнив, что ей говорил про упырей Велимир.

— Если и пьёт, то не у Серафима, — сказала Купава. — И не так, чтобы жители деревни это заметили. Может, зайцев ест... Я об упырях много не знаю, только то что мне старшие сёстры рассказали. Что если русалки — дети воды, то упыри — дети земли. Поэтому у них злобный нрав. Вода изменчива, а земля — всё помнит, и они не могут забыть ту боль, которую чувствовали и при жизни...

— И хотят за неё отплатить, — Горислава кивнула. — Так за что же эта девчонка, Настя, так ненавидит свою семью?

— За то, что они живы, а она умерла, — сказала Купава печально. — Или, может... Я сказала попу, что девочка была мертва, когда её хоронили, но это я его пугать не хотела. Может, её живой в гроб положили... Под землёй она очнулась и умерла второй раз, — голос русалки дрожал. — Но перед смертью так мучалась, так возненавидела всё, что... Вернулась.

Горислава передёрнула плечами. История выходила откровенно мерзкой. Но отступить было некуда.

— То есть русалкой была она же? — спросила она.

— Не знаю, не знаю! — Купава нервно теребила кончик косы. — Я уверена, что в речке была именно русалка. Не упырица, упырицы так плавать не умеют, по крайней мере не должны уметь... Откуда русалка-то взялась?

— Понятия не имею, — кисло сказала Горислава. Настоящий витязь бы знал, что делать, но она — притворщица.

— Есть у меня мысль... — задумчиво сказала Купава. — Меня Устинья — старая русалка, что знала волшебство — научила меня одной штуке...

Осиное гнездо. Часть 4

К счастью, Гориславе не пришлось убеждать хозяев в правдивости своего рассказа: девчачий голос они слышали, и следы когтей на стене сарая видели собственными глазами. Или к несчастью. Если б Тихон Миронович не поверил, то змеиня с чистой совестью могла бы пожать плечами, и сказав «Ну, мы сделали всё, что могли», уйти восвояси.

Видит Богиня, Финистова Мать, ей этого хотелось. Короткая стычка с упырицей показала змеине, что нежить быстрая, как кошка, а у неё когти — как ножи, так что Горислава серьёзно рискует жизнью. Но она никогда в жизни не убегала от драки, и сделать это без веского повода сейчас — значит, нарушить твёрдое правило, которое сама же себе установила.

Утро принесло новую проблему: Серафим от пережитого к утру свалился с жаром, и Макария неотступно сидела рядом с ним, вытирая горячий лоб мокрым полотенцем. Тихон Миронович же не знал, где могилы дочерей находятся.

— Что?! — хором воскликнули Купава и Горислава (с утра не разговаривавшие), когда услышали это от него.

— Вы на их могилы не ходите, что ли? — спросила змеиня, гневно сдвинув брови.

— За что вы их так не любили?! — воскликнула куда более непосредственная Купава.

— Любить... Как можно любить того, кто не жилец? — сказал Тихон Миронович с горечью, раскуривая трубку. — Они ж болезные были все. Мне поп Матвей сразу про старшую сказал — готовься, Тихон, она на этом свете надолго не задержится. Так оно и вышло. А младшие родились синенькие, как мертвячки, и повитуха говорит, что обеих пришлось в воду холодную окунать — только после этого дышать начали... Лучше б дала им сразу умереть, слёз бы меньше было, — он выпустил струю дыма. — Так что спросите о могиле попа. Он знает. Моя-то туда каждый месяц ходит.

Переглянувшись (разговаривать по-прежнему не хотелось), Купава с Гориславой побрели к церкви. Купава по пути прихватила лопату. Горислава демонстративно закатила глаза: что русалка собиралась делать на кладбище, она не знала, но была уверена, что снова какое-нибудь идиотство.

Поп был нестарый, с окладистой рыжеватой бородой.

— Вы Макарии Семёновне помогаете, да? — спросил мягко и даже как-то робко. — Я б на вашем месте не стал лезть в это дело.

— Это почему? — ошетинулась Горислава. Всё-таки не любила она попов.

— Говорят, прокляли её, — сказал поп.

— Кто? — спросили они с Купавой хором. Второй раз за утро!

— То мне неизвестно, — поп сразу отвёл глаза. — Так люди говорят.

— Меньше верьте сплетням, — фыркнула Горислава. — Эти могилы?

Она кивнула в сторону трёх холмиков под кустом бузины. Одна была маленькая, две — совсем крошечные, все три выглядели ухоженными. Поп Матвей кивнул.

— Вы их же не раскапывать собираетесь? — спросил он боязливо, глянув на лопату в руках Купавы.

— Не целиком, — утешила его русалка. — Только немного откопаем, тела тревожить не будем.

Она протянула лопату Гориславе. Та уставилась на неё раздражённо: какого чёрта она

хочет сделать её соучастницей осквернения могил?! — и скрестила руки на груди. Фыркнув, Купава принялась копать сама, но получалось это у неё так медленно и жалко, что Горислава молча отобрала у неё лопату. Вскоре из-под земли показался край гроба.

— Ещё немного, — сказала Купава, глядя Гориславе в глаза и нарушив таким образом обет взаимного неразговаривания. Горислава тихо рыкнула и продолжила копать.

— Ах, Финистова Матьер! — по-бабьи ахнул поп Матвей, глядя на наполовину раскопанный гроб. Крышка гроба была проломлена, а сам он был полон земли. Горислава пару раз ковырнула эту землю лопатой, докопавшись до полусгнившей подушки, которую положили под голову покойницы.

Но самой покойницы там не было.

— Как же так... — поп затрясся, как Серафим этой ночью. — Анастасия... Я ж её отпевал! На моих же глазах гроб в землю клали... Глубоко не смогли закопать, тут земля каменистая, это да, но она была в гробу... Кто ж разрыл — они ж небогатые, никаких сокровищ там не могло быть...

— Она сама и разрыла, — сказала Купава уверенно и мрачно.

— Я ж её отпевал! Молитвы читал! — поп схватился за голову. — Неужто её живой в гроб положили?!

— Вряд ли, — тихо сказала Купава. — Она была мертва, но... вернулась.

— Ваша церква совсем рядом. Вы разве не заметили, что могилу раскопали? — спросила Горислава, втыкая лопату в землю.

— Месяц, когда Анастасия умела, был такой дождливый, — сказал поп, повесив голову. — Под дождём хоронили... Не земля была, а каша... Даже если... разрыли могилу, я мог не заметить... — он покачал головой. — Ох, несчастье-то какое. Теперь нужно в лавру посылать за монахом-бесогоном, чтобы освятил кладбище, ох, несчастье-то какое... Позор моему приходу...

— Давайте-ка на её сестёр посмотрим, — сказала Купава, решительно перебивая причитания попа.

И выразительно взглянула на Гориславу. Ощущая острое желание прикопать русалку, та сначала засыпала могилу Анастасии, потом раскопала могилы её сестёр. Но гробики были целы, и внутрь заглядывать змеиня не рискнула.

Оставив растерянного попа бродить между могил, Горислава с Купавой вышли за ограду погоста, к лесу.

— И что это значит? — поинтересовалась змеиня у русалки.

— Это значит, что Анастасия не успокоилась с миром, — сказала русалка. — Выкопалась и ушла. Стала упырицей.

— И что, теперь приходит по ночам и пьёт кровь? — поинтересовалась Горислава, вспомнив, что ей говорил про упырей Велимир.

— Если и пьёт, то не у Серафима, — сказала Купава. — И не так, чтобы жители деревни это заметили. Может, зайцев ест... Я об упырях много не знаю, только то что мне старшие сёстры рассказали. Что если русалки — дети воды, то упыри — дети земли. Поэтому у них злобный нрав. Вода изменчива, а земля — всё помнит, и они не могут забыть ту боль, которую чувствовали и при жизни...

— И хотят за неё отплатить, — Горислава кивнула. — Так за что же эта девчонка, Настя, так ненавидит свою семью?

— За то, что они живы, а она умерла, — сказала Купава печально. — Или, может... Я

сказала попу, что девочка была мертва, когда её хоронили, но это я его пугать не хотела. Может, её живой в гроб положили... Под землёй она очнулась и умерла второй раз, — голос русалки дрожал. — Но перед смертью так мучалась, так возненавидела всё, что... Вернулась.

Горислава передёрнула плечами. История выходила откровенно мерзкой. Но отступить было некуда.

— То есть русалкой была она же? — спросила она.

— Не знаю, не знаю! — Купава нервно теребила кончик косы. — Я уверена, что в речке была именно русалка. Не упырица, упырицы так плавать не умеют, по крайней мере не должны уметь... Откуда русалка-то взялась?

— Понятия не имею, — кисло сказала Горислава. Настоящий витязь бы знал, что делать, но она — притворщица.

— Есть у меня мысль... — задумчиво сказала Купава. — Меня Устинья — старая русалка, что знала волшебство — научила меня одной штуке...

Вечером, когда над речкой клоками плыл туман, Купава устроилась на берегу. Горислава стояла рядом — угрюмая настолько, что, кажется, от одного её взгляда рыба вверх брюхом перевернётся. Купава так и не смогла объяснить ей, что собирается делать.

— Ты хочешь сказать, что «видишь» через туман? — спросила она недоверчиво.

— Не «вижу», чую, — ответила Купава. — Как носом.

— И ты надеешься учуять упырицу? Как, по-твоему, она будет пахнуть?

— Мертвечиной, как же ещё? — Купава закатила глаза: Горислава задавала какие-то глупые вопросы. — Я не уверена, что получится. Устинья только один раз показывала мне, как это делать, и сказала, что это вряд ли мне пригодится, потому что сейчас русалки не помогают простому люду бороться с упырями. Сейчас они от простого люда прячутся...

— Поняла, поняла, — Горислава нетерпеливо тряхнула головой. — Скажи только, что ты собираешься делать, если найдёшь упырицу. Ты будешь мешать мне убить её?

Купава опустила голову.

— Я не знаю, Горька, — сказала она тихо. — Мне всё равно хотелось бы поговорить с ней. Вдруг мне... Нам удастся ей помочь, отговорить от мести... Она же просто ребёнок.

— Который может вспороть мне брюхо и развесить кишки на дереве, — проворчала Горислава.

— Она испугалась, — сказала Купава, но без особой уверенности. — Послушай, можешь считать меня дурочкой, но мне кажется, что нужно перекинуться с ней хоть парой слов! Чтобы понять, при чём здесь русалка.

— Кто о чём, а ты о русалках волнуешься, — Горислава махнула рукой. — Чёрт с тобой. Начинай свою волшебство.

Довольная, что неприятный разговор закончился, Купава прикрыла глаза. Пряди тумана потекли с платка, зажатого в руках, смешались с дымкой, повисшей над водой. Купава умирала, таяла, как ледышка под солнцем. Это было страшно, но приятно: она прекращала существовать, становилась единым целым с туманом, с рекой и ветром.

Она больше не была Купавой, мёртвой девочкой из Роси-реки. Она была писком комара, вьющегося вокруг Гориславы. Плеском рыбы в речной глубине. Шорохом мыши в кустах. Неслышными шагами лисы. Криком совы, сорвавшейся с ветки дерева...

...Гнилой вонью мёртвой крови, пропитавшей землю.

— Нашла! — Купава открыла глаза. Собственный голос показался ей чужим. Горислава сидела у берёзы и жевала пирожок. Небо стало совсем тёмным, и рядом со змеиной горел фонарь, одолженный ради охоты на упырицу у попа.

— Я уж думала, что ты совсем померла. Глаза закрыты, не дышишь, — сказала она. Протянула часть пирожка. — Хочешь?

— Неа, — при виде пирожка у горлу Купавы подкатила тошнота. Запах протухшей крови всё ещё стоял в ноздрях. — Фу, ну и воняют эти мертвяки! Зато я знаю, где она. Нам туда, — она махнула рукой.

— В лес. Среди ночи. Мда, — сказала Горислава задумчиво, проследив за направлением, куда указывала Купава. — Ладно, я всё равно не собиралась жить вечно, — она закинула в рот остатки пирожка и поднялась. — Пошли.

«Да и одна могу», — подумала Купава, но вслух говорить не стала. Они и так с сестрицей только помирились. Ну, как помирились — Горислава всё ещё зло сверкала глазами, но хоть разговаривать с ней начала. Если честно, Купава была растеряна. Она не хотела ссориться, но оно как-то само собой получилось, а мириться она не умела. Тогда, поругавшись со старшей русалкой, она просто ушла обратно под обрыв. Но не уходит же сейчас от сестрицы-Гориславы... Эх, если б она помнила что-то о своей жизни, то, наверное, знала бы, какие слова говорить и что делать, когда хочешь мириться. А так приходилось действовать наугад...

По лесу старшая сестрица шла так медленно, что хоть плач. Купава-то просто залезла на дерево и перепрыгивала с одной ветки на другую, а Горислава продиралась сквозь кусты, сердито шипя под нос. Ругаться не решалась — как она сказала Купаве пару дней назад, боится разозлить лешего.

— Вот здесь! — сказала Купава спрыгивая на землю рядом с Гориславой. — Пахло отсюда. Да и сейчас пахнет, — она поморщилась. — Только вот где...

— Тут я, — зазвенел в холодном ночном воздухе детский голосок, не по-детски суровый. — Чего вам надо?

Упырица стояла на берегу старицы Камышовки, холодно глядя на девушек. Теперь наконец-то Купава могла разглядеть её получше. У девочки было симпатичное личико, даром что мертвецки бледное: вздёрнутый нос, большие глаза, отороченные длинными ресницами. Выросла бы — стала бы красавицей, с неожиданным сожалением подумала Купава. Но уже не вырастит никогда. Так и останется восьмилетней девочкой, хрупкой и бледной. В глазах горит не жизнь, а зеленоватый болотный огонь, и между бледных губ — острые звериные клычки.

«А я ведь такая ж», — подумала Купава с неожиданным содроганием. В отличие от упырицы, она не заперта внутри плоти — и легко может сделать щёки румяными, а глаза — живыми... Но ведь это маска. Она такая же.

Девочка, которая никогда не вырастит.

Ей стало больно до слёз, и она не понимала, почему. Неужто это что-то из жизни? Воспоминания... Сожаления о том, что она не прожила, не сделала?

Горислава чувствительно толкнула её локтем, вырывая из вязкого наваждения.

— Ну что? Ты вроде поговорить у нас хотела, — сказала она.

— А, да... Я... — слова застревали в горле.

— Ладно, я сама начну, — сказала Горислава. — Настя или как тебя там. Что тебе

нужно от Серафима?

Анастасия хмыкнула. Ухмылка на губах была совсем взрослая, как и осанка, и взгляд. Если считать года, которые она прожила упырицей, ей было около двадцати.

— Поговорить хотите? Садитесь, — она указала на поваленное дерево на берегу под раскидистой берёзой. — Раз уж пришли в мой дом. Угостить вас нечем, извините уж. Не думаю, что вы едите сырое зачье мясо, — она улыбнулась, сверкнув клыками.

— Значит, ты действительно зайцами питаешься? Людей не трогаешь? — спросила Купава, усаживаясь на бревно. Горислава с некоторой заминкой села рядом.

— И зайцами, и волками, и лисами, — равнодушно сказала Анастасия. — Чего тебя это так волнует? Люди мне ничего не сделали, кроме... — её глаза сверкнули злобой. — Одной женщины.

— Макарии? Твоей матери? — недоверчиво спросила Купава.

— Матери?! — упырица разразилась злым смехом. — Она мне не мать! Кто, думаете, меня убил?!

— Что?! — рука Гориславы, лежавшая на рукояти зачарованного ножа, разжалась.

— То! И ведь никто в деревне и не подозревает. Считают, что её дочери умерли своей смертью, — сказала упырица сквозь зубы. — Что мы просто слабенькие были.

— Подожди... Ты... Ты уверена? — охнула Купава. — То есть...

— Как умерла Зоя, моя первая младшая сестра, я не видела, — сказала Анастасия. — Только вторая. Наталья. Дождливое лето было. Мать... Эта женщина Наталью родила. Малая плачет, не успокаивается, отец орёт: «Что за нечисть ты родила? Мало того, что девка, так ещё и больная! Знал бы я, что ты рожаешь хуже, чем сука — лучше бы на суке женился!». Как всегда. И ушёл к брату спать. А эта женщина села в угол и выть начала. Ну, я начала колыбель качать, её попросила замолчать — она мне пощёчину дала... — упырица словно выплёвывала каждое слово. — Наконец, заткнулась, я Наташу вроде укачала, сама умаялась, задремала. Но увидела сквозь сон, что эта малышку из колыбельки вытащила и куда-то понесла. Я думала, снится — но открыла глаза, а колыбелька пустая. Выскочила на улицу — вижу спину этой. За ней побежала. Виновата, надела сапоги отцовские, они большие, с ног слетают, пока догадалась сбросить — отстала. Пока сообразила сбросить, эта уже до реки дошла. Я только увидела, как она Наташу, сестру мою, окунает в воду, и держит, держит... — слёзы текли по щекам упырицы. Не прозрачные, как у людей, а кровавые. Купава едва сдержалась, чтобы не зажать нос: вонь мёртвой кровь стала невыносимой. — Я кричала. Но людей нет, эта только вздрогнула, и орёт: «Чего вышла? Иди домой!». Я подбежала. Пытаюсь Наталью из рук у неё вырвать, она меня оттолкнула... Утопила она сестру мою. И домой, домой. Плюхнула её в колыбельку. Мне говорит: «Ничего ты не видела, поняла? Иначе прибью на месте». Я ей чего-то — мамка, мамка, как же так... А она — «Не жильцы они были». Они! Значит, и с Зоей так же покончила. «Не видишь, отец твоей сына хочет. На что ему дочери, да ещё болезные? Я хорошая жена. Грех на душу возьму, но муж доволен будет. А ты молчать об этом будешь. Да тебе никто и не поверит, я скажу, что ты спятила», — Анастасия вытерла слёзы. — Я и убежала — прямо в ливень. Думала, к церкви, но подумала — а мне ведь действительно никто не поверит. Отец мне никогда слова ласкового не говорил, только ворчал, что я худая и уродливая, а поп всегда твердил, что я скоро умру и должна готовиться. Пришла домой. Мать как ни в чём ни бывало по дому хлопчет, готовится хоронить малышку. К вечеру жар у меня начался... Отца всё нет, мать меня отваром каким-то поит... И вкус незнакомый. Не тот, каким она обычно меня поила.

Второй раз попыталась оттолкнуть её руку, но она всё равно в меня его влила. И наутро я уже не проснулась, — Анастасия в упор уставилась на Купаву. — Проснулась я от смертного сна через несколько дней, наверное, гроб проломила, домой пришла. Смотрю в окно — отец курит, мать его обхаживает, воркует. Говорит: «Всё, что Финист Пресветлый ни делает — всё к лучшему. Клянусь, я теперь тебе сына рожу, и будет у нас всё как у людей». Я и пошла прочь, в лес. Поняла, что места мне тут нет....

— Какой ужас, — только и смогла сказать Купава. Неужто эта крикливая, некрасивая женщина была способна на такое злодейство? Не выдумывает ли упырица?! Краем глаза поглядела на Гориславу. Лицо у той было страшное: зрачки расширились так, что радужка была едва видна — сомнений нет, её сестрица была в ярости.

— Осиново. Осиное гнездо, — прошипела змеиня под нос, и Купава поняла, что упырица не врёт. По крайней мере — сестрица ей верит. Если вспомнить, как поступили с Гориславой её друзья, как поступили с её матерью родственники — люди могут быть очень жестоки. Люди. Почему же нежить считают чудовищами?!

— Так скажите мне, девочки, — упырица наклонилась вперёд, почти шепча. — По вашему, что заслуживает эта женщина? Которую вы назвали моей матерью?

— Смерти, — глухо сказала Горислава. Ни тени сомнений не было в её голосе.

— Но ты же охотишься не за ней! А за Серафимом, братом своим! — воскликнула Купава, вскакивая. — Он-то в чём виноват?

— Он? Да ни в чём. На меня кричали и били, а над ним воркуют только потому, что у него есть маленький кусочек плоти между ног, — упырица скривилась. — Он может позволить себе быть болезненным, он может проказничать, и всё ему простится... Эта женщина счастлива. Разве она заслуживает быть счастливой? Она даже не плачет на наших могилах, только ухаживает, чтобы люди ничего не говорили...

— То есть ты хочешь убить Серафима только чтобы заставить свою мать страдать?! — спросила Купава.

— Не мать она мне. Не мать, — сказала сквозь зубы упырица. — Разве она не заслужила страданий?! Наши боги мертвы. Пресветлый Финист — чужой нам, ему нет дело до наших земель. Я должна принести правосудие. Больше никому.

— Серафима не трожь, — отрезала Горислава.

— Почему? — упырица склонила голову на бок. — Почему вы их защищаете? Вы сами-то... — по бледным губам скользнула улыбка. — Змеиное отродье. После последнего набега степняков желтоглазых детишек просто душили подушками. А ты... Русалка. Знаешь, у попа Матвея есть книга, называется «Нечестивая», там описано, как вас выманить из воды и убивать. Скажите, зачем вам их защищать?

— Затем, что лучше защищать, чем как ты... — Купава вытерла слезу, бегущую по щеке. — Бедная, бедная. Тебе ведь больно...

— Ох, что за бабьи причитания, — упырица закатила глаза. — А ты, змеиня, что скажешь?

— Скажу, что будь я на твоём месте — а я могла бы быть — я бы на брате вымещать злость не стала, — сказала Горислава. Ярость клокотала у неё в горле. — Я бы выпустила кишки матери. Придушила бы ими отца. Но парня трогать бы не стала. Поэтому ты отстанешь от него. Иначе мы перекопаем весь лес. Найдём могилу, в которой ты спишь днём, и вобьём тебе кол в грудь. Поняла?

Упырица усмехнулась, холодно глядя в глаза Гориславе.

— А откуда взялась русалка? — спросила Купава. — Там, в воде, была русалка, я уверена! Неужто... Ах, глупая, как же я ещё не поняла! — она ударила себя кулаком по лбу. — Это ведь Наталья, да? Твоя сестра?

— погоди, но ведь могила малых не пуста! — обернулась к ней Горислава.

— Да для того, чтобы стать русалкой, тело не обязательно, — сказала Купава. — Я ведь тебе говорила? Мы... Как бы духи, состоим из навьей воды... А тело сгнивает, как и положено... Поэтому нам легче, чем упырям, отпустить прошлое.

— Да вы просто баловни судьбы, по сравнению со мной-то, — проворчала упырица. — Ты права, русалка. Мои сёстры стали русалками. Обе. Но это неважно. Змеиня, вот что я тебе отвечу... — и она вдруг пронзительно свистнула.

С ветвей берёзы сорвались две белые тени, и в тот же миг упырица бросилась на Купаву. Русалка отпрянула — когти мелькнули у самого лица — и увидела, как Горислава падает. Две маленькие русалки схватили её, заставив потерять равновесие — и затащили в воду.

Купава отчаянно взвизгнула, а упырица расхохоталась.

— Что ты сделала! Что ты... — Купава уклонилась от взмаха когтей, от одного, от другого. — Горька! Она же утонет!!

Белые тени и Горислава скрылись под водой. Не было сомнения — маленькие русалки тянут её на дно, не дают всплыть, глотнуть воздуха.

Надо помочь! Вспрыгнуть на берёзу, затем — в воду... Купава отвлеклась на мгновение — и когти упырицы пропороли её понёву и кожу на бедре. Боли русалка не почувствовала — только нога стала тяжёлая и чужая.

— Что ты... — прошептала она, оседая на землю.

— Здесь раньше были лешие. Русалки. Водяной, — упырица ткнула ей босой ногой в плечо, заставляя упасть. — Всех убили во времена Богонравного, всех извели. Теперь только я тут хозяйка. А вы, двое дур, начали угрожать хозяйке леса на её земле, — грязная нога встала её на грудь, прижала к земле. — Думаете, я это так оставлю? — когти упырицы коснулись горла Купавы. — У тебя на личике написано, что ты считаешь себя лучше меня. Интересно, если я сдеру с тебя это лицемерное личико, что там будет? Кость или просто вода?

— Не надо... — всхлипнула Купава. — Мы ведь хотели тебе помочь!

Она. Она хотела. Помочь этой несчастной озлобленной девочке. Помочь маленькой русалке. Почему же так вышло?! Почему вышло так, что её желание помочь обрекло Гориславу на смерть... И её тоже... На окончательную смерть...

— Несправедливо? — прошептала упырица, обнажая клыки. — Конечно, несправедливо. Несправедливо, что я умерла так рано. Что моих сестёр утопили, как лишних котят. Знаешь, что я поняла? Мир несправедлив!

— Точно. Несправедлив, гнилая ты сука, — голос Гориславы звучал хрипло, но твёрдо. Она стояла, безжалостно придавив ногой одну русалку, а другую держала за волосы, приставив к горлу нож. — Продолжим разговор?

— Как ты... Отпусти мою сестру! — торжество на лице упырицы сменилось растерянностью.

— Тупица. Тут воды по колено. Твоим скользким рыбёшкам меня не удержать, — сказала Горислава. Голос звучал ровно, но Купава знала — она в ярости. — Отпусти мою

сестру — и я отпущу твоих. Они тебе дороги, правда? Ты заботилась о них, когда матери было плевать, и, наверное, была счастлива, когда обнаружила, что их души остались в реке. Потому и людей не трогала все эти годы. Ты ведь была счастлива с сестрёнками? Такое милое семейство, без ублюдочной мамы и папы, — придавленная сапогом Гориславы, маленькая русалка жалобно пищала. — Была, была. Я б тоже была счастлива. А потом увидела, как мать тютюшкается с твоим братом, и возревновала. И решила его прикончить. Правосудие, чёрт побери... Не волнует оно тебя. Ты просто бешеная псина. Как и я, — Горислава грубо трянула русалку, которую держала за волосы. — Поэтому не сомневайся — я перережу глотки твоим малышам без сомнений.

— Тогда я перебью всех в деревне, — прошипела упырица.

— Да сколько угодно. Я к тому времени буду уже мертва, и по херу мне будут жители деревни, — яростно усмехнулась Горислава. — Ты начала угрожать мне и моей сестре. На моей земле.

— Это не твоя...

— Я степная диаволица, сука. Вся земля, на которую я наступила — моя, — отрезала Горислава. — Так вот, Настенька. Отпусти мою сестрицу. Отстань от Серафима. Живи со своими рыбёхами и не мешай жить другим. И я оставляю тебя жить. Поняла?

Анастасия посмотрела на Купаву. Перевела взгляд на хнычущих сестёр. На Гориславу. И медленно убрала ногу с груди русалки.

Горислава так же медленно убрала нож от горла младшей сестры Анастасии. Не сводя взгляд с упырицы, она подошла к Купаве и подала ей руку. Купава, слабо улыбаясь, взялась за протянутую ладонь. Рана на бедре начала болеть, и это радовало: значит, нога просто на время обмерла, а не навсегда.

— Ты была права, сестрица... — прошептала Купава, глядя на Гориславу, и...

...И тут упырица бросилась вперёд.

Купава увидела отражение в глазах Гориславы. Поняла: подруга не успеет среагировать. Нож она взяла в левую, когда правую подала Купаве. Пламени нужно несколько мгновений, чтобы разгореться, и за эти мгновения предательский удар упырицы убьёт...

«Нет».

— Нет!! — взвыла Горислава, когда когти упырицы вместо того чтобы разодрать грудь змеини, полоснули по Купаве.

«Да не кричи ты так, всё в порядке, — хотела сказать Купава. — Я уже мертва, что со мной может случиться? Крови, конечно, много... Ха, я и не думала, что во мне есть столько крови!»

Но ноги почему-то наотрез отказались держать её.

Велимир рассказывал Гориславе, что на шее у человека есть пара особых жил. Если их пережать — человек сначала потеряет сознание, а потом умрёт. Как именно пережимать жилы, Велимир показывать отказался и советовал Гориславе быть осторожней с чужими шеями: убьёт кого-то в драке — хлопот не оберёшься.

«А если эту жилу перерезать?» — спросила любопытствующая змеиня.

«Будет много крови, — сказал старый витязь. — И... Всё», — он развёл руками.

Русалочья кровь, брызнувшая в лицо Гориславе, не была горячей — тёплой, как

подогретая солнцем вода. Но змеине хватило мгновения, чтобы понять — когти упырицы перебил именно ту жилу, о которой говорил Велимир. Теперь Купава повисла на руках у Гориславы с окровавленным горлом.

— Нет!!

С умирающей русалкой на руках она не смогла отплатить за предательский упырице сразу — а через мгновение та уже отскочила в сторону, уворачиваясь от неловкого выпада змеини.

— К чёрту! — прошипела мёртвая тварь. — Я заберу своё! — и, сверкнув глазами-гнилушками, кинулась в лес.

Горислава опустила на колени, удерживая бессильно повисшую Купаву. Что делать? Злиться? Плакать? Паниковать? Всё сразу?! Она не знала. Просто в ступоре смотрела на белое, обескровленное лицо подруги. Нет, нет... Она не может умереть... Она же нежить! Русалка!! Она уже мертва, ей не нужна кровь, она не может....

— Купава... — прошептала Горислава, всматриваясь в погасшие, опустевшие глаза.

Рука Купавы дёрнулась. Хрипло, с усилием, вздохнув, русалка зажала рану на шее, из которой бесконечным потоком лилась кровь.

— В... Реку... — прохрипела она. — Меня... В реку.

Горислава вскочила, подхватив Купаву обеими руками, и кинулась в реку.

— Глуб... лубже... — прохрипела Купава. Вода доходила Гориславе до колен, ноги вязли в иле. — Отпусти...

Она уже была не похожа на живого человека. Белая, как луна, кожа, огромные глаза, ставшие чёрными провалами. Горислава осторожно опустила Купаву в воду; змеёй выгнулась, словно прощаясь, русая коса, оплетённая яркими лентами.

— Так... — русалка даже не хрипела, едва-едва шептала. — Беги... В деревню... Спаси Сера... Фима... Иначе всё напрасно...

Почерневшие глаза Купавы закрылись — и она ушла под воду, мгновенно, как чугунная чушка. Окровавленная, мокрая Горислава стояла по пояс в воде. Одна.

Теперь одна.

Сёстры-русалки проклятой упырицы, снулые рыбёшки, сверкали глазами из-за камышей, но приближаться боялись. Гориславе хотелось их поймать и выпотрошить, как настоящих рыбёшек. Повесить за ноги их бледные тельца на дереве. Обглодать кости и швырнуть их в выгребную яму. Но нет, нет времени — последними словами Купава велела Гориславе бежать в деревню и спасти Серафима... Рыбёшки подождут. Сначала она вспорет брюхо бешеной псине, которая не захотела спокойно лежать в могиле.

Подлой псине, которая била им в спину раз за разом.

Горислава убрала нож в ножны на поясе — и побежала.

Потухший фонарь остался валяться на берегу — на то, чтобы зажечь его снова, ушла бы целая вечность, так что пришлось довольствоваться тусклым светом звёзд. К счастью, упырица бежала, как дикий кабан, ломая всё на своём пути, и дорогу до деревни отыскать труда не составило. Кровь в жилах пылала так, что одежда высохла — и вскоре снова промокла от пота.

Но Горислава успела.

Почти.

Когда она подбежала к дому Тихона Мироновича — дверь уже была выломана. Влетев внутрь, змеиня увидела упырицу. Она наступала на забившуюся в угол Макарию, которая

закрывала собой Серафима. В другой угол отползал Тихон Минонович, судорожно сжимая любимую трубку.

— За всё ответишь, убийца! За всё! — пронзительно взвизгнула упырица.

Почти, почти. Почти успела. Но сейчас не успеет. Не успеет преодолеть жалкую сажень от двери до упырицы, чтобы нанести удар, как эта бешеная тварь любит бить — в спину... Не успеет...

Поэтому Горислава метнула нож.

«Метают нож, когда в ножички играют, — говорил Велимир. — В бою это штука ненадёжная. Летит недалеко, точно кинуть — трудно, да и без ножа останешься. Только швырнуть наудачу, но только когда у тебя это не единственное оружие. А наши зачарованные ножи только полный дурак кидать будет».

И вот Горислава наплевала на все советы наставника. На все и разом. Только чтобы спасти мерзкую женщину, закрывавшую описавшегося мальчишку.

Ну не дура ли?

Полная.

Но кто-то наверху не был с этим согласен. Пресветлый Финист. Богиня, Финистова Матерь. Или старые боги умерли не до конца. Потому что нож вошёл точно под лопатку упырице, по самую рукоять, прорезав бледную плоть, как масло.

Анастасия завизжала и упала. Она дёргалась на полу, как собака с перебитым хребтом, пытаясь хоть подползти поближе к матери, достать её скрюченными, когтистыми пальцами...

Горислава подошла к ней, и, наступив ногой на спину, выдернула нож.

— Несправедливо... — прохрипела упырица. Из рта у неё капала на пол кровь. — Несправед... Ливо...

Горислава была согласна. Это было несправедливо. Совершенно несправедливо.

И всё же она ударила упырицу ножом ещё раз — в основание шеи, перерубая главную жилу, что идёт от головы вниз по хребту.

Осиное Гнездо. Часть 5

Крики, крики, крики. Штаны у Серафима были мокрые. Скорчившись в комок, он скулил в уголке. Про него, похоже, все забыли, кроме Гориславы. Она сидела, привалившись к стенке, и тупо смотрела на столпотворение перед собой. Соседи, прибежавшие на вопли Макарии — кто с топором, кто с лопатой — увидели Гориславу, стоящую над трупом упырицы.

Трупом упырицы. Смешно. Оказывается, можно быть просто мёртвым, а можно быть совсем мёртвым. Ха-ха. Горислава поняла, что улыбается. Чёрт побери, да она сошла с ума....

— Что ты сделала?! Что! Ты! Сделала! — орал Тихон Миронович. — Эта тварь правду сказала?! Ты наших дочек убила?! Ты?!

— Ыыыыаааа! — Макария уже не плакала, по-звериному выла, валяясь на полу. Она обнимала тело упырицы, прижимала к себе так, будто хотела слепиться с ней в одно целое. — Я! Я!!! Грех на душу взяла! Они же были не жильцы-ы-ы-ы! Все говорили! Вы все Ты постоянно твердил! — дрожащим пальцем она ткнула в попа Матвея. Бледный и трясущийся, он имел вид человека, которого притащили силком и который хочет оказаться где угодно, только не здесь. — А ведь их кормить нужно, одевать — в хозяйстве помощи никакой — а потом всё равно в гроб класть! На гроб ещё тратится!! Взяла грех на душу, взяла, взяла, грешна!! Но Настеньку я не убивала! Не убивала! Настеньку мою Настёночку! — она ещё крепче прижала к себе труп упырицы. Кровь мертвячки заливала рубаху Макарии. — Самая дорогая она моя была! Первушка! Не убивала! Травы перепутала!! Отварила ту, что у скоморохов купила! Говорили — если ребёнок слабый, то дай ему, не будет мучаться, заснёт вечным сном! Не решила дать... Спрятала, забыть хотела... Грешно... Ааааа!! Наказал меня Финист Пресветлый, наказал! Отраву Настеньке моей дала! И нет у меня дочек, и убийца я! — Макая подняла глаза на Тихона. Её красное, распухшее лицо, казалось, принадлежит уже не человеку, а бесу с церковного образа. Только бесы не плачут. — А ты, ты! Что в трубку свою вцепился?! — тот как раз пытался раскурить трубку, но из-за дрожащих рук не мог высечь искру. — В соску свою! Из-за кого я грех свершила?! Ради кого? Ради тебя, вырода! Чтобы хоть ласковое слово мне сказал! Чтобы посмотрел по-доброму! Не любишь ты меня, всё о потаскухе своей змеиной думаешь! Хотела в счастье жить... Чтобы всё как у людей... Как у людей... — она повторяла это всё снова и снова, сорванным от рыданий голосом, пока не затихла, обмерев.

Тогда Горислава встала. Её шатало от слабости. Ярость словно сожгла её нутро, оставив только серый, холодный пепел.

— Кто тут гробы делает? — спросила она. — Анастасию похоронить нужно. И осина где тут ближайшая? Кол нужен.

Кола понадобилось два.

Макарию до утра заперли в сарае. Она не сопротивлялась — только тому, чтобы у неё отобрали тело дочери, и Гориславе пришлось вырывать его силой. Деревенский староста говорил, что наутро надобно послать в Лукарец за исправником, чтобы решил, что делать с детоубийцей, которая во всём созналась. Говорил, а все помалкивали, понимали, что приговор будет один: смерть.

За исправником посылать не пришлось. Макария повесилась в сарае на собственном

поясе до первого петушиного крика. Её тело вынимали из петли в молчании, в котором звучало: так будет лучше, так будет лучше.

«Теперь всё будет хорошо. Погребём мёртвых и забудем. Заживём как прежде. Как люди».

Эти слова стучали в голове Гориславы, когда она мерными ударами молотка загоняла осиновый кол в сердце Макариии Семёновны. Лицо её, изуродованное мучительной предсмертной гримасой, закрыли полотенцем — смотреть на это было невыносимо.

В церкви стояло два гроба. Макая и Анастасия, мать и дочь. Два чудовища. Каждое на свой лад. Их, как одеялом, укрывал душный, пахнувший фимиамом полумрак — свечей горела только пара. В мерцающем свете лица на образах казались особенно строгими и совершенно недовольными происходящем. Ну конечно, будешь тут доволен, когда поп позорно сбежал, оставив в твоей церкви хозяйничать степную диаволицу...

Горислава прикрыла глаза. Удары молота всё ещё звучали в ушах. *Тук, тук, тук.* А, нет — это не молот, это её собственное сердце. *Тук, тук, тук.* Голова болит и кружится — то ли от фимиама, то ли от духоты, то ли от пережитого... Она разжала пальцы, позволив молотку выпасть из руки. *Тук.*

Сзади слышались шаги. Обернувшись, она увидела Тихона Мироновича. Он подошёл к гробу жены и закурил трубку. Курить в церкви было нельзя, и теперь тут завоняло не только фимиамом, но и табаком — но пока Горислава подбирала более-менее цензурные слова, чтобы объяснить это мужчине, он заговорил сам.

— Я в этом виноват... Я. Вроде и никого пальцем не тронул, а виноват, — он выпустил дым. — Права она. Не любил я её. На неё смотрел, другую вспоминал. Которую со двора когда-то сам прогнал. Мать сказала — её змеи оприходовали, значит, будет теперь всегда змеиных выродков рожать. Они нам не надобны. Зачем её послушал...

Горислава хрипло выдохнула.

«Не надо, пожалуйста. Замолчи. Замолчи. Я всё поняла уже в твоей избе. Но если ты скажешь это вслух, я... Я не сдержусь. И будет третий гроб».

Но Тихон продолжал говорить, не зная, что Горислава его спиной сжимает кулаки, до хруста, до белых костяшек.

— Как сейчас помню. Вечереет, стоит она на улице, моя суженая, держится рукой за большой живот, и говорит, спокойно так: «Будь ты проклят, Тихон. Ты и твоя семейка. Будьте вы все прокляты. Не видать вам счастья». Права оказалась. Мать моя вскоре померла — упала на крыльце и ударилась так, что больше не встала, отец на Хладный День в прорубь нырнул — и достали уже мёртвым. Макария... Вот что с ней стало... А я теперь один остался... Что же делать? Искать её, упасть на колени, просить прощения? — он снова затанулся. — Может быть, она всё ещё меня помнит...

— Помнит, — сказала Горислава. — Она мне говорила. «Знаешь, Горюшко, когда змеи меня кнутом послушанию учили — это одно. Они змеи, от них добра не ждёшь. Но когда жених мой с порога выставил... Его я ненавижу больше змеев», — она медленно наклонилась, подбирая с пола молоток. Тихон обернулся к ней. Он смотрел с ужасом и осознанием в глазах.

— Ты...

— Не простила тебя она. И я не простила, — она подошла к Тихону вплотную. Подняла молоток. — И если ты приблизишься к моей матери хоть на шаг... Хоть на пол-шага... — она сжала рукоять молота. Дерево затрещало, ломаясь под пальцами, горячими от

диавольской змеиной силы. — Я вырву хребет из твоей поганой тушки и сломаю вот так же. Понял? — она смотрела в глаза Тихона, блёклые и испуганный, а затем швырнула сломанный молоток на пол.

Ей хотелось убивать.

Но она не упырица Настёна. Она умеет держать на привязи бешеную псину, что живёт у неё в сердце. Сгорбившись и задыхаясь от ярости, Горислава пошла к выходу из церкви — туда, где из-за неплотно прикрытой двери лился солнечный свет. На пороге обернулась.

— Дерьма ты кусок, Тихон, — сказала она. — Сына хоть постарайся меньшим дерьмом воспитать.

На берегу Камышовки она остановилась у осины и била, била кулаками по стволу пока не разбила костяшки до костей, а потом обессилено опустилась на землю.

С похорон Макарии пришло три дня. Татьяна не гнала Гориславу из сенного сарая, наоборот, настойчиво предлагала идти ночевать в дом. Горислава отказывалась. В сарае ещё пахло Купавой: речной свежестью и травами. А может, просто ветер с реки тянул.

Змеиня помогала Татьяне по хозяйству, чем могла. Колола дрова, починила ограду, притащила обратно в стойло сноровистого быка. Но больше всего времени она проводила у речки. Сидела на берегу, где они Купавой купались всего-то несколько дней назад, и смотрела в бегущую воду.

Неужто Купавка умерла? Горислава не могла в это поверить. Но по всему выходило, что так. Когти упырицы перебили шейную жилу — а это, выходит, смертельно даже для нежити...

Но всё равно Горислава ждала. Она не испытывала какого-то горя, просто пустоту. Как будто топором ей отхватили руку — и она тупо пялится на обрубок, ещё не почувствовав боли, ещё не осознав, что у неё отняли, но уже понимая, что сейчас ей будет очень-очень больно.

Впрочем, если подумать, кем ей была Купава? Случайно попугачицей. Нежитью — а с нежитью, как известно, лучше не водиться. Они называли друг друга «сёстрами» — но во многом это было простой игрой. Разве можно породниться с человеком, которого знаешь меньше недели? Конечно, у Купавы был лёгкий, весёлый нрав. Такие даже с чёртом подружатся, даже степной змей им будет искренне улыбаться. И жизни в ней было поболее, чем в живых... Не видела в ней Горислава нежить, вот хоть убей. Просто вóлхва с холодными ладошками, которую растила лесная ведьма и которая жизни не знает. Из-за неё, из-за её треклятой доброты, желания помочь упырице они влипли в эту историю. Могла бы давно быть на пути к лавре, так нет, нужно было настоять на своём, капризничать, как маленький ребёнок, дуть губки, рассказывать сказки что она-де сама в упырицу превратится, если не будет людям помогать... И Горислава на это повелась! Дурища. Обе дурищи.

Теперь дурища осталась одна. Сидит на берегу реки и ждёт незнамо чего.

Горислава сняла сапоги, засучила штаны и опустила ноги в речную воду. Мальки кинулись врассыпную от её пальцев.

— Горислава... Не знаю как вас по отчеству...

— Косановна, — сказала Горислава, не оборачиваясь. Она знала, что Серафим некоторое время стоял в отдалении, не решаясь заговорить, но не стала заводить разговор

первой. Ей было слишком тоскливо.

— Горислава... Косановна. М-можно я присяду рядом?

— Садись, коль не боишься, — усмехнулась Горислава, хлопнув рукой по траве рядом. Серафим сел. После пережитого он, кажется, стал ещё более бледным и худым, сам теперь напоминая упыря.

— Что отец? — спросила Горислава.

— Пьёт, — коротко сказал Серафим. Да, местные болтали, что Тихон с горя решил, кажется, в одиночку уничтожить все запасы выпивки в кабаке. Горислава протянула руку и потрепала мальчика по голове. Тот не шевельнулся.

— Поп Матвей сказал, что теперь он обо мне заботиться будет. Им с попадьёй Финист детей не даёт уже который год. Будешь, говорит, читать мне в церкви. Читать, говорит, я тебя научу, — Серафим помолчал. — Ребята меня теперь боятся. Говорят, я проклят, моя мамка — сама упырица, ведьма, детей своих сожрала... Меня от водяного прижила... Не знай, что делать теперь.

Он глядел совсем как взрослый. Маленький печальный взрослый.

— Мамка... Она ведь меня любила. Отец не очень любил, нехотя как-то, а мать любила. Скажите, Горислава Косановна, это правда? Всё, что упырица наговорила, это правда? Что мать моих маленьких сестёр утопила, а ту, которая большая была — отравила? Потому что мальчика хотела... Я не верю в это. Что мать могла такое... — он замаялся.

— Правда, — сказала Горислава, глядя на воду. — Правда.

Серафим шмыгнул носом.

— Значит, мои родители — плохие люди? — спросил он едва слышно.

— Да, — Горислава посмотрела на него. — Плохие. Но это тебя плохим не делает, понимаешь? Будь не таким, как родители.

— Разве так можно... Ведь у нас одна кровь...

— А у меня какая кровь? Смотри, — она ткнула пальцем на жёлтый глаз. — Мой отец — злой степной змей, который мать мою изнасиловал. Но скажи, разве я злая?

— Вы не злая. Вы добрая. Меня спасли... И сейчас со мной разговариваете, — сказал Серафим. — Со мной никто не хочет разговаривать.

— Видишь. Я выбрала быть лучше своего отца, — сказала Горислава. Она говорила, и с удивлением понимала, что не врёт.

Она выбрала быть лучше. Лучше отца, лучше упырицы. В тот момент, когда в церкви раздавила деревянную рукоять молота — а не горло Тихона. Чёрт его знает, будет ли это у неё получаться дальше, сможет ли она балансировать между яростью и здравомыслием... Но стоит хотя бы попытаться. Ради матери, которая не утопила её, не согнала плод, ради Купавы, этой доброй мёртвой девочки, которая верила в неё.

— Да. Я буду лучше их, — сказала Серафим, вставая. В голосе прорезалась уверенность. — Спасибо, Горислава Косановна, спасибо! — он поклонился. До земли. Горислава отвернулась, смущённая и раздражённая.

Серафим бодро поскакал навстречу своей новой жизни, и она снова осталась одна.

Наверное, нужно было вставать. Нужно было возвращаться к Татьяне. Собирать вещи и идти в лавру... И дальше — в Порубежье, в Соколиную Заставу... Но Горислава продолжала сидеть, прикрыв глаза и слушая отдалённый шум деревенской жизни: мычание коров, бляение коз, голоса баб, стирающих бельё...

Когда рука схватила её за лодыжку, она не поверила. Испугалась, что задремала и видит

сон — из тех, что разбиваются на куски, когда открываешь глаза.

Но всё же она открыла. И посмотрела вниз.

Купава подмигнула ей. Разноцветные ленты парили в воде над растрепавшейся косой как заморские рыбки, продававшиеся за большие деньги на изокском рынке. Она всё ещё была бледновата, но зелёные глаза сверкали всё так же живо, а лягушачий рот растянут в озорной улыбке.

И Горислава поняла, что её рот улыбается тоже — сам собой.

— Привет! Долго меня не было? — спросила Купава, как ни в чём ни бывало. Приглядевшись, Горислава заметила у неё на шее шрамы от удара упырицы. Тонкие, едва заметные — но они всё же были.

— Три дня, — сказала Горислава. — Нет. Четыре.

— Ох, я-то думала, только ночь прошла, — сказала Купава раздосадовано. Взявшись за протянутую руку, она легко выпрыгнула из воды и уселась рядом. — А тебе всё это время пришлось ждать... Прости меня, — она обняла за руку, уткнулась носом в плечо. Прижалась — мокрая, холодная, воняющая болотом... Рыбина! Горислава молча прижала её к себе, чувствуя, как щиплет в глазах.

— Ты была права. Нужно было просто убить упырицу с самого начала. А из-за меня мы чуть обе не погибли, — сказала Купава тихо. — Теперь я буду слушать старшую сестрицу... Обещаю.

Горислава сглотнула.

— Да. Впредь слушай меня, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Я рада, что ты... Вернулась.

— А я рада, что ты меня дождалась! — Купава выскользнула из объятий и сама обняла Гориславу. Теперь змеиня была вся мокрая, как будто в речке искупалась. — Я видела, как ты болтала с Серафимом. Значит, ты успела его спасти! А что с упырицей? С Макарией? С Тихоном?

— Упырицу убила. В смысле окончательно, — сказала Горислава. — Макария повесилась. Тихон пьёт. Парня взялся опекать этот поп, как там его? Матвей.

— Ох... — Купава повесила нос. — Невесело как-то получилось. Но б мы не вмешались, то мальчишке точно не жить, сгноила бы его упырица... Мы сделали, что могли. Правда ведь?

— Ну, правда, — Горислава поморщилась. — Хотя если б не ты, я б мимо прошла и совесть меня не мучала, даже если б я узнала о смерти Серафима.

Когда воды вдруг вынырнуло две белобрысые головы, змеиня вздрогнула. Рука сама собой потянулась к ножу.

— Да не бойся ты. Ничего они нам не сделают, — Купава мягко коснулась её запястья. — Я с ним потолковала...

— Они вообще понимают человеческую речь? — фыркнула Горислава, глядя на двух маленьких русалок подозрительно. Они выглядели лет на пять и были похожи друг на друга, как близнецы.

— Понимают, и говорить умеют. Сестра их научила. Просто не очень хорошо, и тебя они боятся...

— Это кто кого ещё бояться должен! — Горислава закатила глаза. — Они меня чуть не утопили!

— Никто никого. Они будут вести себя хорошо, не будут строить пакости людям и

вообще не будут показываться им на глаза, — Купава посмотрела на девочек строго. — Их сестрёнка делала плохие вещи, а потому люди её наказали. Теперь сестрёнка далеко-далеко от них, за рекой Смородиной. И вы никогда с ней не увидите, если будете плохо себя вести! — она погрозила девочкам пальцем. Они неуклюже закивали. — Поняли, малые, куда надо плыть? Я вам на куске бересты палочкой нацарапала. Плывите по Рóсе и ищите других русалок. Они вас всему научат! Чего смотрите? Плывите! — Купава взмахнула белым рукавом, и сестрички нырнули под воду, молниеносно скрывшись.

— Надеюсь, доплывут, — вздохнула она. — Маленькими совсем умерли, и такие глупые. Что сестра говорила делать — то и делали, что хорошо, что плохо, не понимают...

— Кто о чём думает, а русалка — о русалках, — проворчала Горислава. — Довольна?

— Наверное, — подумав, ответила Купава. — А ты? Понимаю, ты чуть не умерла — но ведь наверняка тебя называли героиней, хвалили...

— Издеваешься? Называть называли, но... — крестьяне достали её расспросами о бое с упырицей, отстали только на второй день, поняв из односложных невнятных ответов, что Горислава с ними разговаривать не хочет. — Говорю, лучше бы я прошла мимо. Ощущение, как будто дерьма поела, и проблеваться хочется.

Она не стала говорить Купаве, что Тихон был женихом её матери. Сама Горислава хотела об этом забыть как можно скорее.

Хотя, если подумать, ей стоило порадоваться. Она узнала, каким бы мог быть её отчим — и была готова поблагодарить его за то что он выгнал когда-то мать. Он и родных-то дочерей не любил — что говорить о змеине? Вместо этого куска навоза у неё была самая чудесная, самая добрая тётушка Божена, и Велимир, заменивший её отца.

Когда — если — она снова встретится с матерью, то расскажет ей про Тихона. Чтобы Косана поняла, что её бывший жених даже плевок её недостоин.

Может быть, расскажет... А лучше промолчит.

Некоторые вещи надо закопать поглубже и не тревожить.

Монах и змей. Часть 1

Огонь — не вода, охватит — не всплывешь.

Они пустились в путь к лавре на следующий день. Кум Татьяны решил их подвезти, да вот незадача — в версте от деревни телега сломалась. Так что они вдвоём пошли на своих двоих. Не возвращаться же в Осиново; Гориславе хотелось оставить это место за спиной как можно скорее, тем более что поселяне уже начали шептаться про Купаву. Все дни, когда её не было, Горислава отнёкивалась, что-де сестра её пошла в лес целебные травы собирать. Так себе ложь вышла: вернулась-то Купава без трав. Кто-то остроглазый разглядел шрамы у неё на шее, и змеиня подозревала, что кто-то ещё более остроглазый видел, как Купава вынырнула из воды прямо в одежде.

Так что Горислава почла за благо покинуть Осиново, пока робкий поп Матвей не достал Нечестивую книгу или как там она называлась, и не посмотрел, как распознать и убить русалку.

Как и в прошлый раз, Купава шла, подпрыгивая и приплясывая, словно маленький ребёнок. Ноги у неё были чумазые. Татьяна сплела ей лапти, и русалка не стала отказываться; но как только они вышли из деревни, она стащила их и повесила на пояс. Сейчас они весело подпрыгивали вместе с Купавой.

Как и в прошлый раз, она быстро устала и стала просить о привале.

— Мы будем год до лавры идти, если ты будешь прыгать, как коза, — проворчала Горислава, закатив глаза. Они нашли поляну среди берёз на обочине дороге и сели на траву.

— Я вот чего не пойму. Как эти сестрички могли стать русалками, если их тела были в гробах? Или мы зря не проверили...

— Для русалок это не важно. Мы не привязаны к умершим телам, в отличие от упырей. Я тебе это говорила, разве нет?

— Нет. Или да? — Горислава почесала голову. Может, и говорила, но она успела забыть.

— Даже несколько раз! Когда мы дрались с упырицей в лесу! Неужто уже забыла?!

Горислава только руками развела. Все эти штуки, связанные с волшебством, вылетали у неё из головы очень быстро, а драку с мёртвой девчонкой вообще хотелось забыть — настолько близко к смерти ходили они обе.

— Но на призрака ты не похожа, — сказала она, ущипнув Купаву за щёку.

— Больно много призраков ты видела, — хихикнула Купава. — Я вот ни одного... Старшие сестрицы только говорили, что они есть. Мы похожи, просто они более, ну, жидкие? Как туман, — она взмахнула платком, вызывая сгусток тумана, — Пуф! И рука насквозь пройдёт, — словно её слова нуждались в подтверждении, она ткнула в туман пальцем. — Мы все состоим из навъей воды, просто в русалках её намного больше!

— Но ты ж ешь, пьёшь, и в нужник ходишь, как человек. Не похоже, чтобы твоё тело было из воды, — проворчала Горислава. А сама вспомнила, что у самой давно мысль проскакивала, что Купава состоит из тумана, и потому такая лёгкая.

— Ну, я лишь повторяю то, что сказали сест... — Купава вдруг осеклась. Улыбка сползла у неё с лица. — Ты видишь?!

Горислава видела. Дыхание вылетало у неё изо рта облачком пара. Солнечный день

наполнился промозглым холодом. Она вскочила, обнажая нож; Купава тоже. То появляясь, то исчезая за стволами берёз, к ним неторопливо приближалась девушка. Горислава сразу узнала эту бледную, как у княжеских дочек, кожу и угольно-чёрные волосы.

Именно эта девушка стояла за плечом Петра Червонца. И именно после того как она прошептала ему что-то на ухо, он сказал, что хочет поединка насмерть.

— Горька... Это тоже русалка! — ахнула Купава. И точно — в девушке, которая остановилась на краю опушки, скучающе пожёвывая травинку, было что-то нездешнее. Бледная, простоволосая, рукава и ворот белой рубашки украшены чёрной вышивкой. Из-под чёрной юбки виднелись носки изящных чёрных черевичек; там, где они ступали на траву, оставались ледяные следы. Она вся словно состояла из оттенков чёрного и белого, не считая глаз — льдисто-голубых и пронзительных.

— Да. Я русалка, — сказала она. В голосе звенел лёд. — Марийка меня зовут.

— Что тебе... — начала Горислава, но вдруг язык и всё тело как будто сковало. Ужас чёрной волной всколыхнулся в душе — и не закричала змеиня только потому что не могла издать ни звука. Её рубашка медленно покрывалась инеем.

— Что ты делаешь?! Что ты творишь?! — взвизгнула Купава, выскакивая вперёд. — Немедленно прекрати!! Что мы тебе сделали?!

— Защищаешь змею? — Марийка сплюнула травинку на покрытую инеем землю. — Как... Жалко. Ты забыла, кто ты?

— Что...

— Ты — русалка. Хранительница живой воды. А это порождение подземного змея.

— Что?!

— Ты совсем ничего не знаешь? — зло усмехающаяся Марийка подошла к Купаве. Она была выше её только на полголовы, но всё равно умудрялась нависать над ней, как взрослый — над ребёнком. — Мы были созданы, чтобы охранять мир от таких тварей, как она. Как вода гасит огонь — мы должны убивать змеев.

— Но Горислава не плохая. Она никому не делала зла. Она моя подруга... Сестра! Оставь нас в покое! — Купава расставила руки, словно это могло защитить Гориславу.

— Последнее предупреждение. Либо ты отходишь в сторону, либо отправишься в Навь вместе со своей подружкой, — глаза Марийки сузились.

— Нюхни рыбьей задницы, я никуда не пойду! — взвизгнула Купава, и взмахнула платком. Облако тумана полетело в лицо Марийки — непонятно, чего этим хотела добиться русалка, но проклятая ледяная девка просто ухмыльнулась и легонько подула. Туман обратился в ледяные кристаллы и опал, а Марийка коснулась кончиками пальцев шеи Купавы — и девочка упала как подкошенная, покрываясь инеем.

Горислава рвалась изо всех сил, пытаясь высвободиться из пут заклятья. Сердце колотилось как бешеное, готовое разорваться, в висках билась боль — но всё равно она не могла двинуть и пальцем.

Или всё же могла?...

Марийка тем временем переступила через неподвижное тело Купавы и подошла к Гориславе. Схватила её за горло ледяной рукой.

— С Хургой я покончила. Теперь твоя очередь, — сообщила она. — Есть что сказать перед смертью?

— Ты... — прохрипела Горислава; только что размороженный, язык во рту шевелился неохотно. — Скажи... Скажи...

— Ну?! Перед смертью не надышишься, желтоглазая тварь. Говори скорее.

— Кто... Твой хозяин?

— Что? — Марийка подняла брови. — Как ты узнала? Как?! — пальцы на горле Гориславы сжались сильнее. — Говори! Откуда ты узнала, что я дочь Полночного Инея?

— Ведьма... Ведьма сказала... — выдавила Горислава. Она понятия не имела, кто такой Полночный Иней, но, кажется, её вопрос попал в точку. И позволил выиграть несколько ударов сердца.

— Что за ведьма?! Говори, или твоя смерть будет такой, что ты молить меня будешь на коленях, чтобы я тебя убила! — вальяжного, насмешливого тона Марийки как ни бывало. Она была испугана. Обескуражена.

— Обычная... Лесная... — прохрипела Горислава. — Отпусти, и расскажу...

Неужто выйдет её обмануть?!

— Ах ты... — Марийка закусил губу. — Нет. Я, кажется, знаю, какая. Ты не выкупишь свою жизнь такой дешёвкой! Ничем не выкупишь. Знаешь, что змеи сделали с семьёй моего отца? С его родителями? С его сестрой? Сейчас узнаешь, — Марийка отпустила горло Гориславы и положила руку ей на грудь, её губы кривились в яростной ухмылке...

И тогда Горислава ударила.

Она смогла пошевелиться. Немного. Всего-то одним пальцем. Но это был палец руки, в которой она зажала нож — и она со всей силы вдавила его в клинок. Наточенное лезвие пропорол палец глубоко, до кости, так что брызнула кровь.

Горячая.

Обжигающе горячая.

Знала ли Горислава, что делает? Нет, конечно. В глухом отчаянии она сделала единственное, что могла — положились на чутьё, на тот жар, что бился у неё жилах, скованный снаружи невидимым льдом.

И лёд пошёл трещинами.

Первый удар был неуклюжий — но ему не было нужды быть ловким: Марийка стояла вплотную к Гориславе и не ожидала удара. Нож вошёл ей в живот по самую рукоять; взвывая, русалка отшатнулась. Она отступала, спотыкаясь, зажимая обеими руками кровоточащую рану в животе; низ рубашки медленно чернел от крови.

— Ты!! — прохрипела она, и тут Горислава ударила второй раз.

Она не умела драться ножом. Совсем не умела, но шатающаяся, ошеломлённая русалка была слишком лёгкой целью. Горислава полоснула её по горлу, метя в одну из главных жил — и ледяная кровь брызнула змеине в лицо. Проморгавшись, она увидела, как Марийка отползает назад, хрипя и кашляя; кровь текла у неё по подбородку, заливая траву. Вдруг она повалилась на бок и растеклась лужей тёмной воды, которая мгновенно впиталась в землю.

Горислава как раз пыталась сделать шаг к ней — и упала на колени, задыхаясь. Её трясло, все мышцы болели. Холод постепенно исчезал, иней таял на глазах, вернулось чириканье птиц и шорох ветра, лениво перебирающего листву берёз. Горислава попыталась встать — и снова упала. Она поползла к Купаве, схватила её за ледяную руку — не веря, не желая верить, что её подруга пережила разорванное упырицей горло только чтобы умереть от рук...

Ресницы Купавы дрогнули, и она застонала.

— Купавка!! — облегчённо прохрипела Горислава, и шмыгнула носом, только сейчас поняв, что у неё текут сопля. А горло саднит, как будто зимой босиком по сугробам

побежала.

— Горька... — Купава потянулась к ней. — Горька, ты... Ты... Всё в порядке? Где...

— Я убила её. Перерезала ей горло, — выдавила Горислава. — Надеюсь... Она просто растеклась водой... Ведь это значит, что она умерла, да?

— Не знаю, — Купава с трудом села, и обхватила себя руками. — Ох... Холодно-то как... До костей проморозило. Ох.

Горислава обняла её, и они некоторое время сидели так, дрожа и постепенно согреваясь.

— Ты знаешь её? — в конце концов спросила змеиня.

— Первый раз вижу!!

— А я второй. Она стояла рядом с Петром Червонцем... Ну, тем, против которого... Против бойца которого я дралась на Чёртовой Копейке. Я ещё удивилась — на рабыню не похожа, дочка, что ли... — Горислава вдруг вспомнила, что на пальцах у неё глубокая кровоточащая рана. — Чёрт! Купавка, я, кажется, кровью истекаю, помоги перевязать!

Пока русалка неловко, ещё не до конца отошедшими от колдовского холода руками, бинтовала ей пальцы, Горислава продолжала говорить:

— Вон, она там была, за плечом этого... Разбойника, не разбойника, не знаю, как назвать... Стояла. И после того, как она прошептала ему что-то на ухо, он потребовал поединка до смерти. Его боец, Хурга, тоже был змеем... Был. Эта тварь сказала, что покончила с ним...

— Похоже, она ненавидит змеев.

— Да, она ж так и сказала... А, ты не слышала. Ты без сознания была... — Горислава собралась с силами и коротко пересказал всё, что узнала от Марийки.

— Что за чертовщина! — воскликнула Купава, хватаясь за голову. — Что за Полночный Иней?! Что за ведьма? Мы просто шли по свои делам, никого не трогали!

— А нас вот взяли и тронули, — проворчала Горислава. Она поднялась. — Пойдём отсюда.

Обе чувствовали себя измотанными и, что греха таить, напуганными. Но оставаться на поляне было невыносимо — пусть вражина и растеклась лужей воды. Змеиня надеялась, что раз и навсегда, но кто их знает, эту нежить.

Они шли ещё где-то час, на этот раз — без остановок. Когда вдаль показались купола лавры, Горислава споткнулась и чуть не упала.

— Горька, с тобой всё в порядке? — озабоченно спросила Купава. — Да ты вся горишь!

— Это... Потому что раны исцеляются, — пробормотала Горислава. — Со мной всё хорошо. Мы почти пришли.

Вскоре показалась деревенька, выросшая у стен лавры. Горислава моргнула. Голос Купавы, которая спрашивала, где им, смиренным странникам, можно остановиться на ночь, звучал как сквозь толстый слой ваты.

— С тобой точно всё в порядке? — Купава преградила ей путь, и пристально посмотрела в глаза.

— Всё, — отрезала Горислава. — Святой отец! — обратилась она к монаху, проходившему мимо. Лицо монаха было совсем юным, безусым — рановато было «святым отцом» называть, но какая разница... — Отнесите, пожалуйста, это послание отцу Киприану. Оно от отца Варфаломея с Монастырского Острова.

— А... — монах озадаченно посмотрел на Гориславу. — Отцу Киприану? Конечно же...

Змеиня прикрыла глаза.

— Горька...

— Сладко, — буркнула Горислава. — Купава, иди на постоянный двор или где тут богомольцы останавливаются... А я тут подожду.

Она села, прислонившись к стене монастыря. Тут была полуночная сторона, и камни приятно холодили огненную спину.

— Горька!!

Горислава не ответила. Закрыв глаза, она с облегчением провалилась в темноту. Купава была права: она не в порядке, совсем не в порядке.

Ощущение было такое, что огонь пожирает её изнутри.

Монах и змей. Часть 2

«Ну хоть в этот раз прихожу в себя в незнакомом месте не побитой», — подумала Горислава, разглядывая потолок. Чувствовала она себя до странности нормально. Была, конечно, слабость во всём теле, но жар ушёл. Горислава села на кровати, отметив, что на ней другая рубашка. Получается, её передел...

— Ты очнулась. Быстро, — сказала монах, откладывая перо. Он сидел за столом в углу небольшой комнаты и что-то писал. Горислава уставилась на него, непроизвольно сжав в руках покрывало.

— Отец Киприан? — спросила она.

— Да. Не пугайся, страх — это худшее, что ты можешь сделать со своей душой и телом сейчас, — монах успокаивающе махнул рукой.

«Не пугайся»?! Что за трусихой он её считает. Она не испугалась, просто насторожилась.

Любой бы насторожился. Потому что из-под капюшона отца Киприана блеснули жёлтые змеиные глаза.

Теперь стало понятно, почему отец Варфоломей так загадочно улыбнулся, когда Горислава засомневалась, что в лавре им помогут.

— Не думала, что змей может стать монахом, — сказала она, скрестив руки на груди.

— Почему ж? В Священных Книгах нет запрета ни на это. Всякий, кто принял веру и Финиста, может также принять постриг, — сказал змей. Он тщательно закрыл чернильницу и уложил перо в футляр.

Горислава неопределённо хмыкнула. Спорить она не собиралась: слишком паршиво была знакома со Священными Книгами.

— Зачем змею становиться монахом? — спросила она прямо и грубо, глядя ему в глаза.

— Дитя, не тебе об этом спрашивать, — вдохнул отец Киприан. — Разве ты ещё не знаешь ответ?

Он пододвинул стул и сел рядом с постелью. Горислава непроизвольно отодвинулась. Он был монахом, но змеем. А она... Чёрт побери, он переодевал ей рубашку? Он видел её голой?!

— Не бойся, — голос монаха прозвучал устало. — Дай мне руку.

Он взял её запястье и прикрыл глаза. Между бровями пролегла озабоченная складка.

— Чувствую, жар унялся, — сказал он через некоторое время. — Мне удалось заставить огонь внутри тебя утихнуть, но ты должна знать, что изменения в тебе уже начались. Твой ноготь...

— Что... При чём тут мой ноготь? Купава... Моя спутница, моя сестра... Кстати, где она?! — Горислава чуть не выпрыгнула из кровати, сообразив, что она забыла спросить змея о самом главном.

— Успокойся. Она осталась за стеной, в избе, где останавливаются калики, — сказал отец Киприан. — Там немало женщин, и я сказал ей на всякий случай держаться поближе к ним, но с ней вряд ли случится что-то плохое. За стены лавры женщины не допускаются — для тебя сделали исключение, потому что ты была больна и у тебя было письмо с Монастырского острова...

Горислава облегчённо вздохнула. Ужасное видение, вставшее перед глазами — монахи

тащат Купаву на костёр, потрясая Нечестивыми книгами — рассеялось. Ох, нужно им прекратить испытывать судьбу и приближаться к монастырям, но запутанные дороги Сиверии, как назло, вели либо к церквам, либо к разбойничьим кабакам.

— То, что ты так беспокоишься о своей сестре, выдаёт твоё доброе сердце. Но прошу, побеспокойся о себе. Просто посмотри на свой ноготь. На левой руке, — сказал змей.

Горислава повиновалась. И глаза у неё полезли на лоб: ноготь, тот самый, синяк под которым никак не хотел проходить, сейчас почернел целиком, превратившись в острый, угольно-чёрный коготь!

— Во имя Богини, что это? — пробормотала змеиня.

— Это значит, что ты начала превращаться в чудовище, — вздохнул отец Киприан.

Купава злилась. Очень злилась. Ну что за человек эта Горька! Ладно, не человек — змеиня! Шатается, глаза мутные, больные, а всё равно твердит, что с ней всё в порядке. Врёт ей в лицо... А сейчас ходи с ума, гадая, поможет ей отец Киприан и прочие монахи, или нет.

— Ты дырку в этой миске пытаешься протереть? — сердито окрикнула её полная румяная женщина. Она заправляла в большой избе, где останавливались на ночлег паломники и калики, где они получали нехитрую постель и угощение. Её звали, кажется, Аграфена Филипповна (ох уж эти ужасные двойные имена людей, замучаешься запоминать!), и она невзлюбила Купаву с самого начала. Она заставила её надеть лапти и отправила помогать посудомойкам — «бездельниц тут не держим, подобрала рукава — и за работу». Посуда казалась бесконечной, а вода в чане была такой грязной, что её было противно дотрагиваться. Купава тяжело вздохнула. Неужто так живут обычные девушки?! Понятно, почему Горислава носит мужскую одежду и ведёт себя как парень. Быть девушкой — живой девушкой — ужасающе скучно!

Размышления прервал удар полотенцем — не сказать, что особо болезненный, но внезапный и унижительный.

— Не вздыхай тут, а работай! — прикрикнула на неё Аграфена. На глаза Купавы навернулись слёзы из-за несправедливости жизни: её сестра больна, может, умирает, а она получает оплеухи полотенцем из-за того что смеет беспокоиться за Гориславу! Всхлипнув, Купава швырнула миску под ноги хозяйке и побежала во двор. Не нужна ей ни их каша, ни угол под крышей, она Горьку дождётся там, где её забрали монахи — у ворот лавры!!

В след ей неслись какие-то ругательства — ну, наверное, потому что половину слов она не знала — но Купава не останавливалась. Она выскочила на улицу, чуть не попав под копыта лошади.

— Куда прёшь, бешеная! — прикрикнул на неё возница.

— Извините! — всхлипнула Купава и бросилась в другую сторону. Она села у забора какой-то избы и, рыдая, принялась стаскивать лапти. К тому времени, когда она в неравном бою победила завязки, и её ноги наконец-то плотнули свежего воздуху, слёзы закончились. Вытерев глаза рукавом, Купава посмотрела на окружающую монастырь стену. Если от Горьки не будет вестей до ночи — она плюнет на осторожность, залезет внутрь и попытается найти её!

Она встала и принялась отряхиваться; а потом быстро и испуганно подняла глаза — на неё упала чья-то тень. Неподальёку остановился мужчина с окладистой бородой, одетый в

простую запылённую одежду; взгляд Купавы невольно остановился на добротных сапогах с толстой подошвой, подвязанных сложно сплетёнными ремешками. Незнакомец смотрела на Купаву, будто покойника увидел.

— Свечка?! — сказал он, делая шаг к Купаве. — Финист сохрани! Да это ж ты! Свечка, ты всё-таки выжила!

— Что?! — Горислава отбросила в сторону покрывало и вскочила с кровати. — Что значит — превращаюсь в чудовище? Я человек!

— Пока — да, — сказал отец Киприан. — Пожалуйста, сядь. Ты не в том состоянии, чтобы буйствовать. Печать, которую я наложил, должна окрепнуть.

Горислава хмуро повиновалась. Чуйка говорила змеине, что сейчас ей предстоит выслушать длинную историю, которая совсем не придётся по нраву — и чуйка не обманула.

— Мы, змеи, проклятое племя, — сказал отец Киприан, устраиваясь на стуле и доставая из рукава чётки. — То, что мы привыкли называть своей силой и годиться — на самом деле страшное проклятие, которое наши предки навлекли на себя тысячи лет назад. Когда-то мы были лишь одним из племён Великой Степи, не отмеченным ни змеиными глазами, ни внутренним пламенем. И племенем не самым сильным: враги мучали нас годами, гнали всё дальше на Восход, где степь становилась тем, что на ваш язык можно перевести как «пекельные земли». Легенды гласят, что это была выжженная, мёртвая земля, которую пересекали глубокие трещины-пропасти. На дне их тлело пламя — кровь Предвечного Змея, в начале времён сброшенного Владыкой Небес на землю; там, где он упал, и образовались Пекельные Земли.

— Понятно. А что дальше было? Кто-то из степняком спустился вниз и хлебнул змеиной крови? — поинтересовалась Горислава.

— Дай истории идти своим чередом, не пускай в ход нагайку, — отец Киприан раздражённо щёлкнул бусинами чётки. — Но в общих чертах ты права. Наши предки, это несчастное племя, находило сияющие угли — камни, осквернённые, напоённые кровью Предвечного Змея. Они смотрели на это сияние и слышали голос Змея, заточённого в преисподней. И внимали ему — его обещаниям силы, что позволит отомстить за убитых соплеменников, освободить угнанных в рабство... — отец Киприан замолк. Горислава нетерпеливо поджала губы, ожидая, когда змей-монах вынырнет из своих размышлений.

— ...Легенда говорит, что лучшие мужи и жёны племени ушли в глубокие пещеры, следуя за гласом Змея. Вернулось лишь тринадцать, обожжённые, но наделённые внутренним пламенем. Они положили начало тринадцати великим кланам змеев. Думаю, ты догадываешься, что было дальше: победоносный поход на закат, уничтожение старых врагов, и превращение во властителей всея степей... Так гласят наши предания. Но кое о чём они стыдливо умалчивают. О том, как мы резали и жгли друг друга, а главное, уничтожали Матерь-Степь, пока не научились контролировать своё пламя и свой гнев.

— Так откуда вы-то об этом знаете? — спросила Горислава. Монах молча встал и достал из шкафа толстый том. Горислава сощурилась, пытаясь прочитать надпись на обложке — но ничего не вышло: она была написана какими-то закорючками, а не человеческими буквами.

— Свод законов Великого Хана, Хана Ханов, — сообщил ей отец Киприан. — Если

внимательно их читать, это проливает свет на многое. Сотни законов, которые устанавливают правила поединков с использованием пламени и без него. И тысячи жестоких, жесточайших кар за нарушение этих законов и за насилие вне поединков. Ты жила в степи?

— Нет. А вы вот жили. Потому что мы называем вашу степь Диким Полем, а не Великой или как-то там, — проворчала Горислава.

— Тогда ты не знаешь, насколько мы жестоки. Не только у врагам, но и к своим же.

— Я могу подозревать, насколько вы жестоки, — сказала Горислава, сделав особое ударение на «вы».

— Не обманывай себя, девочка — ты змей, так же как и я. Дитя древнего проклятья, — монах нахмурился. — И вся эта жестокость служит одной цели — сдержать наш яростный огонь посредством страха и убийств тех, кто плохо себя контролирует. По этой же причине змеи предпочитают заводить детей от рабынь и — реже — рабов. Мы растворяем нашу проклятую кровь, отчего рождается меньше детей с даром, но это дети, а не чудовища. Впрочем... — монах взял в руки ладонь Гориславы; чёрный ноготь зловеще блеснул в свете, падающим из окна. — ...Это не меняет нашей чудовищной природы. Чем сильнее пылает огонь внутри нас, тем больше он нас меняет. Разум... И тело.

Горислава дёрнула плечами; по хребту пробежал холодок.

— И что, я стану... ящером? — спросила она.

— Вряд ли. Задолго до того, как твоё тело изменится, пламя пожрёт тебя изнутри. В лучшем случае. В худшем — ты сначала сожжёшь всё вокруг.

— Сколько времени у меня есть? — глухо спросила Горислава.

— Зависит от того, насколько часто ты будешь зажигать пламя внутри себя. Я бы дал год-два.

Горислава вырвала у него руку и прижала к груди. Мир вокруг стал блёклым, а тело — одеревенело.

— И такая участь постигает всех... одарённых? — спросила она.

— О, нет, конечно, — сказал отец Киприан. — Но в степи одарённых с детства учат управлять пламенем; к каждому приставлен кам, по-вашему — волхв, который направляет и усмиряет пламя внутри подопечного. Ты же самоучка. Этот путь тернист и рискован, и ты уже ободрала пальцы о тернии.

— Значит, если я хочу выжить, мне нужно отправляться в Дикое Поле? — быстро спросила Горислава.

— Есть такой путь, — кивнул монах. — Ты знаешь своего... Отца, я полагаю?

Горислава помотала головой.

— Жаль. Впрочем, одарённую девочку может удочерить вождь какого-нибудь клана. Но тебе придётся стать частью клана и жить по обычаям Степи. И отцу ты должна будешь подчиняться беспрекословно. Кажется мне, ты не в восторге от такого исхода? Не говоря уже о том, что кам может и не помочь. Тогда тебя просто задушат, а тело скормят псам, чтобы душа переродилась собакой и не отомстила клану.

«Всё ещё лучше, чем смерть», — чуть не сорвалось с языка Гориславы, но она прикусила губу. Не она ли клялась, что отомстить за опозоренную мать, за всю боль, что ей пришлось пережить? Что змеи — её кровные враги, все до единого? Но стоило угрозе смерти замаячить на горизонте — и она готова забыть старые клятвы! Ненависть к себе как гвоздём вошла в сердце, и по подбородку потекла кровь — она слишком сильно прикусила губу.

— Успокойся! — воскликнул отец Киприан, поднимая руку с зажатými в ней чётками. Он по-своему истолковал реакцию Гориславы. — Есть и другой выход. Я могу усмирить пламя внутри тебя. Я могу помочь тебе.

— Свечечка! — мужчина заключил вскочившую на ноги Купаву в объятья. — Живая! А мы уж тебя похоронили!! Что смотришь, как на чужого? Аль уже забыла Карпа Нилыча? Никодима Егорыча? Люшечку? — он нахмурился, глядя на удивлённое лицо девушки. — Действительно забыла? Что ж они с тобой сделали-то...

— Сожалею, но я действительно ничего не помню, — вздохнула Купава, вежливо высвобождаясь рук мужчины. Он был для неё совершенным незнакомцем. Хоть и не враждебным... Вроде бы.

— Как же так... Мы ведь были как семья, — Карп Нилыч сокрушённо покачал головой. — Как же ты сбежала от тех разбойников? Или... Не сбежала?

— Сказать честно — не помню. Я... Меня ведьма лесная подобрала в лесу, полумёртвую, — ложь слетела с языка легко и непринуждённо, — И выходила. Сказала, я неделю в лихорадке пролежала, по краю Нави ходила, а когда пришла в себя — ничего не помнила, ни как меня зовут, ничего. Я точно та, кого вы знали? Не ошиблись?

— Ох, Финист сохрани! — Карп Нилыч почесал затылок, — Бедняжка... Нет, это точно ты. Свечка. Ты так себя нам назвала тогда.

— Нам?

— Нам. Нашей ватаге калик.

— ...Калек?

— Да что ж такое! Ты совсем всё забыла, — Карп Нилыч всплеснул руками. — Калики переходящие! Странники и певцы.

— Навроде скоморохов?

— Я обиделся, если б не видел, что ты не в себе, — проворчал мужчина. — Мы не скоморохи, а совсем наоборот. Те бесовскими плясками народ развращают, воруют да ярмарочные бои устраивают, а мы богомольцы — странствуем по святым местам, и людям простым духовные стихи поём.... Малышка, пойдём-то к остальной ватаге. Может, посмотришь на нас и что вспомнишь.

«С этого мог бы начать», — зло подумала Горислава, стирая с подбородка кровь. Сначала перепугал, а теперь, оказывается, сам спасти может.

— Ну, слава Богине, — проворчала она. — Чем мне за это надо заплатить?

— Какая плата, — отец Киприан махнул рукой. — Возможность освободить от проклятья кого-то из моего несчастного племени будет сама по себе наградой. Я сам когда-то был на твоём месте. Пламя пожирало меня изнутри, и моя же собственная семья приговорила меня к смерти. Но я отказался принимать такую судьбу, а стал искать спасения у тех, к кому змеи всегда относились с презрением. У почитателей Финиста Неопалимого. Это был отчаянный шаг, но... Они приняли меня. Приняли и спасли, — он мягко взял руку Гориславы в свои ладони. — Позволь и мне спасти тебя.

Змеиня с трудом подавила желание её выдернуть.

— И каким же образом вы собираетесь меня спасти? — спросила она.

— Я запечатаю твоё пламя. Частично я сделал это уже сейчас, но только для того, чтобы успокоить. Долго эта печать не продержится. Создание новой, долговечной печати займёт время — неделю, две...

Горислава нахмурилась. Слишком долго. Что будет делать Купава всё это время? Сидеть и ждать? Она дала обещание довести сестрицу до Белояра. Застрясть в лавре для решения своих проблема граничило с нарушением обещания.

— А сколько времени продержится эта печать? — спросила она.

— Если воззовёшь к внутреннему пламени — сломается немедленно. Сильные страх или злость тоже ломают её. Иначе... Я бы дал где-то неделю.

Горислава сердито цыкнула.

— Ничего не могу поделаться, — отец Киприан развёл руками. — Но могу обещать, что создание печати не причинит тебе вреда. Я до сих пор жив и прекрасно себя чувствую. Да, я запечатал собственный огонь! То, что мои соплеменники сочли бы великим богохульством, стало мне спасением. Если говорить честно, я жажду опробовать собственную печать на ком-то другом...

— Погодите-погодите. Если вы запечатали внутреннее пламя только в одном человеке — в себе самом — то с чего вы взяли, что со мной всё будет в порядке? — нахмурилась Горислава. Слишком уж монах сейчас походил на торговца, который расхваливает перед покупателем корову, изо всех сил избегая упоминания недостатков скотины.

— Потому что печать эту я не из головы взял, а создал на основе знаний монахов Финиста и наших камов, говорящих с пламенем, — сказал отец Киприан немного обиженно. — Ты представляешь, что такое печать? Может, думаешь что это что-то вроде клейма? Отнюдь. Грубо говоря, это рисунки, которые наносятся на тело в определённых местах, сделанные определённой краской. Краска смывается, но сила, заключённая в рисунке, проникает в тело и меняет его. Если ты не стесняешься, можешь посмотреть на свой живот — там я начертал временную печать. Запечатывая твоё пламя, я просто будут повторять рисунок два раза в день, на закате и на рассвете. Это не больно и не нанесёт вреда...

Горислава отвернулась к стенке и задрала рубашку. Точно, её живот был изрисован чем-то, напоминающим чернила; незнакомые символы сплетались в затейливую вязь, образовывая несколько круглых фигур — между грудями, на солнечном сплетении и чуть ниже пупка. Змеиня невольно скрипнула зубами, представив, как она голая и беспомощная лежала перед монахом, перед, Богиня сохрани, змеем, а он мазюкал по ней кисточкой. Стыдоба-стыдобища! Оставалось надеяться, что хотя бы штаны на ней во время всего этого были...

И вдруг её как холодной водой окатило.

— Погодите-ка. Если вы запечатаете моё пламя — значит, я... Лишусь своей силы? — медленно спросила она, только сейчас осознавая подоплёку слов монаха. Тот посмотрел на неё с удивлением.

— Конечно, — сказал он. — Ты станет обычной девушкой и сможешь жить обычной жизнью. Никаких припадков ярости. Отрастишь косы, найдёшь жениха, заведёшь де...

Горислава громко фыркнула.

— Издеваетесь, святой отец? Никто не возьмёт в жёны змеиню, — сказала она.

— Ты можешь уйти в монастырь и прожить оставшиеся дни в мире и покое, — сказал отец Киприан примирительно. Но Горислава фыркнула с ещё больше горечью: в монастыре она повесится на второй день, окончательно погубив свою душу. Горло сжало безнадежностью. Выходит, выбор у неё был не велик — сгореть изнутри, будучи спалённой собственной силой, или же стать жалкой слабачкой, которую любой может избить и обесчестить. Увести в полон.

И Горислава с ужасом осознала, что, как ни ненавидела она собственную змеиную кровь, именно кровь и горящий внутри огонь делали её собой. Не станет его — не станет Гориславы.

— Нет, — сказала она в конце концов. — Не надо печатей. Пусть мой огонь спалит меня. Это лучше... чем его лишиться.

Наступило молчание. Лишь чётки щёлкали в руках отца Киприана.

— Мне жаль, — сказал он, — что ты приняла такое решение. Как бесогон, я должен наложить печать. Наш долг — спасти простых мирян от колдовских опасностей, и тех, кто родился с тёмным даром — от самих себя.

Горислава вздёрнула голову. Она вдруг поняла — она в лавре, одна, в окружении сотни монахов; и если отец Киприан, если все они захотят сделать что-то с ней силой, то сможет ли она вырваться? Взгляд лихорадочно заметался по комнате, выискивая то, что можно использовать как оружие. Вон тот подсвечник должен подойти...

— Твои зрачки, — сказал отец Киприан. — Ты знаешь, что когда змей нервничает или готовится драться, его зрачки резко расширяются? И мы ничего не можем с этим поделать. Наши лица очень легко прочесть.

Он звучно щёлкнул чётками и положил их на стол.

— Успокойся, дитя. Я не собираюсь тебя неволить, — сказал он. — Может, я и должен, но это слишком... По-змейски. Если ты не желаешь, чтобы я запечатал твоё пламя, так тому и быть. Мне остаётся лишь молиться за твою душу.

Горислава с облегчением перевела дыхание.

— Я не могу, святой отец. Мне нужна эта сила. Я дала обещание...

— Хватит, — отец Киприан взмахнул рукой. — Мне жаль тебя. Ты ещё не знаешь, на какие страдания себя обрекаешь. Я лишь надеюсь, что когда ты это поймёшь, будет не слишком поздно. Если захочешь вернуться и попросить помощи — двери лавры открыты перед тобой.

Он отвернулся. Горислава опустила голову. Против воли она чувствовала стыд, такое разочарование звучало в голосе отца Киприана. Она хотела объяснить ему, почему внутреннее пламя ей так дорого и почему она не может отказаться от него сейчас, но не похоже, чтобы он желал слушать. Поэтому она проглотила невнятные оправдания и просто спросила:

— Я могу идти?

— Конечно, заблудшее дитя, — вздохнул отец Киприан.

Горислава отыскала свои сапоги под кроватью и принялась их надевать.

— Спасибо, — сказала она, не глядя на монаха. — За всё.

Он оказался лучше, чем она о нём думала. И из-за этого ей было ещё более стыдно. Не иной выбор она сделать не могла. Не сейчас... Да и вообще никогда.

— Я доведу тебя до ворот, — сказал отец Киприан. — Сама понимаешь, девушкам нельзя блуждать по лавре.

Они шли молча. Горислава старалась не смотреть на монаха. Ей казалось, что иконы внутри молелен провожают её укоряющими взглядами даже сквозь стены. Отстранённо отметила, что уже стемнело — значит, она провалялась в лавре весь день...

Перед самыми воротами отец Киприан вдруг протянул ей небольшую книгу.

— Возьми. Не отказывайся, это мой подарок, — сказал он строго. — Читать умеешь?

— Не слишком хорошо, — призналась Горислава. — И не по-степному, — уточнила она.

— Это по-сиверски, — сказал монах. — Я сам переводил. Некоторые истории о нашем народе. Моём народе, — поправил себя он. — Может быть, они помогут тебе лучше понять природу пламени внутри тебя.

— Но... Эта книга, наверное, дорогая и ценная, — запротестовала Горислава, не в силах смириться с таким щедрым подарком.

— С тех пор, как китайские маги научились делать пергамент из опилок и тряпок, книги прекратили быть так уж дороги, — сказал монах. — Я не приму отказа, дитя. Я хочу помочь тебе хотя бы этим.

Он криво улыбнулся.

— Спасибо ещё раз, — пробормотала Горислава. Как всегда, когда нужно было благодарить или просить прощения, язык стал непослушным, а в голове опустело.

Она не оглянулась, выходя за ворота монастыря. Остановилась, и, запрокинула голову, уставилась в небо, залитое ночной синевой, в которой начали проклёвываться первые звёзды.

Она так и не рассказала отцу Киприану ни про Купаву, ни про встречу с Марийкой. Как бы добр к ней ни был монах, он был монахом. Ему (да и вообще никому) не следовало знать о Купаве. Что до Марийки — может, святой отец и мог бы дать пару полезных советов, что делать если встречаешься со злобной русалкой... Только вот Горислава боялась, что какая-нибудь мелочь в этой истории насторожит святого отца, и он переменит своё решение отпустить её из лавры с миром. Умереть свободной, пусть даже сгореть в собственном пламени, или оказаться заточённой в монастыре? Для Гориславы это был даже не выбор.

Она разберётся со всем сама. Без помощи монахов Финиста и степных, как их там отец Киприан назвал, камов. Не будь она степная диаволица. Ну если не сдюжит, если умрёт... О ней никто особо плакать не будет. Мать, конечно, тётушка Божена, Велемир, теперь вот Купава... Всего-то четверо, не так уж и много.

Утешив себя таким образом, Горислава принялась разматывать перевязку на правой руке. Порез на пальцах уже не кровточил и даже не особенно болел. Окровавленной тряпичей она замотала указательный палец на левой, так чтобы не было видно чёрного ногтя. И отправилась искать Купаву. Побродив по монастырской деревеньке и поспрашивав местных, она направилась к избе, где останавливались паломники и калики. Купава была во дворе — окружённая какими-то запылёнными, боролатыми мужчинами с посохами и холщовыми сумками. Все мускулы Гориславы при виде этой картины напряглись, но Купава не выглядела испуганной, а мужчины — недружелюбными или с похотливым блеском в глазах. Они разговаривали и смеялись; лицо русалки сияло той самой лягушачьей улыбкой, от которой на её щеках образовывались ямочки, что так и хотелось ткнуть пальцем. И всё равно на сердце Гориславы стало тревожно. Она позвала:

— Купава!

Русалка обернулась — и с радостным воплем бросилась к ней.

— Горька! Живая!! — она повисла у Гориславы на шее. Выбившаяся из косы прядка волос защекотала змеине нос; Горислава невольно вдохнула запах русалки — речные травы, нагретая солнцем вода, и свежий ветер. Она сжала сестру в ответных объятиях, чувствуя, тугой узел в груди немного ослабевает.

— Монах помог тебе? Вылечил? Что с тобой было?

— Ничего страшного, — соврала Горислава. Купаве не следует знать. Никому не следует знать. — Просто внутренний огонь буянит. А ты, я вижу, тут со всеми подружилась...

— О нет, не со всеми! С главной хозяйкой я поссорилась... Она меня ударила полотенцем, я разбила тарелку... Не важно, не важно! Горька, я встретила тех, кто знал меня до того, как я всё забыла! — она взмахнула рукой, указывая на группу мужчин. Змеиня с первого взгляда узнала калик переходящих. Что-то вроде скоморохов, только скучные и богомольные, певшие исключительно духовные стихи о подвигах святых, просившие за это милостыню.

— Так ты была каликой? — спросила Горислава. Она подумала, что вряд ли Купава раскрыла этим людям свою истинную природу, а потому нужно быть осторожной со словами.

— Да! И нет, не совсем! — Купава потащила её к каликам. — Карп Нилыч! Никодим Егорыч! Познакомьтесь, это моя сестра, Горислава!

— Змеиня? — тот, кого Купава назвала Карпом Нилычем, почесал затылок. — Эх тебя судьба-то потрепала...

— Эй! — Купава сердито нахмурилась. — Не смейте говорить плохо о моей сестрице!!

— Да мы ничего, ничего, — тот, кто, по-видимому, был Никодимом Егоровичем, опасно поднял руки. — Ты хорошо в людях разбираешься, так что если назвала её своей сестрой, значит, она действительно хороший человек... Даром что девица... В мужской одежде... Последние времена наступают... — последнее он проворчала совсем тихо.

— Подруга Свечки, или, как она сейчас себя зовёт, Купавы — и наша подруга! — провозгласил Карп Нилыч, стукнув о землю свои дорожным посохом о землю.

Калики поочерёдно представились ей, скрепив знакомство рукопожатием; Горислава сдержанно кивала в ответ. Из всей ватаги — человек где-то десять — она запомнила только двоих: предводителя каликов, Карпа Нилыча, и Люшечку — дурачка с пустыми глазами. На него змеиня предпочитала лишней раз не смотреть.

В животе у Гориславы забурчало; она поняла, что умирает с голоду. С хозяйкой избы Купава умудрилась рассориться (Горислава была уверена, что это не вина русалки), так что о трапезе пошёл договариваться Карп Нилыч. Несколько монет в качестве пожертвования лавре обеспечили их всех наваристой кашей с куском свежего, ещё тёплого хлеба.

За едой они разговорились. Точнее, говорил Карп Нилыч, справившийся со своей кашей очень быстро, а Горислава жевала и слушала.

— Свечку нашу Люшечка нашёл. На дороге, говорит, нашёл, я попробовал расспросить его поподробней, но он у нас ведь... Блаженный... А Свечка в первые дни ничего не говорила почти, и даже не ела, только плакала. Хоть вроде не побитая, не обещенная... Да кто знает...

— Я была тогда совсем дурочкой, — вздохнула Купава.

— Блаженной! — Карп Нилыч наставительно поднял палец. — Чем меньше ума — тем ближе к нашему владыке, Финисту Ясному Соколу, Тому Что Из Пепла Восстал. Имя своего

не сказала, хотя кажется мне, что помнила его. Ну мы стали звать её Свечкой — за волосы светлые. Стала она с нами ходить. Не бросать же её на дороге! Где по хозяйству поможет, где что.

— Вы, видимо, хорошие люди, раз девочка в вашей компании могла чувствовать себя в безопасности, — сказала Горислава, пристально глядя Карпу Нилычу в глаза. Ох не доверяла она мужчинам (женщинам, впрочем, тоже). Любое исключение в её глазах только подтверждало правило.

— Обижаете, Горислава Косановна! Мы не разбойники какие. Я за девочкой присматривал, как за собственной дочерью. Была у меня дочь, такая же ясноглазая, да преставилась, вместе с женой, после того я и отправился странствовать, невоготу стало на одном месте оставаться... Так вот. Стали мы странствовать вместе со Свечкой. Но я не собирался её с собой вечно таскать, девочка всё-таки. Вёсен четырнадцать ей было тогда на вид, может, и больше. Сейчас она выглядит не больно старше, надо сказать... — Карп Нилыч озадаченно почесал бороду. — О чём бишь я? Да! Думал завернуть в родную деревню, оставить Свечку на попечение сестре. Она бы приняла под крыло сиротку. Но Финист иначе распорядился, — Карп Нилыч сложил руки у груди. — Присоединились мы к крестьянам, что с ярмарки ехали, а на нас по дороге возьми да напади разбойники. Немного их вроде было, но кто у нас? Крестьяне да мы, богомольцы. Это была настоящая резня — ну, тех, кто не успел убежать. Мы со Свечкой и Люшечкой сидим за перевёрнутой телегой, ни живы ни мертвы, и слышим, как эти выродки... Прости Финист... Кого-то пытаются, спрашивают, где деньги. И смеются. Не о деньгах хотят знать, просто забавляются. Надеемся только, что нас не заметят. А Люшечка тут заплакал, — Карп Нилым смахнул слезу. — Он же блаженный у нас, Люшечка. Слышу — говорят тати: «Там ещё кто-то живой есть!» — и идут прямо к нам.... Я обмер, всё, думаю, вот и твой конец пришёл, Карп Нилыч. Доходился. Надеюсь только, что не сильно мучать будут. А Свечка тут как глазами сверкнёт, как прошепчет: «Спасибо за всю доброту, Карп Нилыч... Время пришло по счетам платить», и как бросится прочь! Специально побежала разбойникам прям навстречу, чтобы они все увидели её. Девку. С которой повеселиться можно побольше, чем с тем несчастным крестьянином... А я схватил Люшечку и бегом в другую сторону. Они, кажется, меня не заметили даже. Вот так Свечка нам жизнь спасла, собой пожертвовав, — калика приобнял смущённую Купаву за плечо. — Как я потом корил себя за это. Я должен был быть на её месте, но... Не хватило смелости. Годами молил Финиста, чтобы он отпустил мне грех. Уж и потерял надежду, что он внимет моим мольбам, но... Случилось чудо! Жива наша Свечка, жива, сохранил её молодую жизнь Финист наш! — он счастливо рассмеялся. Купава закрыла лицо руками.

— Вы меня совсем засмущали, — пробормотала она. Горислава с громким стуком положила ложку на стол, в глубине души желая запустить ей Карпу Нилычу в лицо. За то, что смеет обнимать её сестру, ну и за то послужил невольной причиной гибели Купавы. Никчёмный богомолец, за спиной девочки спрятался. Сам спасся, а девочку тем временем убили, убили столько жестоко, что её разум отказался это помнить, и сбросили в реку!... Пламя внутри мгновенно вспыхнуло, а вместе с ним и ярость. Взгляд Купавы стал встревоженным. Горислава вспомнила слова монаха о змеиных глазах, и поняла, что её зрачки снова, наверное, резко расширились. Она перевела дыхание, заставляя себя успокоиться.

— А как вы с Купавой познакомились? — спросила Гориславу калика. Купава сделала умоляющие глаза: мол, смотри не сболтни правду!

— Да как, — проворчала Горислава. — Разбойники на меня напали. Ограбили, избили до полусмерти, да бросили подыхать. Купава меня нашла и выходила. А потом сестрой назвала.

Как ей хотелось сказать калике в лицо правду: что не Финист спас Купаву — если превращение в нежить можно назвать спасением. Финисту на страдания людей с небес плевать (иначе б мире не было столько боли и страданий). Нет, тут приложили руку иные силы, для которых у Гориславы пока не было имени. Думалось только, что Старые Боги были менее мертвы, чем думали люди.

— Понятно, — сказал Карп Нилыч, поглаживая бороду. — Ну, Свечка сестрой плохого человека не назовёт. Прости уж за подозрительные взгляды. Много бед змеи принести нашим землям, ой много... — он замолчал, не зная, видимо, как поддержать разговор.

— Карп Нилыч, — а вот у Купавы, кажется, никогда не было проблем с тем, чтобы болтать с кем-то, — А куда вы направляетесь?

— Да на Белояр собрались, — несколько рассеянно ответил калика. — Того, на дне которого чудо-город Кит скрывается. Говорят, один глоток воды из этого озера исцеляет. Был там один раз, в молодости, окунулся в чудесную водицу — но я тогда здоровый был, исцелять меня не от чего было. А сейчас чувствую, годы спину ломают, — он закричал, потирая поясницу. — Да и зрение Якима всё хуже и хуже, — один из калик, чьи блёклые глаза смотрели в одну точку, степенно кивнул. — Если Финист будет милостив, то озёрные воды помогут.

Горислава поморщилась. Она знала, что сейчас скажет Купава.

— Чудесно! Так вышло, что мы тоже в ту сторону направляемся! — её голос звенел, как колокольчик. — Можно присоединиться к вам? Вместе путешествовать безопаснее, да и сестрица моя может защитить нас... Ну, в разумных пределах!

— Что скажете, братья-странники? — спросил Карп Нилыч. — Я с удовольствием приму Свечку, теперь Купаву, в наши ряды, как и её сестру.

Калики принялись переговариваться; даже те, что бросали подозрительные взгляды на Гориславу, не смели вслух выразить свой протест против общества змеини. Совет был недолгим: они единогласно — может, кроме молчаливого Люшечки, который старался держаться подальше от змеини — решили принять Гориславу с Купавой в свои ряды.

Змеиня сдержанно поблагодарила Карпа Нилыча, раздираемая противоречивыми чувствами. С одной стороны, именно это советовал им отец Варфоломей — добраться до Белояра вместе с каликами. Идти по дороге компанией было хоть немного, но безопаснее. С другой, после беседы с отцом Киприаном она не могла смотреть на церкви и почитателей Финиста так, как прежде. Раньше её отношение к ним было просто прохладным. Она заживала в церкви только на большие праздники, когда туда приходили все, и ей не приходилось терпеть недружелюбные взгляды старушек-богомолок. Попы тоже посматривали на неё косо, но отец Лавр всегда хорошо относился к ней и к её матери, а с образов смотрели не только укоряющие, лишённые всякого сострадания глаза самого Финиста, но и его матери. «Богини», как её называл простой люд. Которая, как мать, одинаково любила всех, даже таких отверженных, как Горислава — рождённых вне брака, лишённых отчества и рода.

Но Богиня не защитит её от монахов-бесогонов, что бы это словно не значило. Ей повезло, что отец Киприан пощадил змеиню, не стал накладывать печать, хоть и был должен. О будет ли другой монах так милосерден? По всему выходило, что не только Купаве

нужно держаться подальше от церкв и монастырей.

У неё, степной диаволицы, в итоге оказалось куда больше общего с нежитью, чем с этими богомольцами.

Кровь — не водица.

Компания калик оказалась менее обременительной, чем Гориславе подумалось поначалу. Они не распевали духовные стихи каждую свободную минуту, не отпускали замечания по поводу её мужской одежды или коротких волос, да и вообще не лезли в душу. Карп Нилыч был хоть и богомольным, но здравомыслящим мужиком, быстро и мирно улаживавший все мелкие споры, что возникали между каликами. Марийка или какая другая нечистая тварь — слава Богине — у них на пути не появлялись. Благодаря компании калик проблем с ночлегом тоже не возникало: по старому обычаю попы давали странникам крышу над головой и какую-никакую пищу. На Гориславу, конечно, смотрели косо, так что она устраивалась на ночлег в каком-нибудь сарае. Купава неизменно ложилась рядом с ней. Прижималась своим холодным тельцем и болтала не переставая о каких-то пустяках. Горислава быстро засыпала под эту болтовню.

Она понимала, что Купава чувствует похороненную в глубине души тревогу и тоже мучается: хочет утешить, помочь, но не ведаёт, как, потому что не знает причины. Непринуждённой болтовнёй русалка пыталась заставить змеиню проговориться, но та держала рот на замке. Купаве не следовало знать о том, что собственная сила пожирает Гориславу изнутри, и что указательный палец она бинтует для того чтобы не было видно чёрного блестящего когтя на месте обычного ногтя.

Пламя внутри было подозрительно тихим и послушным. Сначала Горислава боялась его использовать, постоянно прислушивалась к себе — а потом махнула на всё рукой. Вечно жить собралась, что ли?

Отведёт Купаву до Белояра, и там они расстанутся. Горислава станет свободной от любых уз, и не нужно будет беспокоиться, что её смерть причинить кому-то боль.

До священного озера было уже рукой подать.

Услышала Горислава Белояр прежде, чем увидела. Над лесом разнёсся звон колоколов.

— Там целая лавра, вестимо, — сказала Купава. Она шла позади всех, а потому ей кислую гримасу видела только Горислава.

— Вестимо! — поддакнул Карп Нилыч. Он шёл впереди и выражение лица русалки не видел. — Ох, как услышал — ногам легче идти стало! — он начертил пальцем в воздухе финистов круг; остальные калики повторили за ним, и Горислава, после некоторых раздумий.

— Там не лавра. Просто монастырь, — рассказывал Капр Нилыч, пока они шли по утоптанной тропе. — И деревня у него выросла. Говорят, голодный год был, да и змеи замучили набегами — вот поселяне и начали перебираться поглубже в лес, поближе к святому месту. Поселение назвали Богомольем. Китским Богомольем. Растёт оно: странников каждый год много приходит.

— Значит, тут такие как вы, странствующие певцы, можете заработать монету? — оживилась Купава.

— Что ты, — Карп Нилыч разочарованно махнул рукой. — Местные разве дадут? Тут им самим монеты надо платить... Да и со скоморохами нас не путай, — он погрозил Купаве пальцем. — Мы не зарабатываем. Мы собираем милостыню!

Китское Богомолье тем временем уже показалось вдали. Над избами, раскиданными по широкому полю, как опята на лугу, курился дымок. Ничего необычного в деревне не было, не считая широких улиц и нескольких площадей с колодцами. За деревней белели стены монастыря. Небольшого по сравнению с лаврой.

Купава возбуждённо подпрыгивала за плечом Гориславы, а потом разочарованно спросила:

— А где озеро?

— Подале, — махнул рукой Карп Нилыч в сторону леса за Китским Богомольем.

— А поче...

— Сама подумай, малая. Разве в священном озере можно бельё стирать? Котят лишних топить? Вот и отстроились на берегу речушки поменьше. Даже не речушка, а ручей широкий — Приярка. Течёт мимо Белояра... Ключей тут много, и все чистые да чудесные. А на озеро ходят во время служб.

Они шли по улицам Китского Богомолья, и Горислава дивилась, сколько тут странников. Казалось, людей в запylённой одежде, с дорожными посохами, изрезанными непонятными ей метками даже больше, чем местных.

— А почему это озеро считают священным? Там русалки живут? — спросила вдруг Купава. Горислава поперхнулась: сестрица всегда была такой осторожной в словах — а тут вдруг взяла и лягнула такое! Карп Нилыч тоже поперхнулся.

— Что ты говоришь такое! — калика начертил пальцем финистов круг. — Русалки... Жили. Давным-давно, ещё во Время Медвежье.

— Это когда мы Финиста не знали и поклонялись дубам? — спросила Горислава, припомнив что-то из проповедей отца Лавра.

— Верно, верно. У поганых тут было целое святилище. Даже уже когда мы приняли Финиста. Только Андрий Богонравный этому конец положил. Отправил сюда бесогонов, те поганых разогнали и построили поселение. Белояров Скит. А русалок... Их никто после этого не видал. То ли бесогоны их перебили всех, то ли сами ушли... Уплыли. А может, их души нашли покой, как и положено.

Купава вцепилась в руку Гориславы своими холодными пальцами.

— Перебили? — прошептала она с ужасом. — Они делали что-то злое?

— Они ж как нежить. От неё добра не жди, — сказал Карп Нилыч с некоторым удивлением. — Странно, что тебя таким вещам ведьма не научила. Она тебе наверно и про Город-Кит не рассказывала.

— Ну так расскажите вы, — сказала Горислава прежде чем с дрожащих губ Купавы слетело что-то непоправимо правдивое. Например, «Неправда, не все русалки злые! Я же не злая!!».

— Об этом не рассказывать надо, а петь, — сказал Карп Нилыч. — Это Еремея нужно просить. Если жив старик ещё, конечно. Вот, кстати, изба его...

Но едва они успели сделать пару шагов, на улице раздался крик.

— Чудо! Чудо! — надрывалась девушка с усыпанным веснушками лицом. Платок съехал на бок, глаза горели от восторга. — Слепой Даниил образ пишет! Прямо на берегу реки! Люди, чудо свершается!

Сгорбленный старец с дорожным посохом в руках, дремавший в тени плетня неподалёку от Гориславы, бодро вскочил и поспешил в сторону озера с не-стариковской прытью. Прохожие последовали его примеру — и стар, и млад, и даже калеки побросали все дела, кинувшись смотреть на чудо. Точно изокские голуби — брось краюху хлеба, со всего города слетятся...

— Нам тоже надо пойти, что ли... — Карп Нилыч почесал затылок — и пошёл вслед за всеми. Горислава подавила вздох. Она устала с дороги, но... Если честно сказать, ей тоже хотелось посмотреть на чудо.

Однако когда они пришли к озеру, на берегу собралась такая толпа, что не то что слепого Даниила, озера не было видно.

— Ты видишь, Горька? Видишь? — Купава возбуждённо подпрыгивала рядом. — Может, на дерево залезть?

Не ей первой в голову пришла эта идея — прибрежные берёзы уже готовы были пригнуться от количества народу, которые забрались на их ветви.

— Залазь ко мне на плечи, — обречённо вздохнула Горислава. Ещё взбредёт Купавке в голову забраться на самую верхушку берёзы, выдав свою русалочью сущность. Благодарно пискнув, Купава вскочила на спину Гориславы, затем воскликнув:

— Всё равно ничего не видно!! — сбросила лапти и... Встала босыми ногами ей на плечи.

— Ну ты и ловкая! — восхищённо крикнул Никодим.

— Не без этого, — сказала Купава, балансируя на плечах Гориславы, которая про себя ругала русалку последними словами и пыталась сделать вид, что ей тяжело, хотя на самом деле сестрица была не тяжелее кошки. — Вот, теперь вижу! Ох, Богиня — он что, правда слепой? Или просто глаза завязал?!

— Правда, правда! — воскликнула давнишняя конопатая девушка. — Финист глаза у него в тринадцать вёсен отнял, он пришёл к Белояру в поисках исцеления — а нашёл своё предназначенье! Монахом быть, образа писать! Из самого Семигорска приезжали, дивились!

— А как же он тогда видит, что рисует? — поразила Купава. — Ведь... У меня глаза есть, а я так не рисую...

— Я ж говорю — чудо! — фыркнула конопатая.

— Что он рисует-то хоть? — спросила Горислава.

— Богиню, вестимо. Женщина, светловолосая... Глаза зелёные, прям как у меня! — Купава хихикнула. — А, нет, это не волосы, а платок на голову. И сияние вокруг головы, как солнце. На правой руке белая птица сидит, на левой — чёрная.

— Эва! Откуда птицы-то? — оторопело сказал Карп Нилыч. — Ты чего-то не то видишь, малая. Финистову Матерь с птицами не изображают... Если это не Финист, конечно...

— Я что, врать буду что ли? — обиженно сказала Купава. — Ясно вижу! Беленькая птичка и чёрная! Наверное, голубь и...

— Ворон, — сказала Горислава. Действительно необычно. Финистову Матерь изображали с сияющим яйцом или алой птицей, символом Финиста, в руках. Откуда взялись две птицы, ни одна из которых не Финист?

— Ой, кажется, он недоволен, что на него смотрят! — Купава хихикнула. — Как будто только заметил, что тут толпа собралась... О, он там не один. Там второй монах — слепой ему кричит... Что-то... «Дорофей, прогони их», как-то так. Не по-финистиански как-то, —

она покачала головой.

— Это когда ты знатоком финистианства стала? — возмутилась Горислава. Вот что общество калик-богомольцев с порядочной нежитью делает! — Если б на тебя пялились, как на ярмарочного уродца, тоже протестовать бы начала! Слезай давай. Хватит, насмотрелась.

Купава вздохнула — в этом вздохе звучало принятие Гориславиной правоты — и спрыгнула на землю. Калики, поняв, что в толпе им всё равно ничего не разглядеть, тоже направились прочь от иконописца. И всё спрашивали Купаву о том, что ей удалось увидеть; русалка, взволнованно теребя растрёпанный кончик косы, пересказывала им то небольшое, что разглядела с плеч Гориславы. Лапти висели у неё на поясе, и босые ноги скоро посерели от пыли.

Змеиня провела рукой по лбу. Она не пробыла в Китском Богомолье и часа, а у неё уже голова ныла от этого недо-города.

— И тогда на месте Белоярского Скита вырос город, который все стали называть город-Скит, а потом — град-Кит. Не было ему равных по красоте: церкви белокаменные, купола золоты, жители богомольны и благочестивы. Но когда пришли на нашу землю-матушку змеи, чума степная, тут и настал чёрный час для града-Кита. Разорил тогда хан Шоно, Волк Голодный, всю землю к восходу и закату от белоярского града, город Липов Цвет сжёг до основания. Народ оттуда, кто бежать успел, и князь Звенислав с остатками дружины, укрылись в городе Ките. Надеялись они, что хан в извилистых лесных дорогах заплутает — хорошо город Кит был в лесах скрыт, Финистовой милостью. Но взял хан в плен одного из дружинников князя, Герасима Заячью Губу, и пытал жестоко — так что раскрыл он им место, где Кит скрыт. Да простит его Финист. Жестокая битва была под стенами Кита. Три богатыря, три витязя сражались не на жизнь, а на смерть. Каждый в бою стоил ста воинов, но слишком велика была сила чёрная, чужая... Погибли они славной смертью. И вот злодеи уже проломили стену города Кита, без жалости жгут и убивают, не щадя никого. В церкви народ собрался, в белокаменной церкви, соборе Финистовой Матери. Ей молились, к ней взывали. И случилось чудо: спустилась Финистова Мать на облаке, легче пуха, и встала на белый камень на берегу Белояра-озера. Поньше тот камень можно найти, и следы Пречистой Матери на нём. Смотрела на горящий град и уронила три горячие слезы в озеро. Тогда земля треснула, воды поднялись и обняли град-Кит. Погрузился он под воду! На самое дно озера Белояр!! И потонули змеи, все как один. А правоверные спаслись. И поньше они живут в граде, скрытом в озёрных глубинах. Не знают ни голода, ни жажды, ни зимы. Лишь чистые сердцем могут слышать звон колоколов, что доносится со дна озера. И лишь чистейшие могут видеть образ города белоярской воде живительной....

Голос Еремея затих. Морщинистый палец тронул струну гуслей, и певучий звук разнёсся в наступившей тишине. Горислава перевела дыхание: она не думала, что рассказ старика настолько её захватит. Но его голос, певучий и глубокий, несмотря на возраст, очаровывал, как песни сказочной птицы сирий, звуча в унисон с гусями у него на коленях.

— Ох, прекрасно-то как! — выдохнула Купава. Она сидела, прижавшись к Гориславе, положив подбородок ей на плечо, и глаза у неё были круглые и сияющие восхищением.

Старик Еремей закашлялся.

— Голос не тот, что в молодости, — сказал он, когда продышался. — Тогда, бывало, я

мог о сотворении мира рассказать на одном дыхании. А сейчас... — он развёл руками.

— Не гневи Финиста, Еремей, твой голос как был медовым, так и остался, — Карп Нилыч хлопнул его по плечу. — Заслушиваешься — про время забываешь. Ну что, довольна, малая? Поняла, почему я сам не стал историю града-Кита рассказывать, а Еремея просил?

— Довольна-довольна! — затараторила Купава. — Это так прекрасно, так... Ох, дедушка, слов у меня нет! Можно я вас обниму?

Горислава ревниво наблюдала, как Купава обнимает польщённого Еремея и целует его в лоб.

— Было время, девицы меня за мои истории в губы целовали... — вздохнул Еремей. — Нет, дитя, не надо, было время да прошло, молодости — молодое, а нам, старикам, и поцелуя в лоб хватит. Ну а теперь ваша повесть, как договаривались. Что за девочка эта звонкая, Карп? Где ты её отыскал? И сестра её названная... Нечасто змеям пою о граде-Ките... Ты случайно не родич змеине, что тут остановилась?

— Погодите, что? — Горислава нахмурилась. — Тут, в Богомолье, есть ещё один змей?!

— Да, есть. Девица и мужик, охранник её, что ль, — Еремей почесал затылок. — Змеи для нас не диковинка. Полукровки — такие как ты, девица — тут бывают. Их не очень любят, скажу честно, но камнями никто не кидает. Не бывало такого в нашем Богомолье, чтобы кто-то вред паломнику причинил, даже если змей он, — Еремей наставительно поднял палец. — Так о чём бишь я? Вот, змеиня к нам пришла. Настоящая. Степная. По-нашему говорит, но и по-своему шипит. Мужик её слушается. Княгиня наверно какая. Хан. Или ханка? Вот как у вас женщин-ханов называют?

— А я откуда знаю? Я эту степь поганую и не нюхала, — буркнула Горислава.

— Не нюхала так не нюхала, — Еремей не стал спорить, — Вот, она остановилась на отшибе, у Ульяны-травницы. Последнюю вы видели уже наверное, рыжая такая, конопатая, болтушка. Степнячка даже с монахами беседовала. Кажется мне, она сделала щедрое пожертвование монастырю, что чернецы с поганой язычницей разговаривать решили...

— А может, она решила финистианскую веру принять? — насупилась Купава, словно обидевшись за неизвестную змеиню.

— Может... Но непохоже, на службы не ходит, — сказал Еремей.

На этом они закончили говорить о загадочной змеине.

Но, конечно, одним разговором всё не кончилось.

Город-Кит. Часть 2

— Ну, я пойду, что ли, — сказала Купава. Небо было совсем тёмным. Они лежали на сеновале, обнявшись в сладко пахнущей сеном темноте. Начавшая задрёмывать Горислава не сразу поняла, о чём речь. А когда поняла — сердце сжалось. Змеиня обещала сопроводить русалку до Белояра. И сопроводила. Значит ли это, что сестринские узы потеряли значение, и каждый отправится своим путём?

— А. Иди, — сказала она ровно. — Уверена, что озере ещё что-то осталось от святилища?

— Я надеюсь, — Купава рассеянно теребила браслет. — Конечно, старшая сестрица Устинья могла и не знать, что русалок в этом месте... — она не договорила. — В любом случае, я должна проверить. Я же за этим шла!

— Тогда давай, — Горислава прикрыла глаза, чтобы не видеть, как белый силуэт удаляется в сторону двери.

— Горька, ты... Грустишь? — спросила Купава, обернувшись в самом проходе. — Я же не навсегда уйду! Я просто хочу в озеро нырнуть и проверить, что там на дне. Может, к утру обернусь...

— И что дальше? — Горислава глаз не открыла. — Ты всё равно не можешь со мной отправиться в Соколиную Заставу. Так что тут мы прощаемся. Я обещала довести тебя до Белояра — я довела.

— Горька... — голос Купавы дрогнул. Зашуршало сено: русалка снова села рядом. — Что с тобой случилось? После лавры ты сама не своя. Что тот монах с тобой сделал? Что он тебе сказал?!

— Ничего, — буркнула Горислава. «Ничего, кроме правды». — Иди уже, дай поспать. Дождусь я твоего возвращения, так уж и быть. Тогда нормально распрощаемся.

Наверное, стоило ей сказать что-то грубое. Грубое и обидное, чтобы расставаться было не так больно, но змеиня не нашла в себе сил. К том же Купава сразу почуяла бы фальшь. Она каким-то образом всегда чувствовала, что у Гориславы на душе на самом деле.

— Ла-а-адно, — после некоторого раздумия протянула Купава. — Только дождись меня. Не обмани! — она чмокнула её в щёку своими холодными губёчками и убежала.

Горислава открыла глаза. Сон не шёл; было тошно. Неминуемое расставание с Купавой и приговор, вынесенный ей отцом Киприаном, лежали на сердце тяжёлым грузом. Когда прошло достаточно времени, чтобы, по расчётам змеини, русалка успела дойти до озера, Горислава встала и тоже вышла из сарая. Она направилась в тёмный, недружелюбно шумящий лес. Подыскав подходящую опушу, она уселась на пенёк и размотала указательный палец на левой руке. В полутьме ночи — месяц висел на небе тонким серпиком, почти не давая света — чёрный ноготь казался куском тьмы.

Горислава подняла берёзовый сучок и зажала его в зубах. А потом достала зачарованный нож.

Она знала, что отковыривать себе ноготь будет больно. Но не думала, что настолько. змеиня хрипло взывала, сжимая в зубах деревяшку так, что зубы трещали; сознание помутилось, и она привалилась к стволу берёзы, широкому и белому, как материнская грудь. Сколько времени она так пролежала, истекая кровью из искалеченного пальца, она не знала. Но когда наконец открыла глаза — то на опушке была уже не одна.

Другая змеиня сидела на пеньке и смотрела на неё жёлтыми глазами, склонив голову на бок. Лицо у неё было широкое и плоское, как и всех чистокровных степняков, на плечи спускались чёрные косы, к концам которых были привешены какие-то побрякушки. Да и одета она была по-степному — длинный перепоясанный халат, поверх которого была надета ещё один халат без рукавов. На поясе у неё висело нечто похожее на кадило, а руки все были унизаны браслетами, который брякали при каждом движении.

— *Сайну*, — сказала она Гориславе.

— Ч-что? — прохрипела Горислава. Она попыталась шевельнуть раненой рукой и не сдержала стоны.

— А, ты не знаешь нашего языка. Можно было предположить, — незнакомка кивнула словно самой себе. — Тогда я скажу по-вашему. Привет.

Говор её был ясным и уверенным, хоть и немного странным — она говорила глухо и растягивала гласные.

— Что тебе надо? — недружелюбно поинтересовалась Горислава.

— Не учтиво, — покачала головой змеиня. — Я тебя перевязала. Ты кровоточила сильно. Потому что себя искалечила. Зачем?

И точно: палец был тщательно перевязан. Повязка уже потемнела от крови.

— Не твоё дело, — буркнула Горислава. Надо было встать и уйти, но у неё на это не было сил.

— Совсем не учтиво, — змеиня тяжело вздохнула. — Таковы ваши обычаи, пахари?

— Ага, а твой народ очень учтиво убивает нас, угоняет в рабство, и города жжёт, — фыркнула Горислава. — Не жди от меня учтивости, змеиня.

— Война — это одно, но я пришла с миром, — змеиня коротко приклонилась. — Меня зовут Оюун. Для тебя — Оюун-нойон.

Горислава некоторое время думала, стоит ли ей нагрубить змеине снова, или всё же проявить какую-то вежливость — которой степнячка, вне всякого сомнения, не заслуживает — и всё же выбрала второе.

— Горислава Косановна, — сказала она.

— Так зачем же ты, Горислава Косановна, искалечила себе руку?

— Сама не поняла, что ли? Из-за вашего змейского проклятья. Чёрный ноготь — метка дьявола, лучше сразу отковырять, чем всю жизнь прятать.

— Он снова отрастёт, — сказала Оюун.

— Что?! Да чёрт! — Горислава ударила здоровой рукой по земле. Это значило, что ей проходить через эту муку не раз и не два, а всю её чёртову жизнь.

— Почему ты так хочешь от него избавиться? Это не проклятье, а дар...

— Ага, дар — сдохнуть молодой, сгореть в собственном огне!

— Почему ты так говоришь? — удивилась Оюун. — Почему ты думаешь, что сгоришь?

— Потому что я уже начала превращаться в чудовище! Ноготь — только начало...

— С чего ты взяла?

Спокойный вопрос змеини заставил Гориславу почувствовать себя душой.

— Так мне сказал монах. Змей, между прочим, который в степи вырос.

— Лжец он. Или плохой кам, — фыркнула Оюун. — Наоборот, огненный палец — это знак того, что твой дар развивается и растёт, но не пожирает тебя.

— Да я чуть не померла от того, как он меня «не пожирал»! В лихорадке пролежала пол-дня!

— Если бы он пожирал тебя, то ты бы не проснулась, — Оюун покачала головой. — *Умай, умай*, бедняжечка, ты не знаешь ни своего дара, ни себя!

Она говорила уверенно. Горислава открыла рот, пытаясь придумать, что сказать в защиту отца Киприана — и не придумала: ведь слова змеини давали ей надежду. Что, если монах ошибся? Или наврал ей?

— А ты, выходит, знаешь? — в конце концов сказала она. — Вот так глянула на меня один раз и всё знаешь?

— Я утган. Огненная ведьма по-вашему, — сказала Оюун и сняла с пояса кадило. Открыв крышку, она дунула на тлеющие угли внутри, и они вспыхнули; мерцающее пламя отразилось в щёлчках-глазах змеини. — Я не танцую с огнём, но я с ним говорю. Пока ты лежала в забытии, я посмотрела на тебя сквозь огонь. Пламя внутри тебя горячее, ясное и покорное. Такой *кут* — великое благословление нашего отца, Алтан-Могоя. Так что ты искалечила себя зря.

— Что за «салтан»?

— Алтан-Могой! — Оюун сердито нахмурилась. — Отец всех змеев, правитель небес, что подарил нам огонь.

— А... Пекельный змей что ли?

— Вы знаете его под таким именем? — Оюун кивнула самой себе. — Надо запомнить... Я смогла успокоить тебя, сиверка? Теперь мой черёд задавать вопросы. Кто твой отец? Из какого ты рода?

— Безродная я. Отец мой какой-то степной змей, имени его не знаю и знать не хочу, — сказала Горислава. Оюун снова кивнула, глядя куда-то в район плеча змеини. Горислава даже обернулась — не стоит ли там кто? Но нет, ничего.

— И зачем ты пришла сюда, к озеру Белояру? — спросила она.

— Какое твоё дело-то...

— Я ответила на твои вопросы, Горислава Косановна. Разве не заслужила я пару ответов? — Оюун пристально посмотрела на Гориславу, и та со вздохом ответила:

— Сестру я сюда провожала.

— Сестра? Она тоже дитя Алтан-Могоя?

— Нет, она... — «Нежить», — Мы с ней разной крови.

— Понятно. Я просто хочу предложить тебе, Горислава Косановна, отправиться со мной. И сестру свою можешь с собой взять.

— Куда?!

— В Смаргад, сияющий самоцвет среди городов, — сказала Оюун. — Там дом моего рода. Мы не богаты, но корни наши уходят в глубокую древность, к роду самого Хана Сагана. И у нас нужда в добрых воинах...

— Нет, — отрезала Горислава. Теперь ей стала ясна причина доброты степнячки: она просто желала перетянуть змеиню на свою сторону, купить её верность.

— Там ты будешь сыто есть и одеваться в тёплые и мягкие одежды. Получишь мужа сильного и доброго. Там тебе не придётся выдирать у себя ногти, чтобы скрыть благословенный дар, — Оюун подалась вперёд, — Тут, в землях пахарей, не твой дом — и ты это знаешь — у тебя ведь душа воина!

— Ага, буду сыто есть, тепло одеваться и засыпать под крики рабыни, которую насилуют за стеной, — Горислава сжала зубы. — Твой сияющий самоцвет — большой рабский рынок, где сиверок продают, как скот. Не нужно мне такого счастья. Не знаю, где

мой дом, но точно не у вас!

Она встала. Пошатнулась, схватилась рукой за ствол берёзы. Оюун смотрела её, нахмурившись. Затем сказала:

— Да будет так. Жаль, сестра, что в твоём сердце поселилась ненависть к собственному племени. Но я не вижу, чем тебя убедить... Пока что. У тебя есть время, чтобы передумать — я буду в этом поселении ещё долго, — она поднялась с пня и закрыла крышку своего кадила.

— А тебя сюда что привело? — спросила Горислава.

— Отвечу твоими же словами, Горислава Косановна. «Какое твоё дело?» — Оюун улыbnулась вежливо и холодно. Она зашагала прочь, гордо выпрямив спину. Горислава тихо фыркнула ей в спину: тоже мне, цапля важная нарисовалась! Отказ её обидел... «Мы не богаты», говорит, «но род наш уходит корнями в бла-бла-бла». Как купец пытается продать тощую коровёнку, рассказывая, что она конечно худовата, но зато ест немного, а мамка так вообще мёдом доилась.

И вместе с тем в глубине души она была благодарна Оюун. Та заставила Гориславу задуматься — а правдивы ли были слова монаха? Может, он сам и верил, но кто сказал, что он был прав? Вон, тайлерский лекарь, которого непонятно как в Изок занесло, купцу Давыду Алексеичу сказал, что тот до зимы не доживёт, когда купец пришёл к нему с жалобами на колотьё в боку. Давыд Алексеевич поверил, пожертвовал половину имущества монастырям и помирать приготовился... Только вот прожил он с тех пор три года и был жив когда Горислава уходила. Часто пил в кабаке и ругал тайлерцев — мошенников да неучей... Так даже если учёный тайлерец ошибся — то чего взять с монаха-степняка? Тайлерцы и прочие щеки сиверцев дикарями считают, а степняки — дикари даже по сравнению с сиверцами. Может, и не грозит ей, Гориславе, смерть от собственного пламени. А ноготь... Даже если отрастёт, будет ходить с замотанным пальцем. Или печатку купит и приспособит — все пальцы на ней обрежет кроме этого. И вообще, может, в соколиной заставе никому дела до её чёрного ногтя не будет!

От таких счастливых мыслей даже идти было легче, несмотря на кружащуюся из-за кровопотери голову и боль в перевязанной руке. Несколько раз Горислава останавливалась, отдыхая. Тропинка как-то незаметно привела её к самому озеру. Тёмное небо уже светлело, и змеиня с удивлением поняла, что пролежала без сознания под берёзой долго, очень долго, почти всю ночь. Наверное, только благодаря внутреннему пламени не истекла кровью насмерть. Горислава прижала руку к животу — печать отца Киприана давно смылась — и ей показалось, что она чувствует его, этот тёплый и ровный огонь. Вот ведь. Она должна ненавидеть ту силу, что сделала из забитого степного племени желтоглазых злодеев — но не может. Ведь пламя её столько раз спасало, согревало холодной ночью, заживляло раны... Кто она без него? Отродье степняка, которое можно пинать, как беззубую дворнягу, не боясь сдачи.

А с ним, с пламенем... Кто?

Горислава сидела на берегу Белояра и смотрела в светлеющее небо, не находя там ответа. Да и не хотелось ответы искать. Хотело наслаждаться красотой — Белояр действительно был удивительно красив. То ли из-за формы — круглый, как монета, то ли из-за воды. Сейчас озеро было гладкое, словно зеркало, и отражало небо столь идеально, что казалось окошком в другой мир. Лучший мир — потому что звёзды в озере казалось ярче и больше, а облака — как светились изнутри. Горислава вглядывалась и вглядывалась в воду,

как зачарованная, пытаясь увидеть блеск золотых куполов города-Кита, пусть и знала от Еремея, что лишь святые могут удостоиться такой чести.

Только когда вдалеке запели колокола, она встала, стряхивая наваждение, и зашагала к Китскому Богомолью. Заблудиться тут было невозможно: дорожки вокруг озера были протоптаны, местами покрыты деревянными мостками и отмечены камнями, на которых было вытесано изображение Финиста, знак Богини — пересечённый крест-накрест ромб — а иногда и какие-то изречения, в которые Горислава не вчитывалась. Змеиня подавила зевок, заставляя себя переставлять ноги быстрее. Вдруг Купава уже вернулась из озера? И не найдя её в сарае, теперь бродит по лесу, зовёт Гориславу... Иль решила, что сестрица ушла, даже не опрошавшись.

Лес стал реже, а потом и вовсе сошёл на нет — Горислава узнала песчаный берег. Кажется, на этом месте Даниил вчера писал свой образ.

Как и днём, тут толпились люди. Не так много, но порядочно для такого раннего часа. И гомонили — взволнованно. Горислава ускорила шаг, почувствовав укол тревоги. А потом побежала: потому что на берегу лежал бездыханный монах, кудрявые светлые волосы облепили лицо, белые глаза невидяще смотрели в небо. Другие монахи, в своих чёрных рясах напоминавшие стаю галок, суетились вокруг него — а в отдалении, простоволосая и босая, стояла Купава. Она смотрела Даниила, с ужасом закрыв рот руками.

А за спиной у неё, положив руку на плечо, стоял монах — огромный, как скала, и так же мрачный.

Горислава сама не знала, как оказалась рядом с Купавой. Оставалось только надеяться, что она никого не убила, проталкиваясь сквозь толпу.

— Что ты делаешь с моей сестрой? — свирепо спросила она монаха. Рука непроизвольно легла на рукоять ножа.

— Горька, всё хорошо! Всё в порядке! — Купава раскинула руки, словно хотела защитить монаха.

— Ты её сестра? — спросил монах, строго глядя на Гориславу.

— Ага, старшая, — буркнула Горислава. «Только тронь её пальцем, я тебе бороду повывёргиваю», — она не стала говорить это вслух, но надеялась, что это ясно написано у неё на лице.

— Тогда знай, что твоя родная кровь совершила героический поступок. Спасла моего духовного сына Даниила от страшной участи, вытащила его из воды.

— А, это она любит, — проворчала Горислава.

— Под страшной участью я подразумеваю не смерть тела, но гибель души, — монах наставительно поднял палец.

— Ага, ага. Можно мы пойдём отсюда? — он взяла Купаву за руку. Но русалка на неё не смотрела — она встала на цыпочки, уставившись Гориславе за плечо.

— Он живой? Он дышит? — дрожащим голосом спросила она. — Я... Я умею плавать, но приводить людей в себя... Я не знаю как, мне сестра только один раз показывала!!

— Да вроде дышит, — сказал один из монахов, склонившийся над Даниилом.

— Живой, живой! — радостно подтвердил какой-то крестьянин, тоже стоявший рядом с иконописцем на корточках. Словно подтверждая его слова, Даниил хрипло застонал.

— Ох, Данила, что ж ты в озеро полез? — горестно вздохнул другой. — Умер бы, позор был бы...

Вот это точно. Даниил был полностью одет, не считая чёрного монашеского клобука — значит, не искупаться решил. Значит, либо случайно упал, либо утопиться попробовал. Самоубийц же хоронили за оградой кладбища, на всякий случай вбив в грудь осиновый кол.

— Ты сама-то что делала у озера ночью? — поинтересовался монах, который всё ещё не убрал руку с плеча Купавы.

— Я, отец Александр, — сказал Купава, глядя ему в глаза, — помолиться к озеру пошла. И увидела, как кто-то под водой скрывается... И не показывается назад... Я и кинулась за ним.

Горислава в который раз поразились способности Купавы врать с настолько честным лицом, что ей и камень бы поверил.

— Заходит, значит? — переспросил отец Александр. — А кого другого ты не видела? Его никто не манил, не заманивал в воду?

Горислава напряглась. И коню было понятно, что монах вёл речь о русалках.

— Нет, святой отец, — Купава опустила голову. — Никого не видела.

Несколько долгих ударов сердца отец Александр смотрел на Купаву — а потом наконец-то отпустил её плечо.

— Что ж, девочка, сегодня ты совершила воистину богоугодный поступок, — сказал он. — Можешь гордиться своей младшей сестрой, змеиня, — эти слова были обращены к

Гориславе. Та коротко кивнула и потянула Купаву прочь от монаха. Русалка не артачилась, но постоянно оглядывалась назад, на Даниила. Как только они отошли достаточно далеко от толпы, Купава спросила тихо:

— Горя, ты сердишься?

— Что? Нет. На что? На то что ты снова кого-то спасла?

— Ты... Богиня, что с твоей рукой?! — Купава заметила окровавленную повязку.

— Потом расскажу, — отмахнулась Горислава. — Лучше говори, что ты там, в озере, нашла.

Купава улыбнулась печально и смущённо.

— Ничего, — сказала она.

— Я нырнула. Я спускалась всё глубже и глубже... Дно уходило вниз, вниз, вниз. Тут крутые берега. Я, наверное, никогда не ныряла так глубоко. Целая вечность ушла на то чтобы добраться до дна. И там не было ничего. Просто... Дно. Я обшарила всё озеро. Даже сгнивших лодок не нашла. Никакого святилища. Никаких русалок, — говорила Купава, опустив голову. — Последнее не удивительно... Их ведь всех тут... Убили, — прошептала она едва слышно и вдруг всхлипнула. Раз, другой — а потом спрятала лицо в ладонях и горько зарыдала. Горислава обняла её за плечи, поморщившись от боли в искалеченном пальце.

Они сидели на берегу Белояра, подальше от Богомолья и любопытных глаз, а пуще ушей. С неба на них смотрело свежее, утреннее солнце.

— Тихо, тихо, — сказала змеиня, проглаживая Купаву по плечам. Других слов утешения она придумать не могла. Да и сочувствовать её не получалось. Как ни стыдно это признавать, в глубине души Горислава даже радовалась, что Купава никуда не ушла...

Так, погодите-ка, что за чушь она думает?! Купава никуда и не собиралась уходить. Это она, Горислава, гнала её — потому что русалке не место рядом с витязями.

«А так ли мне нужны эти витязи?» — подумала змеиня, сжимая русалку в объятиях ещё крепче.

— Я глупая, такая глупая, — прошептала Купава между всхлипами. — Устинья говорила про святилище... Но ведь ей несколько сотен лет! Когда она была молода, со святилищем всё могло быть в порядке... Или она вообще мне просто сказку рассказывала, а я и поверила... Дура! — тонким голосом вскрикнула она. — Я дура, Горька!

— Хватит уже. Не дура ты, просто... — Горислава не знала, что «просто», а потому просто запустила ей пальцы в волосы.

— Ты не понимаешь, да? — Купава подняла на неё заплаканные глаза. — Теперь я... Теперь у меня нет надежды найти моего любимого!

Она высвободилась из объятий Гориславы и отвернулась, сжав стеклянный браслет. Змеиня мысленно выругалась: если честно, она и думать и забыла про то, что у Купавы есть какой-то возлюбленный, и даже украшение у неё на руке прекратила замечать.

— Ты вообще хочешь чтобы я его нашла? — русалка сердито шмыгнула носом. — Или ты ревнуешь? Ты тоже дурочка, раз так. Я люблю и тебя, и его, просто по-разному!

— Я... — аргх, что отвечать, когда Купава, по существу, права?! — Просто... Просто ты его ни разу не видела, а он уже делает тебя несчастной. Зачем он тебе нужен?

— Я видела! Видела — когда живая была — просто не помню! Ты не представляешь, насколько это ужасно — ничего не помнить! Кроме своей смерти... — Купава закрыла лицо руками. — Как будто... Как будто чешется пятка отрубленной ноги — зудит, зудит, а почесать не можешь! И это постоянно!!

— Он может быть мёртв...

— Я знаю! ЗНАЮ! — взвизгнула Купава, вскакивая. — Вы мне все это говорите говорите, как будто я не понимаю! Я просто хочу узнать что с ним... Был ли он счастлив... Поплакать на могиле, в конце концов!! Может, после этого я... — её голос стал едва слышным. — ...Смогу успокоиться с миром.

— Ты хочешь этого? — спросила Горислава бесцветным голосом. Она должна была желать Купаве всего самого лучшего, и она не представляла, какова «жизнь» нежити — не жива, не мертва — но мысль о том, что её русалка просто возьмёт и рассыплется прахом, вонзилась в сердце как гвоздём. Пошло всё к чёрту, она не отпустит её, она удержит, любой ценой, ведь это её единственный друг, второго такого не найдёт!

— Не знаю, — прошептала Купава, глядя на озеро. — Какой смысл в моём существовании? Оно ведь ненормально. Живые должны жить, мёртвые — в земле лежать. Как из нарушения порядка может получиться что-то хорошее?

— Чушню несёшь. Ты уже спасла как минимум двоих. Трёх, считая меня, — хмуро сказала Горислава. Купава вяло махнула рукой.

— Тоже мне, достижение. Это и живой человек может сделать. Когда-то русалки были берегинями, помогали людям, охраняли их от упырей и всего такого. Но посмотри — берегинь уже нет, а люди спокойно живут... Так ли мы были им нужна? Мы им вообще нужны, раз они нас убивают? Раз те, ради кого мы существует, ненавидят нас, какой смысл... — Купава замолчала, когда Горислава подошла к ней сзади и крепко обняла.

— Финистиан наслушалась, да? — прошептала ей на ухо змеиня. — А я вот что скажу: пусть катятся в пекло. В самое пекло со своим горелым богом.

Сказав это богохульство, Горислава непроизвольно напряглась — но, против ожидания, молния её не сразила, земля под ней не разверзлась, а солнце по-прежнему смотрело с безмятежных небес. Поэтому она продолжила:

— С их недожаренной курицей. Она и волоса твоего не стоит. Ты умерла страшной смертью — и что этот финист сделал? Он хоть пальцем пошевелил?

— Горька...

— Да и не только о тебе речь! У нас в Изоке одна баба замучила падчерицу, уморила её голодом в погребе — и что, финист этому помешал?! — шептала Горислава сбивчиво и горячо. Волосы Купавы щекотали ей нос. — Попы говорят, что страдания душу очищают, что финист так любовь свою показывает — а по мне шёл бы он на хер с такой любовью. Ему плевать на наши страдания — если он вообще есть, а не выдумка южных жрецов. Ты... Послушай, ты умерла страшно, несправедливо, но тебе дали шанс прожить то что ты не прожила, и не финист его дал. А какая-то иная сила. Которая сильнее финиста. Справедливее уж точно...

— И что же это за сила?

— Не знаю... Но думаю, старые боги не так мертвы, как говорят попы, — сказала Горислава. — И они больше достойны поклонения, чем южная курица.

— Хорошо сказала.

Оюун улыбнулась, глядя на свирепое лицо Гориславы, на нож, который она выхватила.

Степная змеиня стояла в некотором отдалении от них, и не одна. За её спиной маячил другой степняк — судя по широким плечам и мрачной роже, телохранитель. На нём, несмотря на жаркий день, была меховая шапка.

— И давно ты тут? — поинтересовалась Горислава.

— Некое время, — уклончиво ответила Оюун с улыбкой, которая так вызывала желание дать ей кулаком в и так плоский нос.

— И много ты слышала?

— Достаточно.

Горислава смотрела на телохранителя. Его лицо было каменным, но в глазах читалось ясно — только сделай движение в сторону моей подопечной, я от тебя мокрого места не оставлю. Рука змея лежала на рукояти кривого меча. Горислава, фыркнув, спрятала нож в ножны. Она не знала, есть ли у этого степняка внутреннее пламя, но проверять не хотела.

Купава решительно отодвинула Гориславу в сторону и, выйдя вперёд, вежливо поклонилась Оюун.

— Доброго вам утра, — сказала она. — Вы — та самая змеиня, которая приехала в Богомолье, верно? Мы о вас слышали. Меня зовут Купава, а это моя старшая сестра, Горислава. Но мне кажется, вы её уже знаете...

— О, среди пахарей есть кто знает учтивость! — Оюун усмехнулась. — Меня зовут Оюун... Оюун-нойон для вас.

— Приятно познакомиться, Оюун-нойон, — сказала Купава. Гориславе захотелось встряхнуть сестрицу за плечи и велеть не унижаться перед змеями.

— И мне удовольствие, Купава-эдзэн. «Эдзэн» — мы зовём тебе подобных, духов умерших, которые имеют плоть. Мы уважаем их, но они редко говорят со смертными. Говоря честно, ты первая, кого я вижу так близко, — Гориславе не нравилось, с каким голодным любопытством Оюун смотрит на Купаву, — Я думаю, что могу помочь твоему горю, эдзэн.

— Так вы степная ведьма?! — ахнула Купава, закрывая рот руками.

— Утган. Так нас называют.

— А я думала — кам, — проворчала Горислава.

— Мужчина — кам, женщина — утган, — ответила Оюун, даже не посмотрев на Гориславу. — Я говорю с огнём. Тем, который в очаге, и который в сердце. Сюда я пришла не случайно. Я желаю найти могилу своего предка.

— Что делает могила твоего предка тут... — сказала Горислава и нахмурилась. — Так твои предки сожгли город Кит?!

— Я из рода Шоно, которого вы зовёте Голодным Волком, — судя по лицу Оюун, никаких угрызений совести она не испытывала. — Он нашёл свою смерть под стенами города, и вместе с ним ушёл под воду.

— Ты веришь этой легенде? — спросила Горислава.

— Это не легенда, а правда. Город Кит там, под водой, — Оюун показала в сторону озера.

— Но почему тогда я его не нашла? — спросила Купава.

— Потому что он не в этом мире. Он в мире духов, вход в который под водой. Потому ты и ничего не нашла, Купава-эдзэн, у тебя нет ключа. Или знания. Скажи, кто учил тебя

быть эдзеном? Каковы твои силы?

— Не лезь не в своё дело, — сказала Горислава.

— Горька! — шикнула на неё Купава.

— Сладко! — отрезала Горислава. — Купавка, они нам незнакомцы. Они и так знают теперь, что ты этот самый эдзен, и если расскажут монахам — нам несдобровать. А ты ещё хочешь рассказать им про свои силы? Нельзя доверять незнакомым людям!

«А змеям — особенно», — добавила она мысленно.

— Да не собираюсь я ничего рассказывать! — сердито ответила Купава. — Оюун-нойон, к чему эти вопросы? Вы сказали, что можете мне помочь. Не буду скрывать — мне очень нужно попасть в одно место, которое на дне озера. Вы знаете, как?

— Я полагаю. Если даже эдзэн не нашёл прохода, то это значит одно: другие эдзэны закрыли его.

— То есть русалки Белояра ещё живы?! — заплаканные глаза Купавы вспыхнули.

— Я полагаю, — кивнула Оюун, глядя куда-то мимо русалки, словно не с ней говорила, а сама с собой. — Я полагаю, что выжившие эдзэны хорошо спрятались. Огонь и вода не друзья. Мне не сломать их печать. Нужно подождать, когда они сами откроют вход.

Она замолчала, поигрывая кончиком собственной косы.

— И? — недовольно прервала Горислава затянувшееся молчание.

— И мне кажется, Купава-эдзэн может дать ключ к этому, — сказала Оюун. — Ведь ты, эдзэн, спасла того монаха.

— Ну да... — Купава опустила глаза. — Горька, скажи ещё раз: ты сильно злишься?

— Ты поступила правильно, на что тут злиться. Только сама история какая-то странная. Чего его в воду потянуло-то? Утопиться решил, надеялся зрячим переродиться? — финистова церковь перерождения называла придумкой язычников, но её мнение для Гориславы как-то стремительно прекратило быть авторитетным.

— Понятия не имею! — Купава нервно теребила браслет. — Я как раз из воды собиралась вылезти, смотрю — он идёт. Я нырнула поглубже, не увидела сразу, что это слепой. Думала отплыть немного в сторону и из воды вылезти... Оглянулась — а он уже под воду уходит. Даже выплыть не пытается. Ну, я и... — она пожала плечами. — Может, мне нужно было оставить его тонуть?

— По мне, так да, — проворчала Горислава.

— Нет, эдзэн поступила правильно, — серьёзно сказала Оюун. — Души самоубийц обречены не знать перерождения, пока не искупят грех. Тот из нас, кто хочет умереть, просит кровных друзей.

— Убийство у вас грехом не считается, значит?

— Пролитие крови родича — да. Поэтому их надо душить, — Оюун пожала плечами. — Купава-эдзэн, ничего странного рядом не было?

— Нет! Я не видела ни одной русалки, если вы об этом, ни кого-то ещё. Или он сам решил утопиться, или просто не знал куда идёт!

— Или слепые глаза видели то что спрятано, — задумчиво сказала Оюун.

— Ты, кажется, очень хочешь верить в это, — сказала Горислава.

— Я не верю, я знаю, — Оюун нахмурилась. — Что-то там есть. И слепой видит это.

— А ведь и правда он так смотрел — если так можно сказать про слепца — как будто что-то видел, — задумчиво поддакнула Купава. — Что, если это был город Кит? Самоубийство — грех, но он считал, что это Финист ему показывает...

— И что теперь делать будете? — перебила русалку Горислава. Всё происходящее ей не нравилось. Они в месте, где полно монахов, собираются искать невидимых русалок, которые вряд ли будут в восторге от того что кто-то ломиться к ним в дом.

— Я поговорю с братом Даниилом, — сказала Оюун.

— Так тебе и позволит кто-то...

— Я сделаю главному монастыря хорошее... — степнячка задумчиво щёлкнула пальцами, — Дань? Цена?

— Пожертвование, — подсказала Купава.

— Да, да. И скажу, что видела знак. Что почти начала верить. Он не сможет устоять, — Оюун хищно улыбнулась.

— Богохульница, — сказала Горислава с некоторым уважением.

— У меня есть свои боги, — Оюун пожала плечами. — Белый Хан, Золотой Змей, и Мать-земля. Мне не нужен ещё один. Так вы со мной или нет?

— Но зачем это вам, Оюун-нойон? Я ищу на дне озера... Вы уже поняли, наверное. Древнее русалочье святилище. А вы...

— Могилу моего предка. Не думаю, что от тела что-то осталось, но даже часть одежды подойдёт. Нужно похоронить, чтобы его душа нашла перерождение в нашем роду, — сказала Оюун.

Купава нервно сжала браслет на запястье.

— Я... Я с вами, — сказала она. — Ваша цель благородна. А мне нужно найти святилище.

Горислава молчала; лишь когда стало понятно, что Оюун ждёт её ответа, он буркнула:

— Куда сестра, туда и я.

Оюун довольно кивнула и поднялась, звякнув многочисленными украшениями.

— Так и договорим, — сказала она. — Я знаю, где вас искать... — она задумчиво посмотрела на Купаву и вдруг спросила:

— Эдзэн, я хочу сделать тебе маленький дар, — и сняла один из браслетов со своего запястья. По сравнению с остальными её браслетами он действительно был маленький и тонкий — просто цепочка, с которой свисали бляшки с теснением в виде цветов и волчьих голов.

— Это серебро, — сразу поняла Горислава. — Маленький дар, говоришь?

— Серебро сверху, внутри стальной, — ответила Оюун. — Знак нашего рода.

Купава приняла браслет и вежливо поклонилась.

— Спасибо, Оюун-нойон, — сказала она. — У нас полагается одарить в ответ, поэтому... Вот, — она вытащила из-за пазухи куриного бога — речной камень со сквозной дырочкой. — Это я нашла на дне Белояра. Не сочти за обиду, это просто камешек, но у меня нет серебра...

— Дар из рук эдзэна ценен сам по себе, — Оюун приняла камешек обеими руками. — Спасибо, дочь реки. Нэргуй, — она сказала что-то на своём языке телохранителю в шерстяной шапке. Горислава успела забыть о его существовании — так тихо и неподвижно он стоял.

Когда степнячка со своим молчаливым спутником скрылись из виду, Купава спросила, глядя исподлобья:

— Будешь ругаться на меня? Что приняла подарок, что отдала ей камень, который я тебе хотела отдать...

Горислава в ответ душераздирающе зевнула.

— Не знаю. Я слишком хочу спать. И есть. Причём не знаю, что больше, — сказала она.

— Тогда пойдём поедим! Еремей наверняка знает о том, что я иконописца спасла, и хочет узнать эту историю от меня! — Купава улыбнулась своей сияющей — хоть и усталой — улыбкой. Горислава была рада её видеть. Русалка схватила её обеими руками за, как назло, покалеченную руку, и змеиня зашипела от боли.

— Ты так и не рассказала, что у тебя с пальцем, — сказала Купава, поспешно отпуская руку.

— Ну... — они шагали к Богомолью. Усталость от бессонной ночи и слабость из-за потери крови понемногу наваливались на плечи.

...

— Ты сделала ЧТО?! — с ужасом спросила Купава. — С ума свихнулась!! Тебя и на час нельзя одну оставить!

Она ворчала и причитала всю дорогу до Богомолья, мигом превратившись из младшей сестрицы в тётушку Бажену.

Горислава не знала, что степная змеиня наплела настоятелю монастыря и сколько серебра ему отсыпала (богатая она, выходит), но к вечеру она привела монаха. Нет, не Даниила.

— Отец Дорофей? — воскликнула Купава, а Горислава вспомнила: утром прошлого дня Даниил требовал от какого-то Дорофея разогнать толпу. Выходит, стоявшая у неё на плечах русалка смогла разглядеть и запомнить его лицо.

— Не «отец», только «брат», дева, — вздохнул монах. Он напомнил Гориславе попа Матвея, только менее рыжий и нервный. Он поклонился Купаве в землю. — Благодарю тебя за спасение моего духовного брата. Я друг его и поводырь, одну келью делим, потому и волнуюсь... Не то что-то с Даниилом происходит, — он понизил голос. — Давайте поговорим где-нибудь... Без людей.

Они продолжили беседу на берегу Белояра. С озера тянуло прохладой, несмотря на солнечный день.

— Он ведь не всегда слепой был. Начал в отрочестве терять зрение и отправился к Белояру, чтобы излечиться. Но... Не случилось чуда. Домой возвращаться не стал — на что слепой в хозяйстве нужен? Стал послушником. И чудо случилось, но не то, какое он хотел — открылся дар образа писать. Снисходит на него что-то, и он, как в бреду, требует дать краски. И пишет, пишет, — глаза брата Дорофея засияли. — Это настоящее чудо!

— Но что-то не так, — сказала Оюун. Монах пригорюнился.

— Его образа всегда были... немного не такими, как надо. Матери Финиста постоянно зелёные глаза рисует. Да и вообще рисует только святых дев, — голос Дорофея дрогнул. — Сначала, конечно, на это внимания не обращали. Чудо ведь. Так Финист пожелал. Князя к нам приезжали, пожертвования делали... — руки монаха нервно теребили рукава рясы. — Не подумайте дурного — хоть мы и люди божьи, серебро нам тоже надобно. Точнее, лишним не будет. Всё оно идёт на богоугодные дела... Не главное для нашего настоятеля серебро, поверьте — главное — прикоснуться вот к этому, божественному, вечному, видеть как чудо свершается своими глазами...

— О, я не сомневаюсь, — успокаивающе сказала Оюун, обворожительно улыбаясь.

— Вот и... Болтать братия стала потом. Почему наш брат только дев рисует? Матерь Финиста. Великая княгиня Хелига. Царица Александриана. Святая Варвара, защитница Мурова-града... И все не такие, как принято изображать. Один раз изобразил девицу простоволосую и улыбающуюся. Спрашиваю его — кто это? А он — откуда я знаю. Святая какая-то, сам говори, на кого похожа. Стыдно сказать, мне со странниками говорить пришлось. Один сказал — да это ж святая Фотина Перелесская, боярская дочь, говорит, целительница... Но о ней, говорит, уже мало кто помнит. Там история какая-то тёмная... И начала болтать братия, — сокрушённо повторил Дорофей. — Что не Финист посылает видения иконописцу, а диавол... — последнее он прошептал и тут же очертил пальцем солнечный круг. — Что под святыми ликами на его иконах спрятаны лики диавольские... Прости Неопалимый, ругался я с братьями, гневался. Сам ведь видел, как Дорофей образа пишет, нет там никаких диавольских ликов! Но всё равно что-то не то с братом моим происходит. Раздражительный стал, злой... Я ведь друг его, а он на меня огрызается, — лицо монаха потемнело от обиды. — А теперь вон к воде его потянуло. Что-то не то с ним. Какой-

то дух его мучает, соблазняет, манит, — Дорофей снова зашептал, — Какая-то русалка.

— Русалка? А разве их не всех убили? И разве они могут манить кого-то, оставаясь невидимыми? Видения посылать? — спросила Купава, глядя на монаха чистыми невинными глазами.

— Да вроде не могут, — Дорофей почесал затылок, — Я в нечестивой книге читал — это книга священная, где рассказывается о нечисти всякой — что они только в воду заманивают. Но кто знает, что может нечистая сила? Дьяволы они и есть дьяволы. Я уж и полынью его кровать обложил — говорят, от русалок хорошо помогает — а он эту полынь потом в меня швырял и кричал, что из-за её вони в келье дышать невозможно.

При слове «полынь» Купаву передёрнуло. Горислава поспешно спросила, отвлекая монаха на себя:

— Пряма-таки и швырял? Он ж слепой...

— Швырял. Не попадал, конечно, но... Как с ума свихнулся. А теперь вон в Белояр пошёл топиться. Слепой, а ночью из монастыря выбрался, через тайную дверь прошёл, как одержим чем-то, — вздохнул Дорофей.

— А сейчас с ним что? — спросила Оюун.

— В лазарете. Поправляется. Исповедь ему предстоит и покаяние. За стены его настоятель ещё долго не выпустит. Ох и зол он будет. Но может это его бесов защитит...

— Не защитит, бесы уже проходят через ваши стены, — сказала Оюун. — И ты это знаешь, брат Дорофей. Они будут мучать твоего друга. Пока не замучают смертельно. У меня есть решение. Ты должен выйти своего друга за стены монастыря, к озеру. Я выманю бесов. Мы их убьём.

— Я... Не считите за дерзость, сударыня, но вы не нашей веры, — нахмурился Дорофей. — Я вас совсем не знаю и доверять вам не могу. Я и поговорит-то хотел не с вами, а с девай, что моего друга из озера спасла. Купава, верно? Какое у вас церковное имя-то?

— Фотина, — если русалка и задумалась, то только на миг.

— Фотина... А по отчеству...

— Серафимовна, — Гориславе стоило больших усилий сохранить каменное лицо, когда она это услышала.

— Фотина Серафимовна, что вы скажете? — спросил поп. Купава задумалась. На несколько мгновений. Затем сказала:

— Я думаю, мы должны поверить Оюун-нойон. Она знает, что делает. Пусть она и иной веры — но бесы остаются бесами и для её народа. Её огонь — не чистый огонь Финиста Неопалимого, но это всё же огонь, а не тьма, — она дотронулась до руки монаха, глядя ему в глаза. — Мы должны попробовать спасти вашего друга.

И конечно, он не смог устоять против сияющих глаз Купавы. Да и кто бы смог.

— Купавка, слишком ты доверяешь этой степной ведьме, — сказала Горислава потом, когда они разошлись, договорившись встретиться ближе к полуночи на это же месте. Её мучило особенно дурное предчувствие.

— Ты, Горька, просто видишь всех змеев врагами...

— Они и есть враги.

— Но я не видела зла ни от одного змея, которого встречала!

— Ты встречала только трёх, не считая Хурги, — ехидно заметила Горислава. — А парой слов перекинулась только с двумя. Так что рановато тебе о змеях судить, сестричка.

Купава надулась, пытаясь найти, что ответить.

— Я не доверяю ей... — в конце концов пробурчала она. — Просто она моя единственная надежда добраться до святилища там, внизу.

— Если оно ещё есть.

— Тебе как будто не хочется, чтобы я его нашла! — сердито воскликнула Купава. — Если не нравится всё это — не приходи ночью! Ты там не особо нужна!!

Обида обожгла Гориславу, как огнём — почти в прямом смысле, ибо пламя внутри вспыхнуло; змеиня сжала кулаки, чтобы сдержаться и не ударить русалку.

— Вижу, ты нашла себе сестрёнку получше, да? — огрызнулась она. — Стоило мне тебе возразить... Засранка!

— Горька...

— Сладко! Делай что хочешь. Но ночью я с тобой. Может, я тебе не нужна, но мне на тебя не наплевать! В отличие от этой Ю-юн! — не дожидаясь оправданий и извинений, она повернулась к Купаве спиной и ушла прочь.

Хорошо иметь сестёр и братьев... До тех пор пока с ними не поссоришься. Как это случится, на душе становится погано, и кто прав, кто виноват — тоже непонятно.

Вроде права была Горислава. Но раз они условились, что она старшая сестра, разве она не должна сносить выходки младшей более сдержанно? Только вот слова Купавы «ты нам не особо нужна» резанули как ножом по сердцу. Хотя, казалось бы, зачем ей быть кому-то нужной, кроме как самой себе.

Они с Купавой не разговаривали до ночи. И ночью тоже. Как тогда, в Осиново. Отчасти это давало надежду — оно как-то само собой помирилось тогда. Может, так будет и в этот раз?

Хорошо бы. Только бы без кровожадной упырицы и почти-смерти Купавы.

Шагая к озеру и подавляя душераздирающий зевок (вторую ночь не поспать нормально!), Горислава втайне надеялась, что у Дорофея не получится привести Даниила. Монастырь — не тюрьма, но всё-таки окружён стенами, а двери на ночь закрывают, и вряд ли позволят слепцу и поводырю просто так шататься после захода солнца. Но надежда оказалась напрасной: в темноте замаячило две фигуры. Огонь в жаровне Оюун разгорелся сам собой, отражаясь в бельмах слепца, которого Дорофей вёл под руку.

— Ты привёл меня к озеру? — спросил Даниил. Горислава в первый раз видела его лицо так близко. Некрасивое, бледное, и нервное. И голос был под стать — резкий и тонкий. — Тут ещё кто-то! Кто?!

— Не бойся, брат Даннил, я не желаю тебе зла, — сказала Оюун мягко. Её телохранитель молчаливой скалой стоял за спиной змеини. — Я хочу помочь твоему горю...

— Горю?! — Даннил оскалился. — И как ты мне поможешь? Зрение мне вернёшь, змеиня? А? А?!

— Я могу помочь с твоими снами. Видениями...

— У меня нет никаких видений! Дорофей, что ты им наболтал?! — Даниил оттолкнул руку поводыря.

— Успокойся! Они хотят тебе помочь. Они могут тебе помочь... Я думаю. У девушки нож витязя. Они смогут спасти тебя от русалки, что тебя му...

Слепец молчал мгновение — а потом неожиданно ловко толкнул Дорофея.

— Отстань от меня! Ну почему вы все не можете просто оставить меня в покое! — сказал он сквозь зубы. — У меня нет никаких видений, я...

— Ты думаешь, мы собираемся лишить тебя видений? Ты ошибаешься, — сказала Оюун. Она осторожно положила руку Даниилу на плечо, и он сразу сник, тяжело дыша. — Мы просто хотим тебе помочь найти их источник.

— Правда? — прошептал слепец, поднимая глаза. — Вы найдёте... Её...

— Так всё-таки какой-то нечистый дух тебя преследует! — воскликнул Дорофей одновременно протестуя и негодуя.

— Знаешь, где мы? — спросила Оюун слепца.

— Озером пахнет, — сказал Даниил.

— Да. Здесь рядом русалочий камень. Когда-то сюда приходили, чтобы принести им жертвы и обратиться с просьбой. Когда построили монастырь, камень пытались вытащить из земли, но так и не смогли. Тогда сказали, что на этот камень упала горячая слеза Финистовой Матери, когда та смотрела на горящий город-Кит, и продолжили ему поклоняться...

— Что за богохульство! — брат Дорофей начертил в воздухе круг дрожащей рукой. — Финистова мать, прости эту язычницу...

— ...Но я уверена — русалки никуда не исчезли. И если ты обратишься к ним с этого места, они тебя услышат, — Оюун и бровью не повела. — Поверь мне. Или скорее поверь себе. Они посылают тебе видения. Значит, зачем-то ты им нужен...

— Данила, пойдём обратно! Я надеялся, что они могут тебе помочь — но сейчас я вижу, что эта язычница хочет... — Дорофей схватил собрата за рукав, но Даниил вырвался и сделал несколько неуверенных шагов вперёд. Телохранитель Оюун преградил путь Дорофею, угрожающе ухмыльнувшись. Степнячка подала слепцу руку, помогая подойти к камню. Горислава нахмурилась. «Во что я ввязалась? — тоскливо подумала она. — И ради чего? Могла бы спокойно спать сейчас. Ах да...»

Она обернулась на Купаву. Та была такая тихая и незаметная, что Горислава даже на какое-то время забыла, что она здесь. Ни улыбки, ни извинений змеиня от неё не дождалась: губы русалки были сжаты, а взгляд — сосредоточенный.

«Она не отступит. А я не оставлю её одну».

— Да что вы делаете! — Дорофей бросил бессильный взгляд на Гориславу в поисках поддержки. Та в ответ только зевнула. Даниил опустился на колени, коснувшись обеими руками камня.

— Русалки... Богини... Молю вас, — прошептал он, дрожа всем телом. — Ответьте мне. Скажите, зачем посылаете виденья? Я нужен вам? — он устремил невидящий взгляд на озеро. — Зачем? Скажите, я всё сделаю, только верните его... Верните мне зрение! — выкрикнул он обломившимся голосом.

Наступила тишина. Оюун покачивала жаровню, шепча что-то под нос, её глаза были прикрыты. Горислава непроизвольно опустила руку на рукоять ножа — но ничего необычного не происходило: никто не плескал в озеро, не крался из темноты...

— Данила, опомнись, ты ж ведь душу свою губишь! — бессильно воскликнул Дорофей. Пошарив в кошеле у себя на поясе, он вытащил плотно закупоренный пузырёк. Горислава спиной почувствовала, как напряглась Купава.

— Что это у вас? — спросила он, зажимая нос. Странно: Горислава никакого запаха не чувствовала...

— А, это? Жгучая полынная настойка, — Дорофей поболтал булькнувшим пузырьком. — Оружие против нечисти... Против русалок особенно. В Нечистой книге написано, что они даже запаха не выносят... Вот, захватил, у нас её готовят на всякий случай...

«Плохо».

— Купава, пошли. Всё это бессмысленно, — сказала Горислава, хватая сестру за руку.

— Но... — Купава бросила взгляд на молящегося слепца, потом — на пузырёк у монаха в руке.

— Пошли! — с нажимом повторила Горислава, потянув её за руку. И Купава, наклонив голову, подчинилась, но...

Если бы всё могло кончиться так просто!

— Что вы тут делаете так поздно? — прозвенел девичий голосок в ночной мгле. К берегу шагала конопатая девушка — та самая, которая позавчера созывала всех смотреть на чудо. Наброшенный на плечи платок трепал ветер. — Ночь же!

— Ульяна... А что ты делаешь? — удивился брат Дорофей.

— Да вы кричите так, что спать невозможно, — сказала Ульяна, наморщив нос. — Ой, брат Даниил! — она резво кинулась к стоящему на коленях монаху, — Что с вами?! Я могу помочь...

— Уйди! — огрызнулся Даниил, отталкивая протянутую руку.

Потом всё произошло одновременно.

Дорофей кинулся к брату по вере, но получил резкий толчок в грудь от телохранителя Оюун и опрокинулся на землю. Пузырёк вылетел у него из рук и разбился о русалочий камень. Брызги разлетелись во все стороны — Горислава едва успела закрыть собой Купаву; та со стоном уткнулась ей в спину, наверное, силясь скрыться от мерзкого запаха; а вот Ульяну было закрывать некому. Она с криком отпрянула, закрывая лицо ладонями. В мерцающем свете жаровни было видно, что капли, попавшие ей на руки, оставили ожоги.

«Что...»

— Ага! — торжествующе выкрикнула Оюун. — Я знала, что кто-то из вашего племени явится!

«Что?!»

— Ульяна... Уля... — дрожащим голосом сказал Дорофей, глядя на девушку снизу вверх; он всё ещё лежал на земле. — Ты...

Ульяна отняла руки от лица. Её веснушек как не бывало; кожа стала белой, как луна, а глазах прыгали зелёные искры.

— Не может быть... — простонал монах.

И тогда русалка Ульяна сорвала с плеч платок и швырнула его на землю. Молочно-белый туман взвился в воздух; мгновение — крошечное мгновение, меньше чем удар сердца — и Горислава ослепла. Вокруг была только белая мгла, куда более густая, чем туман Купавы. Паника сжала горло; она одной рукой выхватила нож, другой ещё сжав руку Купавы.

— Богини! — надтреснутый голос слепца раздался, кажется, совсем рядом. — Вы пришли! Молю вас, заберите меня из этого ада!

— Эдзэн, мы не желаем тебе зла! — почти одновременно выкрикнула Оюун.

— Нечисть! Нечисть проклятая! — выл брат Дорофей.

Не отпуская руку Купавы, Горислава отступала назад. Ульяна или как там её не могла погрузить в туман всю деревню; значит, нужно просто выйти из туманного облака. Главное

— не носиться в панике кругами, передвигаться осторожно и медленно. Это просто туман. Он не может причинить вреда...

Холодное дуновение коснулось лица змеини; Купава вскрикнула и вырвала руку из гориславиной.

— Куда, дурочка! — рявкнула та. И поняла: не по своей воле Купава вырвала руку — уж что-то, а трусихой её сестрица не была. Кто-то утащил её! Ещё один вскрик Купавы прозвучал уже в отдалении. Не думая ни о чём, с ножом наголо Горислава бросилась вперёд — и споткнулась обо что-то большое и мягкое. Она выругалась; выругалась ещё злее, когда поняла, обо что. Телохранитель Оюун, обладатель меховой шапки — или теперь надо было сказать «бывший обладатель»? — неподвижно лежал на земле. Железный запах крови пропитывал туман вокруг него. Рука, которой Горислава коснулась змея, теперь была испачкана тёмным, тёплым, липким.

И тогда Гориславе стало по-настоящему страшно. Так страшно, что она не смогла даже закричать.

Руки схватили её. Холодные, мокрые и очень сильные. Она извернулась, ударив ножом, и получив в ответ то ли стон, то ли рычание; но руки только сжали её сильнее. Пламя в сердце вспыхнуло, выжигая страх, но к паре холодных рук прибавилась другая, а потом и третья. Запястье сжали так, что хрустнули кости — и нож выпал на речной песок.

«Меня тащат к озеру», — поняла Горислава.

Она вырывалась. Вырывалась изо всех сил, но в этом тумане её огонь горел неохотно — как будто она пыталась разжечь сырые дрова.

А потом и вовсе погас — когда холодные возы озера Белояра сомкнулись над ней.

Горислава не удивилась, очнувшись в темнице. Она удивилась, что вообще очнулась. Некоторое время просто лежала, оценивая, насколько она помята. Выходило, что не очень: конечно, ей наставили синяков, пока тащили в озеро, и воды она наглоталась, но ничего, с чем её пламя не могло справиться.

Только вот само пламя в груди едва тлело.

Горислава заставила одеревеневшее тело сесть. Некоторое время она тупо смотрела на решётку — сырую, ржавую, покрытую какой-то тиной — затем перевела взгляд на позеленевшие стены. Пахло болотом. В зарешеченное окошко под потолком падал тусклый свет. Горислава моргнула — в очумевшей голове не сразу родилось понимание, что она попала в плен к русалкам. И сейчас находится, похоже, в легендарном святом граде-Ките.

Будь он трижды проклят.

За спиной всхлипнули. Обернувшись, Горислава увидела Оюун — та сжалась в углу, прижав к груди колени и уткнувшись в них носом. Вид у неё был не лучше, чем у мокрой крысы; но следов побоев видно не было.

— Что ревёшь? — хрипло спросила Горислава. — Не предполагала такого?

— Они... — всхлипнула степнячка, — они убили Нэргуя... Он пытался меня защитить...

— Твоего телохранителя? — Горислава подёргала ржавую решётку. Несмотря на хрупкий вид, держалась она крепко. За ней виднелся коридор, пол которого влажно блестел.

— Он был со мной всегда... С того самого момента, как я сделала свой первый шаг, — прошептала Оюун. — А теперь его просто... Нет. Я потеряла его...

Горислава попыталась найти в себе хоть каплю сочувствия — и не смогла. Не только потому, что Нэргуй был для неё просто молчаливым громилой в меховой шапке.

— Ты серьёзно думала, что русалки встретят нас хлебом-солью? — сказала она желчно. — Если это действительно бывшие жители града-Кита, то они ненавидят змеев больше, чем кого-либо. А мы с собой ещё двух монахов притащили, последователей тех, кто русалок убивал. Да ещё и этой, полынной настойкой, их святой камень залили! — Горислава не смогла сдержать сардонического смешка. — Знаешь, худшее приветствие невозможно придумать!

— Если ты такая умная, то зачем в это влезла? — огрызнулась Оюун. Она сейчас казалась совсем девочкой, не старше Гориславы.

— Угадай с трёх раз, зачем, — змеиня ещё раз подёргала решётку. Скорее чтобы чем-то занять руки чем серьёзно надеясь её разломать. — Купава. Для тебя она просто наивная девочка, которой можно просто заморочить голову, чтобы заставить плясать под твою дудку... Но мне она сестра. Названная, конечно, но сестра.

— Твоя эдзен не наивная дурочка, она знала, на что идёт.

— Серьёзно? Судя по тому, что сейчас ты размазываешь сопли, сидя в сырой темнице, даже ты не знала, на что идёшь, — фыркнула Горислава. — Чего ты вообще хотела добиться?!

— Слепец Даниил — особенный. Одарённый. Кам, — сказала Оюун. — Так иногда бывает. Духи дают дар, но забирают что-то. Зрение, слух, ноги, или родичей... Если такой взывает к духам, они отвечают на зов. Я хотела, чтобы Даниил позвал... В священном

месте... Но проклятый Дорофей со своей полынью всё испортил! — Оюун сердито ударила кулаком по заплесневелой стене.

— Всё было испорчено ещё до полыни, когда вы, степные твари, пришли на наши земли и принялись сжигать города, — буркнула Горислава. Она пыталась выглянуть в окно под потолком, но оно было слишком высоко. Всё, что она могла увидеть — небо. Вроде обычное, на первый взгляд, но на второй — его синева была глубже и ярче, чем змеиня привыкла видеть. Она дёрнула плечами, прогоняя бегущие по спине мурашки; где бы они не были, это был... Не обычный мир.

— К слову. Я не думала, что русалки будут такими сильными, — сказала Горислава, пытаясь справиться с грызущим её страхом. — Я-то думала, что они только колдовать горазды, а они, оказываются, могут и навешать.

— Это были не русалки, — сказала Оюун. Её голос был едва слышен за тяжёлым шлёпаньем по коридору. По ту сторону решётки возникла огромная фигура: раздутый живот мотался между кривыми ногами, длинные руки сжимали нечто вроде копья. Существо покрывала серо-зелёная чешуя, а глаза были тусклые, рыбы, но Горислава сразу поняла — перед ней нечто, что некогда было человеком.

Пока не утонуло.

Существо окинуло их взглядом — покрытое наростами лицо оставалось непроницаемым — а затем издало полухрип-полушипение, оскалив мелкие острые зубы. И вперевалку пошло прочь, помахивая мясистым рыбьим хвостом между ягодицами.

— Вот чёрт... Это водяник, — пробормотала Горислава ошеломлённо. Водяные вместе с русалками были героями быличек и небылиц — но стоило ли говорить, что змеиня никогда не видела их, только слышала рассказы. Поговаривали, что они разделили судьбу русалок — были перебиты при Андрии Богонравном. Врали, выходит. Как и врали насчёт того, что водяник главный надо всеми русалками. Этот не выглядел главным — просто стражником в тюрьме.

Горислава медленно сползла по стенке на пол, наконец осознавая, в какой переплёт попала. Горло сжимал страх.

— Оюун, — кажется, она в первый раз назвала степнячку по имени, — У тебя есть какой-нибудь план?

Степнячка покачала головой.

— Они забрали мою жаровню. И убили моего защитника. Я... Я бессильна, — прошептала она.

— Значит, нам остаётся надеяться на Купаву и её медовые речи, — сказала Горислава, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

По улицам святого града-Кита гулял свежий ветер и пахло рекой. Кричали чайки. Журчала вода — вместо некоторых улиц тут были вырыты каналы. Другие же были замощены брусчаткой, влажно блестящей в свете солнца, которое тут было больше... чем в обычном мире.

Купава не знала, где она находится, где сейчас находится город Кит. Он стоял на острове посреди огромного озера, берега которого терялись в тумане. Несмотря на невеликие размеры, он казался полупустым. Жизнь тут не бурлила, а неторопливо текла. По

улицам расхаживали женщины, некоторые — в сарафанах, другие же были облачены в мужскую одежду. А может, это и были мужчины, миловидные безусые юноши.

Других мужчин тут не было. Были толстые люди-рыбы, плававшие по каналам. Городские не обращали на них внимания — а вот Купава вздрогнула, когда такой вдруг вынырнул, окинул взглядом улицу — и снова нырнул под воду. Над белокаменными строениями и синими крышами возвышалась церква с колокольней. Только символа Финиста над ними не было. Да и откуда ему быть, в городе русалок-то...

Купава вздохнула. При других обстоятельствах она была бы в восторге, очутившись в таком волшебном месте. Но сейчас могла думать только о Гориславе. И немного об Оюун. Судьба монахов её беспокоила гораздо меньше.

Она сидела в тереме, комнате светлой и просторной, и смотрела на улицы русалочьего града сквозь широкое окно — рама со слюдяной мозаикой была открыта. Только вот дверь заперта снаружи. Конечно, это не проблема: если Купава захочет сбежать, то просто вылезет в окно, легко спрыгнет на крышу вон того дома внизу, потом — на соседнюю, и... И куда? С острова не сбежать, что скрывается за туманом на чужих берегах — неизвестно, а тут где-то заперли Гориславу и ту степнячку. Русалки сказали, что они живы. Пока живы. Змеи были нежеланными гостями в святом граде.

Ещё более нежеланными, чем сама Купава.

«Прости, Горька, — в который раз подумала она. — Ну почему ты со мной пошла? Мне нужно было попасть в это святилище, не тебе. Нет, полезла вместе со мной в пасть к зверю! А теперь сиди и волнуйся за тебя!»

Совесь грызла её немилосердно. По всему выходило что это Купава подставила шею сестры под топор. Сначала обидела её неосторожными словами, а потом подставила. Горька не понимала, насколько важно для Купавы попасть к святилищу, узнать... Наконец узнать... Купава сжала стеклянный браслет, чувствуя, как в сердце поднимается знакомая, сосущая пустота. Жажда вспомнить то, что было у неё отнято.

Но разве Горислава заслужила стать жертвой её жажды?

Не заслужила, но сама пошла с ней! Значит, вина не на Купаве!

«Дурочка, она пошла, потому что боялась за тебя!» — сердито крикнула на себя Купава, до крови закусывая губу.

За спиной загремел засов. Купава обернулась, заставляя себя отвлечься от бесполезного самоедства. Горька ещё жива. Значит, не всё потеряно, значит, она ещё может всё исправить.

— Выходи, дева, — сказала русалка на пороге. Она выглядела совсем как обычная женщина, не считая распущенных волос и изумрудно-зелёных глаз. — Старшая сестра, владычица Белояра согласна видеть тебя.

Русалки провели её через двор, к церкви. Если без символа Финиста её можно было назвать церковью. Купава близко людские храмы не рассматривала из страха, что на неё кара обрушится или что-то такое, но даже при этом заметила отличия. Ну, вряд ли стены в церквях расписывать женщинами-птицами, белокрылыми и чернокрылыми, и женщинами с рыбьими хвостами вместо ног, плескавшимися в воде. И точно там не было деревянного трона, на котором сидела простоволосая женщина. Из-под подола длинной, неопоясанной белой рубахи выглядывали голые ступни ног.

Провожатые Купавы остановились. Русалка же сделала решительный шаг вперёд и низко поклонилась. Она понятия не имела, правильно ли поступает — делала так, как подсказывало сердце.

— Старшая сестра, я смиренно прошу вашей помощи, — сказала она. — Во имя милосердия Богини.

Старшая смотрела на неё внимательным, холодным взглядом. На её лице не было морщин, а волосы были просто светлыми, не седыми, но Купава могла с уверенностью сказать — перед ней очень и очень старая женщина. Наверное, потому что глаза у неё были блёклые и подёрнутые дымкой вечной усталости.

Старшая неторопливо встала, сделала несколько шагов и медленным, плавным движением взяла Купаву за подбородок.

— Знаешь ли ты, с кем говоришь, дева? — спросила она негромко, но голос её наполнил всю не-церкву.

— Со старшей сестрой. С озёрной владычицей Белоярой, — выдохнула Купава. Русалка вглядывалась в неё своими блёклыми глазами, а затем сказала:

— Малёк. Нет, даже не малёк. Икринка. Вот кто ты, — и отпустила Купаву. Она повернулась к ней спиной, глядя в глаза женщины, изображение которой занимало всю стену. — Богиня, зачем ты послала ко мне это дитя?

Женщина смотрела со стены спокойным и мудрым взором. Чем-то она напоминала ведьму Параскеву — рыжеватыми волосами, наверное, или зелёными глазами. Справа и слева от женщины стояли девушки, тоже зеленоглазые, но у одной волосы были золотые, а у другой, белокожей — чёрные, как вороново крыло.

«Богиня», — повторила Купава одними губами. Так вот как она выглядит... Точнее, как её рисуют... Значит, вот так она и выглядела в те времена, когда боги были живы? Или же это просто кто-то намалевал первое лицо, что в голову пришло?

— Она не знает наших путей, Богиня. Ни нашего долга. Но она пришла сюда. И привела скверну — двух убийц и двух проклятых, — пожаловалась Белояра изображению на стене. — Должна ли я простить её?

Тишина затянулась. Белояра невидящим взглядом смотрела на стену. Русалки вокруг молчали. Кто-то уже начал переминаясь с ноги на ногу. Наконец Купава решила прервать молчание:

— Я... Кое-что знаю на нашем долге.

Белояра резко обернулась — волосы взвились, как белое крыло — и уставилась на неё взглядом гневным и растерянным, как человек, которого разбудили среди ночи.

— И что же? Что может знать такой малёк неразумный, как ты?

— Мы должны хранить... Защищать смертных от упырей и других злых духов, — сказала Купава, надеясь, что не очень разозлила Белояру.

— И кто же тебе такое сказал?

— Одна ведьма.

Белрояра села на трон. Тонкие белые пальцы обхватили подлокотники.

— Как интересно. Она была твоей наставницей?

— Она мне немного рассказывала о магии, о мире вокруг... О Богине... Но об этом святилище мне рассказали русалки в Рóсе, — сказала Купава.

Белояра некоторое время молчала, глядя перед собой невидящим взглядом.

— Наш долг, — наконец сказала она, — действительно таков. Защищать смертных от

тех, кто не нашёл после смерти покоя или предназначения. Охранять ту границу, что разделяет мир живых и мир мёртвых. Но мы настолько хорошо исполняли свой долг, что в какой-то момент мы просто прекратили быть им нужны, — в голосе русалки прозвала ядовитая горечь.

— Вы же... Одна из тех русалок, что была здесь с самого начала? — ахнула Купава, догадываясь. — То есть из старого святилища?!

Когда глаза Белояры сверкнули гневом, она поняла, что сболтнула лишнее.

— Да, малёк. Я дитя того мира, что умер. Последний осколок, последняя из сестёр. Я выжила, когда они пали, затаилась в глубинах... Потерянная, молящая Богиню о том, чтобы она указала путь... Год за годом. Пока не услышала голоса, которые зывали к Богине. Целый хор. Они молили о прощении. О защите, — скорбь в голосе Белояры сменилась мрачным торжеством. Краем глаза Купава видела, как опустили головы сопровождавшие её русалки. На их лицах мелькнул страх и стыд. — Те люди, что звали нас нечистыми и заманивали в ловушки, начали умолять о спасении. Я поступила так, как велит путь Богини. Даровала им Её милосердие, Её объятие. И с тех пор они служат мне, служат Богине, искупая грехи предков. Здесь, на дне священного озера, мы ждём часа, когда смертные вновь взмолятся нам. Тогда мы вернёмся... И с нами вернётся старый мир. Сто лет, сто по сто лет, неважно, мы будем ждать. Хочешь ли ты присоединиться к нам в этом дозоре, дева?

— Нет, — сказала Купава удивлённо. — Простите, я...

— Зачем же ты потревожила нас, неразумная икринка? Зачем тратишь моё время? — белые пальца Белояры сжали подлокотники, и на мгновение они показались Купаве старыми и сморщенными.

— Я узнала об этом святилище у старших сестёр. Они говорили мне, что здесь живёт голос самой Живы. И я смогу узнать здесь ответы на мучающий меня вопрос, — выпалила Купава, сжимая в пальцах стеклянный браслет.

— А сёстры твои говорили тебе, что путь к Гласу Богини лежит через тяжёлые испытания? — голос Белояры громом прогремел под сводами не-церквы. Глаза её были полны гнева.

— Нет, но я готова их пройти, ведь ничего больше не остаётся, — твёрдо сказала Купава. —

Дело в том, что я не помню ничего из смертной жизни, и хочу это исправить.

— Не помнишь? — протянула владычица. — Возможно, такова воля Богини. А возможно... Тебе удалось заинтересовать меня, дитя.

Кажется, её глаза стали немного добрее. Поэтому Купава снова заговорила, склонившись в поклоне.

— А ещё... Владычица Белояра, я прошу вас о милосердии для моих спутников...

— О. Конечно, — Белояра сделала усталый вздох. — Конечно ты попросишь. Но скажи, дева, почему я должна его дать? Ты привела двоих... Последователей того же бога, что и наши убийцы. А ещё двоих осквернённых. Они живы лишь потому, что обе носят твой знак. А ты, я смотрю, носишь их знаки. В старые времена до подобного не опускалась ни одна из моих сестёр. Ты воистину невежественна, кривое отражение того, чем должна быть русалка!

Купава сжала кулаки, чувствуя, что начинает злиться. Пренебрежительный, высокомерный тон — да как она смеет говорить так со своей сестрой, пусть она даже трижды владычица озера?

— Я не знаю ваших путей и правил, Владычица Белояра, — сказала она, тем не менее,

вежливо. — Меня не обучили им. Мне лишь сказали, что Богиня милосердна и отвечает на добро добром. А мои спутники не причинили зла ни мне, ни моему племени. Одну я назвала своей сестрой, — Купава дерзко посмотрела царице прямо в глаза. — Скажите, что я поняла неправильно, Владычица?

Наступила жутковатая тишина. «Мне конец. Нам конец», — подумала Купава с ужасом... И восторгом? То же самое она чувствовала, когда в Лукорецке убегала от погони. Она перевела дыхание и продолжила:

— Моя вина в том, что я... Пыталась ворваться к вам без приглашения. Но я лишь хотела попасть в святилище. Я готова пройти испытания, если надо — но я понятия не имела, как... Позвать вас. Обратится к вам. Степная ведьма предложила помощь, и я приняла её. Но разве она причинила вред хоть кому-то из вас? Разве она пыталась проникнуть в святилище? Равно как и монахи. Они лишь стали жертвами моей... Глупости.

— Воистину, глупости, — Белояра слушала её, облокотившись на один из подлокотников. — Малёк неразумный, подумай о том, что теперь о нашем граде знает четверо тех, кому знать о нём не следует.

— Я могу поклясться, что сестрица никому не расскажет...

— А степнячка? А монахи? — спросила Белояра, и Купава не нашлась, что ответить. Владычица продолжила:

— Они не будут молчать. Как ты уже поняла, некоторые мои сёстры живут среди людей — и если правда о граде-Ките выплывает, что станет с ними? Что станет со всеми нами? Сердца поклонников Финиста из камня, а их ал-кемию мы уже один раз недооценили... Нечего сказать, дева? — Белояра улыбнулась нежно-нежно. — На твой счастье, я чту заветы Богини, а она велела быть милосердной. Потому... Знаешь ли ты, где мы сейчас находимся?

— На дне озера Белояр, — сказала Купава. Ох и не нравился ей подобрешший голос владычицы.

— Тогда почему над нами небо и солнце? — спросила владычица. — Нет, дитя, мы в Нави.

Купава непроизвольно сглотнула: мысль о том, что они сейчас прибывают в мире мёртвых из страшных сказок, пугала, даром что она сама была нежитью.

— Навь — отражение явного мира в тёмной воде. Сейчас там полночь, а у нас ясный день. Там волшебство течёт тонким ручейком, а здесь — бурной рекой. Хочешь исправить свои ошибки? Хочешь поговорить с Гласом Богини? Тогда садись в лодку отправляйся на навьи берега. Принеси мне пучок травы забвения — зелье из неё заставит твоих друзей забыть, что они слышали и видели, и наша тайна останется тайной.

Купава стиснула стеклянный браслет изо всех сил.

— И... Вы дадите мне возможность обратиться к Гласу Богини? — «Чем бы и кем бы они ни был...»

— Дам, дитя. Это будет твоим испытанием, и нелёгким. В навьем мире обитает множество опасных тварей. На твоё счастье, эта трава растёт не так далеко от берега — иначе мы не смогли бы собирать её, и другие травы — так что не считай испытание смертным приговором. Клянусь перед ликом Великой Матери и её дочерей, что если трава забвения будет у меня в руках, твои друзья покинут наши владения целыми и невредимыми, не считая потерянных воспоминаний. Ты же получишь возможность предстать перед Гласом Живы.

— И тоже смогу покинуть ваши владения... целой и невредимой? — с опаской уточнила

Купава. Белояра кивнула.

Купава глубоко вздохнула. Не верила она словам Владычицы — хоть та поклялась перед ликом Богини. Верила злomu и гневному блеску у неё в глазах. Верила своему сердцу, которое кричало — всё это хорошо, слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Но что ей оставалось?

Купава подняла глаза на Богиню. Та смотрела на неё прямо, без злобы, но и без улыбки. В глазах её читалось: ты совершила глупость — тебе и платить по счетам.

Поэтому русалка перевела взгляд на Белояру и сказала:

— Я согласна, старшая сестра. Только... Опишите мне, как это трава выглядит-то.

В дорогу ей дали нож для срезания трав, сделанный из острого осколка ракушки, и свечу. «Зажжётся сама собой, когда войдёшь в навий лес, — сказала русалка, что вручила ей эти вещи. Её звали Осока и она была здешней травницей. — Учти, что Богиня не будет тебя защищать там. Это земля Велеха, бога всех тварей — а он мёртв». Купава обречённо кивнула; на защиту она не надеялась.

Девушку, которая правила лодкой, она узнала сразу.

— Ульяна, да? — спросила Купава, когда они отчалили от пристани в густой туман. — Эта полынь... — её передёрнуло от одного воспоминания об отвратительной вони, — не слишком обожгла тебя?

— Да уж изрядно, — проворчала Ульяна. В русалочьем облике на её лице не было и следа веснушек, и сама она казалась гораздо старше — не девочка, а взрослая девушка. — Не помню, когда мне в последний раз было так больно. Хорошо, что у Осоки есть снадобия на все случаи... — она вздохнула, — И снадобие забвения есть тоже. Зачем Старшей тебя посылать за травой — уму непостижимо...

— Хочет испытать меня, вестимо, — Купава интересом смотрела за борт. Кажется, там, под водой, проплыло что-то огромное и змееподобное. Такая рыба?

— Ты первая русалка за все эти годы — а ведь прошла почти сотня лет — которая пришла в наше Святилище. Или точнее заставила нас тебя впустить, — усмехнулась Ульяна. — И мы тебя вот так принимаем. Ну, притащила ты монахов, и что? Вот змеев — другое дело... До сих пор смотреть на них не могу...

— Почему? Погоди-ка — ты одна жительниц старого Кита?! — ахнула Купава.

— Как и все мы, кроме Владычицы Белояры, — сказала Ульяна хмуро.

Град-Кит удалялся, постепенно исчезая, растворяясь в белой дымке. Вскоре вокруг не осталось ничего, кроме тумана и чёрной воды внизу. Купаве стало не по себе, но Ульяна правила лодкой уверенно.

— Как это... С вами случилось? Нет, если тяжело, можешь не рассказывать... — осторожно попросила Купава.

— Тяжело. Но я расскажу. Жила я обычной жизнью, жених уже был, сватов скоро присылать был должен... В церкву ходила каждый седьмой день. Веровала в Финиста, — Ульяна рассеянно опустила руку в воду. В тёмной глубине вспыхнули изжелта-зелёные огоньки, и крошечные светящиеся рыбки закружили вокруг пальцев русалки. — Недостаточно, видимо. Когда пришли змеи и осадили город, мы прятались в церкви, как и полагается при осаде. Каменное здание, не сгорит. Молились. Если ад и существует, то он вот такой вот. Народу набилось, что рёбра трещат... Дети плачут, взрослые тоже... Священник читает молитвы... Кадилом дымит, дышать невозможно, — Ульяна резко вытащила руку из воды, стряхивая капли. — Молились мы, — повторила она. — А потом в дверь ввалился Никодим Егорыч... Весь окровавленный, кричит: «Змеи прорвались!». А что они делают с населением городов, все мы знаем... Священник ещё молится, но его уже не слышно. Все кричат. Молят Финиста о спасении. Я тоже кричала... Верила, что если кричать хором, небеса услышат. Они не услышали. А потом змеи ворвались. Резня началась. Помню их лица: желтые глаза горят, на лицах ухмылки, как волчьих мордах...

— Горислава не такая, — сказала Купава. Не могла не сказать.

— Откуда ты знаешь? — Ульяна недобро усмехнулась. — По мне так у них у всех внутри диавол сидит. Ладно, речь не о твоей сестре. О том, что было. Вдруг кто-то закричал: «Богиня! Богиня, спаси нас! Матушка-земля! Свентана!». И люди это подхватили. А потом всё словно застыло. И я услышала голос. Все услышали.

— Голос Белояры? — спросила Купава.

— Да, Старшей. Она спросила меня, нас всех, наверное, готовы ли мы отречься от Финиста, и поклониться истинным богам...

— И ты отреклась?

— Да. Отреклась, — Ульяна смотрела невидящим взглядом на воду. — Я не герой и не святая, я от чего угодно готова была отречься, только бы из этого ада спастись. Потом пол треснул и в церкву хлынула вода. За какие-то пару ударов сердца заполнила всю церкву до потолка. Когда схлынула, половина народа была мертва. Кого-то змеи прирезали, кто-то подавили, а кто-то, наверное, вестимо, не отрёкся. Поп наш например. Кто отрёкся — стали такими вот.

— Русалками, — выдохнула Купава. — А что с мужчинами? Они стали... Русалами? Русалы бывают? Я просто на улицах почти не видела мужчин...

— О, — Ульяна горько усмехнулась, — Только несколько безусых юношей стало русалками. Остальные же...

В воде что-то забулькало, и прямо перед носом лодки вынырнула покрытая зелёной чешуёй голова с усами, как у сома. Тусклые рыбы глаза уставились на Купаву.

— Здравствуйте, Никодим Егорович, — Ульяна махнула ему рукой. Существо издало булькающий звук. — Мы к пристани. Всё тихо?

Рыбо-человек снова булькнул и ушёл под воду.

— Вот такими они стали, — грустно сказала Ульяна, провожая взглядом Никодима. — Водяниками их Владычица Белояра называет. Она сказала, что Жива, мать всех русалок, берёт под своё белое крыло лишь девушек и очень редко — юношей. А мужчины... В старые времена они служили Велеху, богу тварей лесных. Но когда боги умерли, Велеховы слуги стали совсем дикими, как звери. Сначала они могли говорить, и были такие, как до обращения. Но день за днём они менялись, и сейчас... Хоть рядом с нами, даже слушаются нас, но уже совсем другие.

Она с болью посмотрела на Купаву, и та сочувственно коснулась руки Ульяны.

— Вот я тебе всё и рассказала, чужачка. Не смогла удержать в себе. В городе ведь про это ни с кем не поговоришь. За эти сто лет знаем друг друга, как свою ладонь, надоели друг другу. Детишек-то у нас не рождается, а те, что были, уж с умом совсем взрослым, некоторые выросли даже, хоть и нежить. Я потому и выбрала жить в Богомолье, приглядывать за людьми, за монахами, пусть и опасно это. Потому что невыносимо было видеть одни и те же лица каждый день. Не чувствуешь, что живёшь, как будто спишь и проснуться не можешь. Купава — так ведь тебя зовут? Что скажешь? Кто мы? Мы спаслись — или прокляли свои души навечно?

Лодка глухо ударила о причал. Из тумана стеной вставал тёмный лес, в котором поблёскивали тусклые холодные огни. То ли гнилушки, то ли чьи-то глаза. Купава посмотрела на них — а затем на тоскливое лицо Ульяны.

— Ты... Ближе в Богине, чем мы, — тихо сказала та. — Ты обратилась не из страха, как мы... А... Из-за чего?

— Не помню.

Это девушке — женщине, нежити — нужен был её ответ. Но какой ответ Купава могла дать? Неразумный малёк, из-за глупости которого старшая сестрица оказалась в смертельной опасности. Поэтому она просто обняла Ульяну.

— Не помню и не знаю, — прошептала Купава на ухо русалочьей сестре. — Просто... Ты ведь не делаешь никому зла, верно? Тогда какая же ты проклятая?

Так она всегда успокаивала себя; была надежда, что и Ульяне эти слова помогут. По крайней мере, глаза русалки стали задумчивыми. Купава осторожно выбралась из лодки, сжимая свечу, которая тут же вспыхнула белёсым светом.

— Ну... До свиданья. Пожелай мне удачи, — сказала она с деланным весельем. На самом деле у неё нутро смёрзлось от страха.

— Да хранит тебя Богиня, девочка, — сказала Ульяна, закидывая рыжую прядку за ухо. — Я буду ждать тебя до вечера. Просто выйди на причал и подними свечу над головой, её свет даже через туман видно.

Купава глубоко вдохнула — будто это чем-то могло помочь — и шагнула в тёмную чашу.

Навий лес выглядел почти как обычный. Просто очень тёмный: ветки сплетались над головой так, что ни один луч солнца не проникал. И деревья были больше — толще и выше. И мох на них рос более густой. В глубоких складках коры что-то копошилось, а в дуплах порой мелькали светящиеся глаза. Любопытствовали или оценивали, насколько вкусный из Купавы получится обед, русалка не знала.

«Держись тропы и смотри на знаки на деревьях, — сказала ей травница Осока. — Их оставили мы. Иногда лесные твари их слизывают, приходится постоянно обновлять, но они укажут тебе путь к тем местам, где мы обычно собираем целебные травы».

Тропы, ага. Её было не разглядеть — просто место, в котором было чуть меньше травы, чем во всех остальных. Но оставленные русалками знаки вспыхивали в свете свечи, как гнилушки. Первый светящийся знак — волнистую линию — Купава заметила сразу. Через несколько шагов — ещё один. Это радовало. Выходило, что путь к заветной поляне выйдет не таким уж и сложным, если, конечно, Осока не обманула её. Но свой платок Купава крепко сжимала в руке, готовая при малейшем признаке опасности напустить тумана (и надеясь, что здешних обитателей это способно хотя бы отвлечь на пару мгновений).

Пока что всё живое — ну, насколько можно назвать живыми существ, обитающих в мире мёртвых — не особо интересовалось Купавой. Чёрные блестящие многоножки копошились в гниющем стволе. Пробежала по древесному стволу огромная ящерица с двумя головами. Каркал высоко в темноте ворон — Купава не видела его, только светящиеся красным глаза.

«А тут интересно», — подумала она, и едва увернулась от нетопыря, спикировавшего с дерева. Русалка отмахнулась от него свечой — и существо с писком поспешило убраться подобра-поздорову.

— Ну и ну, — пробормотала Купава. Сердце колотилось, как бешеное. — Не теряй бдительности, дурочка.

Поэтому, когда за деревьями забрезжил свет, она не кинулась к нему радостно бегом — хоть и очень хотелось — а шла осторожно, крепко сжимая свечу в пальцах, и готовая к

любой гадости. Но впереди действительно оказалась поляна, залитая здешним солнцем, а единственным неприятным сюрпризом были заросли полыни, притулившиеся в ложбине. Конечно, подходить к полыни Купава не стала, тем более что какая-то тварь уже прошлась по полынному пятну, обломала пару стеблей, и от омерзительного для всякой русалки запаха чуть наизнанку не выворачивало. Она подождала, пока глаза привыкнут к свету — и опустила на колени, высматривая нужную траву. Как там сказала Осока? Мелкие такие розовые цветочки... Ага, вот она!

«Неужто всё будет так просто? — подумала она, и тут же услышала над головой хлопанье крыльев птицы.

Огромной.

Сидеть в плену у русалок было скучно. Конечно, Горислава должна была радоваться, что её не пытаются, и что внутреннее пламя надёжно защищает её от сырого холода — но когда из развлечений только разглядывать мрачную и молчаливую степнячку, веселиться трудно. Она, кажется, изучила каждый камешек темницы, каждое пятнышко плесени, и даже не вздрагивала, когда мимо решётки шлёпал страхолюдный водяник. В итоге она уселась в противоположный от Оюун угол камеры и даже задремала; но проклятые русалки, конечно, не дали ей даже поспать.

— Вставай! — грубый окрик сопровождался тычком копья (к счастью, тупо стороной) в плечо. Горислава, ворча под нос ругательство, поднялась на ноги. В камере стояло трое русалок с лицами вредных девчонок, загнавших жертву своих издевательств в угол. В Изоке Горислава с такими разбиралась просто: врезать одной кулаком в нос, да посильнее, остальные сами разбегутся. Она была уверена, что и с русалками сможет разобраться так же. Если они ведьмачат не лучше Купавки, конечно; та была быстрой, но не сильной. Только вот русалки были не одни: с ними была пара водяников, таких толстых, что они в камеру едва влезали. Эти не испугаются разбитого носа, свернут шею в ответ...

— Что вам надо? — хмуро спросила Горислава, потирая ушибленное плечо. — Где Купава? Сестрица моя...

— Русалка змее не сестра, — фыркнула одна из русалок, та что держала копьё. — Пошли.

Оюун маячила за спинами русалок; водяник держал огромную руку с перепонками между пальцами у неё на плече. Вид у степнячки был сосредоточенный: наверное, пыталась просчитать, куда их поведут и что с ними сделают.

Горислава ничего просчитать не пыталась. Она чуяла: придётся драться. Но с кем?

Их не связали, но два вооружённых копьями водяника отбивали всякое желание попытаться сбежать — и пришлось покорно идти за русалками. Их вели по коридору, мимо скрывавшихся за ржавыми решётками темниц. Все были пусты. Горислава невольно задумалась: если они действительно в Граде-Ките, то почему тут столько темниц? Целое подземелье, как у Кощея, навьего князя, из сказки... Додуматься до чего-то определённого она не успела. Неожиданно они пришли в просторную пещеру — под ногами хлюпала вода, с потолка свисали каменные сосульки. В нишах стояли свечи, горевшие белёсым пламенем, которому, похоже, было плевать на сырость.

А ещё там были их с Купавой старые знакомые — монахи. Оба выглядели целыми и

невредимыми, хотя Дорофей был, кажется, сильно перепуган. Он поддерживал слепого Даниила за руку, но при этом вцепился в собрата так, будто сам боялся упасть. Слепец же выглядел скорее заинтересованным. Горислава удивлённо отметила, что рада их видеть. Только вот...

— Где Купава? — спросила она русалок снова.

— Лучше б о себе побеспокоилась, — фыркнула одна из злых девчонок, видимо, их предводительница. — Смотрите, монахи. Нравится?

— Святотатство, — пробормотал Дорофей, дрожащим пальцем чертя солнечный круг. Горислава огляделась и поняла, о чём говорила русалка: у стену, покрытые плесенью и почерневшие от влаги, были свалены священные образа и книги. Кое-где поблёскивала золотая утварь — тоже церковная, вестимо.

Воистину святотатство. Но, может, что-то из этого можно использовать как оружие? Горислава пристально вглядывалась к кучу, прикидывая, как быстро она сможет к ней прыгнуть, и каковы ещё шансы против двух водяников и нескольких русалок...

...Нет. Против трёх водяников. Из источника в глубине пещеры вынырнул ещё один — огромное первых двух, вместе взятых. Его рыбы глаза остановились на Гориславе с Оюун — и он издал булькающий рык.

— Стоять, Самсон! — предводительница злых девочек подняла руку, и водяник замер, не сводя ненавидящего взгляда со змеинь. — Нравится? Это Самсон Игнатьевич. Гончар. У него когда-то была семья. Большая семья. Жена, два сына, и целых семеро дочерей. Любимых дочерей. Как ты думаешь, что с ними стало, степнячка?

Оюун молчала, а потому заговорила Горислава:

— Дай-ка угадаю. Змеи убили, и эта рыбина хочет отомстить нам, так?

Самсон негодуяюще взревел.

— А ты не настолько тупа, как кажешься, — злая девочка сощурила глаза. А ведь она действительно девочка. Подросток, даже младше Гориславы. — Змеи убили у него всех. Замучали. Воины твоего предка, степнячка. Скажи, зачем ты прошла сюда? Ты настолько глупа или умереть хочешь?

— Я пришла сюда, хранительницы вод, не за тем, чтобы устраивать с вами ссору, — сказала Оюун. Горислава отдала ей должное: та говорила уверенно и без страха. — Мой предок, Шоно Голодный Волк, пал под этими стенами. Я лишь желаю найти его останки или хотя бы его вещи, чтобы похоронить...

Русалка зло рассмеялась, остальные подхватили.

— С чего ты думаешь, что мы... Что нам вообще есть дело до того, что ты желаешь? Ты тут не гость, ты наш враг!

— Но я пришла с миром...

— Вы никогда не приходите с миром! Вы принесли нам столько бед и горя, что хватит бездну наполнить, и ещё через края перельётся! — выкрикнула одна из русалок. Её глаза сверкали.

— Вы — эдзены. Хранительницы вод, — Оюун смотрела на них с какими-то грустью и удивлением. — Вы перешагнули смертную черту и вернулись, чтобы стать чем-то большим, чем люди... Вы не должны держаться за вашу скорбь, иначе станете злобными духами...

— Ты ещё будешь говорить нам, что можно, а что нельзя! — фыркнула другая русалка. — Здесь наше царство и наши правила!

— Старшая сказала, что мы можем судить вас, просто должны помнить завет Богини, —

сказала другая. — Вот мы вас и судим. Ты, потомок Голодного Волка, раскаиваешься ли в прегрешениях своего предка?

— Мой предок был воином. Воины забирают жизни. В этом нет греха, — сказала Оюун твёрдо. — Ибо в мире духов мы все перерождаемся...

— Тогда, выходит, всех убивать можно? Потому что все переродятся? — фыркнула предводительница злых девочек. — Не раскаиваешься и не жалеешь — всё с тобой понятно... А ты, стриженная степнячка? Раскаиваешься?

— В чём? — мрачно спросила Горислава. — Я степи этой не нюхала и змеиной родиться не желала...

— Ты ворвалась в наш дом! — русалка ткнула в её сторону копьём.

— Вы сами меня сюда притащили! — огрызнулась Горислава. — Я просто защищала свою сестру. Где она, кстати? Где Купава, в третий раз спрашиваю?

— Старшая послала её на испытание, — нерешительно сказала одна из русалок.

— Молчи! — шикнула на неё предводительница.

— А вы развлечься решили, значит? — Горислава скрестила руки на груди. — Сто лет прожили, ума не нажили! Ладно, змеев вы ненавидите, ясно. Но их-то за что судить будете? — она махнула рукой в сторону монахов.

— За обман, — тихо сказала предводительница русалок. — Слышите, чернецы? Вы нас всех обманывали!

— Головы дурили, — гневно сказала подружка.

— Говорили, что Финист защитит, если веровать будем! — сжала кулаки другая. — Мы веровали, веровали до последнего, и что, защитил он нас? От проклятых змеев?!

— Финист спасает не тела, но души! — возразил брат Дорофей. — Вы...

— Мы отреклись от него — и мы живы, как видишь! — русалка развела руками. — И телом, и душой!

— Нет. Вы отреклись и стали мерзкой нежитью, — дрожащим голосом сказал Дорофей. — Навсегда проклятые...

— Довольно болтовни! — предводительница злых девочек махнула рукой. — А не то забудем, зачем здесь собрались. У меня есть для вас подарок!

Нож пролетел под воздухом и воткнулся в песчаную отмель. Дрянной, ржавый нож.

— Вас четверо. Только один уйдёт отсюда живым, — сказала русалка, зло прищурясь. — Откажетесь или попробуете сделать ещё какую-то глупость, Самсон с вами с удовольствием покончит. Что так тарацишься на меня, змеиня? Самсон-то никакими заветами не связан!

Огромная птица опустилась перед Купавой; порыв ветра от её крыльев был такой сильный, что русалка едва не упала на землю.

Нет, не птица это была. Точнее, не совсем. У неё была женская голова, огромная, как бочка; даже женская грудь была, впрочем, полностью покрытая перьями. Всё остальное было птичьим: и хвост, и крылья, и взрывшие землю когтистые лапы. Воронье перья с редкими вкраплениями тёмно-серого, стального, переливались под навьим солнцем. Чёрные, под стать перьям, волосы падали на плечи, перехваченные на лбу простым очельем. На Купаву смотрели глаза — тёмно-серые и грозные.

— Что ты ищешь в навьих лесах, дитя? — пророкотал царственный женский голос. — Убирайся. У тебя нет права здесь находиться.

— Я — дитя Богини, как и все русалки, — Купава очень старалась скрыть дрожь в голосе. — У меня есть... Это самое право здесь находиться. И я не пробуду здесь много времени. Мне просто нужно собрать...

Смех, похожий на карканье. Или карканье, похожее на смех.

— Право! Что ты сделала для того, чтобы получить это право? Умерла? Стала чем-то большим, чем безмозглая мавка? — голова женщины-птицы нависла над ней. — Внемли мне, ибо я — Глашатая Богини. Докажи, что достойна остаться в живых. Не быть разорванной на куски мной, здесь и сейчас. Твоей душе даже путь в навь искать не придётся — ты уже в навь... Ты должна отгадать мои загадки. Я загадываю загадку. Если ты её отгадываешь, то можешь загадать свою. Проигрывает тот, кто не сможет отгадать загадку. Если это буду я — я отпускаю тебя с миром. Если же это будешь ты — ты заплатишь жизнью. Готова, икринка? Или же развернёшься и уйдёшь?

— Не развернусь. Не уйду, — сказала Купава, хмурия брови. — Ответь мне только на один вопрос, Глашатая. Владычица Белояра. Старшая. Зачем тебе эти игры?

Чёрные крылья взвились, из глотки вырвалось яростное карканье — и Купава задохнулась, придавленная к земле огромной птичьей лапой. Бледное лицо склонилось над ней, чёрные волосы щекотнули щёку.

— Как? — уже не прокричала, прошипела Белояра.

«Никак», — подумала Купава. Просто... Пальцы. Пальцы Белояры, вцепившиеся в подлокотники трона, были удивительно похожи на птичьи лапы. Случайное сходство. Но было ещё это — «глупая икринка» через каждые три слова. Птица, наверное, называла бы её птенцом. И...

— Глаза. Они у вас не изменились, владычица, — сказала русалка, глядя в эти самые глаза. В которых застыла скорбь. Застыла и перегнила. — Вы ведь знаете, что загадки мне не отгадать, ведь я не помню смертную жизнь, и мудрости у меня как малька. Это не испытание, это казнь! За что вы так хотите меня убить?

Владычица наклонилась к самому лицу Купавы, словно поцеловать хотела. Её дыхание пахло болотом.

— Я помню богов, икринка. Тех, что сейчас называют Старыми. Я помню, как Жива поцеловала меня в лоб, даровав место среди своих слуг... В отличие от тебя, я помню! Я видела Богиню, бездну мудрости в её глазах! Я видела!! Всё видела! Что из этого можешь знать ты? — птичья лапа сжалась и подняла Купаву над землёй. — Что ты можешь знать?

Когда твои благодетели, великие владыки, умирают... Когда ты с сёстрами хранишь старый порядок, надеясь, что боги вернуться, ведь разве они могут умереть — они боги... Но они не возвращаются. Не возвращаются даже тогда, когда дикари заманивают в ловушку и убивают твоих сестёр. А в этом им помогают смертные, которым ты служила... Скажи, икринка, что ты можешь знать о моей боли?

— Ничего, Владычица Белояра, — сказала Купава, глядя ей в глаза. — Ничего знать не могу... Скорбь ваша глубже навьих рек — верю... Но я-то тут при чём?

— Ты посмела учить меня, как нужно толковать заветы Богини, причём перед всеми, — по-змеиному прошипела птица. — Меня, последнюю. Меня, которая до сих пор служит им, умершим, ушедшим, сбежавшим... Я всегда выполняла свой долг, как бы он ни был труден... Теперь у меня есть сёстры. И мы ждём.

В глазах женщины-птицы были равно смешаны скорбь и безумие. Старая русалка смотрела на молодую, и ненавидела её за то, что та посмела стать такой сама. Без наставницы, без той, кто укажет путь...

— Скажи только... Прошу... Это твой истинный облик? Почему крылья? Почему пти... — полузадушенно спросила Купава.

— Ты даже этого не знаешь! — фыркнула владычица. — Таков истинный облик русалок... Был во времена богов. Мы дети земли и воды, но способны подняться в небо, в облака... Были способны. Сейчас вы, мальки, потеряли этот дар вместе со знанием...

— Но почему... Чёрные?

— Глупая икринка. Ты спрашиваешь «почему?», но тебе нужно спросить «что это значит для меня?» — птица рассмеялась каркающим смехом. — Какой ответ ты дашь на эту загадку?

Купава нахмурилась. Ответ пришёл не сразу, но пришёл, прозвучал в ушах голосом ведьма-Параскевы: «Было у Матери-Земли две дочери: Жива и Морена, жизнь и смерть. Одна с улыбкой и белыми крыльями, другая — с оскалом и крыльями чёрными...».

— Вы больше не служите Живе, — сказала Купава. — Вы служите её сестре, Морене.

Птичья лапа сжалась ещё сильнее. «Она меня что, раздавить хочет?!»

— Я из лесного народа, икринка, который вы зовёте дивами. Мы рождаемся со светом в душе, но скорбь и боль превращают его в тьму... Я не смогла. Я поддалась скорби, когда сёстры мои погибли. И перья мои, волосы мои почернели сами собой, — голос Беляры дрогнул. — Жива, сестра моя, не простила мне этого. Она оставила меня... Не смей упрекать меня в предательстве, икринка! В своём сердце я не оставила её! Что с того, что теперь моя госпожа Морена — она тоже дочь Богини!!

— И это значит, что... Вы можете меня убить, не нарушая завета Живы, — выдавила Купава.

— Да. И я это сделаю. Даже не за то, что посмела меня учить. Глупость икринки, достойная порки, не смерти. А за то, что кумилась со змеями, за то, что нарушила заветы Богини. Таков мой долг.

Купава смотрела в глаза своей смерти, не моргая.

— Не изображай, что не боишься, икринка. Даже нежить боится смерти. Но я готова оставить тебе жизнь — если будешь молить меня, если отречёшься от...

— Нет.

В глазах женщины мелькнула ярость. Успела только мелькнуть, потому что облако тумана, напитавшееся мерзким полынным запахом, плотно обвило ей лицо, забило нос и рот

— вопль разнёсся по всей нави, а когтистые пальцы разжались.

«Сто лет прожила — а ума не нажила, — могла бы сказать ей Купава. — Загадки загадываешь, а мою разгадать не смогла. Не сообразила, почему я говорила с тобой, в глаза смотрела. Зубы твои заговаривала. Чтобы ты не заметила, как мой туман ползёт к пятну полыни, которую, на моё счастье, какая-то навья тварь поломала. Напитывается запахом, омерзительным для каждой русалки. Когда-то это прокатило у меня со смертными, живыми мужиками. Прокатит и с тобой, возомнившая себя богиней старуха!»

Могла бы — но трудно сказать много за пару ударов сердца, которые летишь на землю, а потом вскакиваешь на ноги — рёбра изрядно помяты когтями птицы-женщины, но нет времени на то, чтобы обращать внимание на боль — и бежишь. В тёмную, навью чашу.

Потому что за твоей спиной машет крыльями, отплёвываясь от едкого, вонючего тумана, кричит разъярённая женщина-птица.

«Выкуси, старая стерва!» — о, это чувство торжества было слаще медовых пряников.

Впрочем, причин торжествовать было не так уже и много. Да, он сбежала от сумасшедшей русалки, но куда?

«Самой бы знать», — тоскливо подумала Купава, оглядывая тёмный лес кругом. Как там говорил Карп Нилыч? Из огня да в подпол. Нет, в полымя. Смешное слово, на «полынь» похоже. Вот и тут: от желавшей её убить женщины-птицы — да в навью чашу, где, может, твари и пострашнее водятся.

Ну хоть голова при ней осталась. А ещё верный платок и свечка, которая во мраке вновь вспыхнула, озаряя морщинистые стволы деревьев. Купава подняла её над головой, силясь увидеть русалочки метки; не увидела. Уговаривая себя не впадать в уныние, русалка шла по едва заметной тропе туда, откуда пахло озером. До того, как птицы кинулась на неё, она всё-таки успела сорвать несколько цветков нужной (надеялась — нужной) травы. Если она сможет снова выйти на берег озера, или того, что заменяло его в нави, позвать Ульяну свечкой, и вернуться в город-Кит — может, ей удастся заставить безумную владычицу выполнить уговор? Одно дело — пытаться убить её без свидетелей, другое — показать свою сущность перед всеми. Это был единственный проблеск света в довольно-таки безнадёжной ситуации.

Запах воды привёл её не к озёрному берегу, а к широкой реке. Купава остановилась на берегу, раздумывая; идея лезть в чёрную недружелюбную воду ей не нравилась, но моста она не видела. Возможно, стоит идти дальше по берегу? Но в какую сторону...

За спиной раздался стон. Купава аж подпрыгнула. Казалось бы, что странного? Ты в навьем лесу, где бродят души мёртвых. Тут из каждого тёмного угла стонать должны. Но все навьи твари, которых русалка успела заметить и услышать, только пищали и шуршали, а тут человеческий голос.

Или того, что некогда было человеком. Сейчас он был больше похож на дерево: покоришневевшая кожа туго обтягивала кости, от одежды остались какие-то лохмотья. Коричневыми от ржавчины цепями он был прикован к подобию креста, сбитого из досок. В провалах глазниц горели даже не глаза — белёсые угольки.

Мертвец.

— Дева... О, прекрасная, юная дева... — бормотал он сквозь стоны. — Тебе не место в

этом лесу, в этой мгле. Но раз ты здесь... Помоги мне, прошу умоляю... Больно, так больно!

— Кто ты? — спросила Купава, сжимая свечу.

— Герасим меня зовут... Звали. Герасим Заячья Губа, — прохрипел мертвец. — Ничего не заячья... Просто шрам, но кому до этого дело есть? Как прозвали Зачьей Губой, так и остался... До самой смерти... Аааа...

— Я знаю, кто ты, — сказала Купава. — Тот самый, из истории про Град-Кит, кто...

Она осеклась. Ей не хотелось говорить в лицо этой несчастной страдающей душе, что в памяти людей он остался как грязный предатель.

— Кто всех предал? Змеев привёл? — всхлипнул Герасим. — Да, тот самый, тот самый! Им плевать, что я служил князю верой и правдой! Насмерть сражался... Но взяли меня змеи живым, и... Они хоть знают, каково это — когда тебя огнём пытаются? Дьяволы степные из огня тонкие-тонкие змейки вьют и заставляют их ползать у тебя по коже! ААаааа! — в коричневой плоти проступили огненные прожилки. — Больно! Больнооо! Хватит, хватит, хватит! — он извивался всем телом, а Купава приросла к земле, не зная, чего ей хочется больше: бежать прочь или кинуться на помощь. Но чем она может помочь мертвецу? Душе, которая так и не нашла покоя?

— Дева, дева, помоги мне! Дай воды! Дай хоть воды плоток! Залей это пламя, оно у меня всё нутро выелооо!

— Я... Сейчас, — Купава взмахнула платком. Туман сгустился над мертвецом густым, плотным обликом, и из него закапал дождик. — Вот так легче?

На мгновение мертвец замер — а потом продолжил извиваться, как червь на сковороде.

— Больно-больно-больно! Аааа! Воды мне дай, воды — в руках поднеси...

Капли, упавшие на покоричневевшую плоть, с шипением испарялись. Мертвец замер, обвиснув на своих цепях.

— Что же ты стоишь, дева? Жалости в вас нет... Ни в людях, ни в русалках... А ещё говорите, что Богине служите...

Купава хмыкнула, складывая руки на груди.

— Может, тебе действительно больно, — сказала она. — Только вот почему ты настаиваешь, чтобы я непременно подошла к тебе? Воды я тебе дала. Но ты даже не попытался поймать её губами! Ты пытаешься меня подманить поближе...

— А ты не совсем дура, — мертвец оскалил острые зубы. — Хоть и глаза тупенькие, как у коровы. Твари озёрные, считаете себя лучше меня, потому что вы такие беленькие да гладенькие, а я — мертвяк высохший? Только вот что вы сделали ради того чтобы стать такими?! Вы даже не особо мучались перед смертью!! Только вас Богиня поцеловала, а меня — пинком отшвырнула, как пса шелудивого!! Ыааа! — он снова начал рыдать, и снова Купава сдержала порыв броситься к нему. Плач оборвался резко, как отрезанный. Притворяется, значит.

— Всё-таки ты дура, — заключил Герасим, зло сверкая огоньками глаз. — Потому что подманивать тебя мне совсем не надо.

И прыгнул. Теперь не он прикован к кресту — крест к нему. Ржавые цепи, обматывавшие запястья, распутались — зажатые в высохших пальцах, они стали оружием. Купава едва успела отскочить, уворачиваясь от чудовища, но от хлестнувших по воздуху цепей увернуться не смогла. Одна всё-таки лизнула её ногу. Больно лизнула. Щиколотку как огнём обожгли — Купава взвыла на всю Навь. Она не успела ни встать, ни отползти в сторону — мертвец придавил её к земле.

— Что, тепло тебе, девица? Тепло тебе, красная? — прошептал рот, из которого пахло палёной плотью. — Сейчас я тебя согрею. Ай, славная трапеза будет у Герасима Заячьей Губы сегодня... Ааа! — изловчившись Купава ткнула его свечкой в бок. — Тварь!! — сжимавшие её руки вспыхнули огнём, и свечка выкатилась из пальцев, сразу потухнув. — Чувствуешь, да? — он орал, перекрикивая крик Купавы, — Вот что я чувствовал перед смертью! И никакая вонючая Богиня меня не защи... Ааааа!

«Что...» — в глазах стояло море слёз. Купава не сразу поняла, что её обидчик, мстительный мертвец, которого некогда звали Герасимом, в ужасе отползает назад и скулит, как побитый пёс.

— Нет... Нееет... Нет, нет, нет! — она вскочила и кинулась бежать. Его вопли ещё долго отдавались эхом в навьём лесу.

Купава смотрела ему вслед. Потом медленно повернула голову. В илистый берег вцепилась, распахав его когтями, гигантская лапа, покрытая тёмной, иссиня-зелёной чешуёй. Её обладатель нависал над Купавой, наполовину высунувшись из реки; у него было гибкое змеиное тело, но морда больше напоминала собачью, хоть и покрытую чешуёй. От пасти, которая легко перекусила бы Купаву пополам, свисали усы, как у сома, а на голове красовались рога. Острые костяные выступы шли вдоль хребта и торчали из подбородка, образуя подобие бороды. Янтарно-жёлтые глаза пристально изучали русалку.

Дрожащим голосом Купава выдавила:

— Вы — Шоно Голодный Волк?

Существо издало булькающий звук.

— Откуда ты знаешь, маленькая эдзен? — его голос был глубоким и бархатистым.

— Он.... — имя «Герасим», слишком человеческое для этой твари, застревало в горле, — Вас до смерти перепугался. Значит, вы змей. А ещё вы сразу посмотрели вот на это, — Купава подняла руку, показывая браслет Оюун, — как будто узнали. На нём знак вашего рода....

— Даааа... Откуда он у тебя? Ты дитя моего рода? Неужто мои дети настолько смешали кровь с сиверцами... Или же ты жена одного из моих потомков? Наложница?

— Нет, просто приятельница девушки из вашего рода, — вздохнула Купава. Она осторожно поднялась на ноги, не спускаясь глаз с Шоно-змея. Тот вроде на собирался нападать. Пока. — Её зовут Оюун, и она пришла искать сюда то, что.... Эмм...

— Что осталось от моего тела, — хриплый, грустный смешок вылетел из пасти змея. — А кем она мне приходится? Кузиной? Пра-пра-внучкой?

— Не знаю, — Купава развела руками. — Она говорила о себе просто как о потомке вашего рода.

— Значит, мой род уцелел, — змей прикрыл морщинистые веки. — Радость, которой я не заслужил. Спасибо, эдзен.

— Вам спасибо, — сказала Купава. — Извините.... Надо сразу было сказать... Спасибо, вы мне жизнь спасли. Он бы меня сожрал. Поджарил бы и сожрал...

Её начала бить запоздалая дрожь. Она только сейчас поняла, насколько близко к смерти ходила. Болела — не наступить — раненая нога. На запястьях, где вцепились пальцы мертвеца, краснели ожоги, рубашка прогорела насквозь.

— Не стоит, дева. Кто как не я его породил. А ты... Ты не из утонувшего в Белояре града. Иначе ты убежала бы или попробовала напасть. Откуда ты тогда? И как познакомилась с моим потомком?

Купава прикинула: успеет ли она убежать? Выходило, что успеет — вряд ли этот змей сможет преследовать её по суше. Но бежать было некуда. На поляне её ждала разъярённая Белояра, где-то в темноте — вечно голодный мертвец Герасим. И это наверняка малая толика чудищ, которая обитает в здешнем лесу. Змей Шоно на этом фоне выглядел едва ли не другом.

Поэтому Купава села на громадный корень, поёрзала, устраиваясь поудобнее — и начала рассказ.

Осознание, что эти злые девочки не просто поиздеваться над ними хотят, они хотят их убить, резануло Гориславу, как ножом. Она глубоко вздохнула, позволяя крови вскипеть. Внутренне пламя горело не в полную силу, словно ему что-то мешало — но всё равно сильнее, чем в темнице.

Только вот достаточно ли это, чтобы справиться с Самсоном? А ведь он не один. За спиной — ещё две грузные туши, два водяника. И трёх русалок сбрасывать со счетов не стоит.

Если только не...

Горислава бросила быстрый взгляд на Оюун. Может быть, у степной ведьмы есть пара тузов в рукаве, но она не боец. Если схватить нож и первым делом покончить с ней, то два монаха, один из которых — слепой, тем более не будут угрозой.

«О чём ты думаешь?! Ты ж никогда себя не простишь!» — взвизгнула совесть голосом, удивительно похожим на Купавин. И Горислава зло трянула головой, прогоняя подлые мысли. Она что, совсем от страха крышей поехала — играть по правилам трёх мёртвых стерв? Кто сказал, что они сдержат своё слово?!

И — да, она себя не простит. Не сможет стать витязем после такого. А без этой цели она просто бездомная дворняга.

Потом она заметила, что Оюун тоже на неё смотрит. Пристально. Оценивающе. Примеривается — куда ударит, когда схватит нож?

— Ну! — повелительно выкрикнула русалка. — Решайте!

Брат Дорофей бормотал молитвы. Слепец молчал. Горислава и Оюун смотрели друг на друга.

— Ну? — хрипло осведомилась Горислава. — Ты так и будешь стоять, степнячка? Хватай нож и нападай.

— Кем ты меня считаешь? — сказала Оюун. — Ну да, чудовищем... Только знай, пахарь, я не буду пытаться убить того, кто мне ничего не сделал. Хочешь драки — нападай первой.

Злая девочка громко фыркнула, зло, но вместе с тем как-то неуверенно.

— Я не нападу, — сказала Горислава. — Ты самоуверенная дура, которая затащила нас в ловушку, но смерти не заслужила.

Брат Дорофей коротко вскрикнул; Даниил вдруг оттолкнул его и бросился вперёд. Он упал на колени, нащупывая нож — и как он понял, куда русалки его метнули? По звуку? Или запаху?!

— Брат! — Дорофей подскочил к нему и схватил за плечо. — Опомнись! Убийство — грех, даже если это убийство змея... И ты не...

Даниил обернулся к чернецу. В его бельмах сверкнул отблеск огня. В то же мгновение нож по рукоятку вошёл в живот Дорофея.

Вскрикнули все, даже злые русалки. С языка Гориславы слетели самые паскудные и грязные ругательства, который она знала. Но прежде чем она успела метнуться к монаху, заломить ему руку, заставив выронить нож, тот ударил Дорофея ещё два раза.

— Ты что творишь, тварь? — рыкнула она. Дорофей корчился на влажной земле в луже собственной крови.

— За что... Брат?... — прохрипел он.

— Ты мне не брат, — выплюнул слепец сквозь зубы, тщетно пытаясь вырваться из рук Гориславы. — Ненавижу тебя! Ты всегда наслаждался этим, да? Что ты зрячий — а я слепой! Что меня даже в нужник нужно за руку водить! Добреньким себя чувствовал, да? Благодетелем?! Катись в пекло! Катись в пекло!! — он обвис в руках Гориславы, его крик превратился в стон. — Катитесь все в пекло... Все... Со своим Финистом... Со своими пустыми обещаниями... Обещали чудо, обещали исцеление, а что я получил? «Терпи, Финист посылает испытания тем, кого любит!» В пекло такую любовь...

Из слепых глаз катились слёзы. Гориславу передёрнуло от внезапного приступа отвращения — она оттолкнула Даниила; тот упал на колени, сотрясаясь от рыданий. Нож змеиня придавила сапогом на случай если иконописцу захочется добыть красной краски из кого-то ещё.

— Пытка... — прорыдал Даниил. — Ты хоть представляешь, какая это была пытка, брат?! Каждый день свет становится всё более тусклым, пока не пропадает совсем... Ночью я снова был зрячим — но это всегда оказывалось сном... Ты всегда говорил, что Финист посылает испытания по силам. Но знал ли ты, о чём говорил, брат? Ты заслужил это, за всю ложь...

Оюун склонилась над неподвижным Дорофеем.

— Мёртв, — сказала она. — Доволен ты, безумец?

Даниил всхлипывал.

— Теперь пути назад нет... — прошептал он. — Благодетельницы, озёрные девы, примите мою жертву. Я принёс вам в жертву вашего врага — монаха Финиста. Примите жертву, свершите чудо — верните зрение! Верите мои глаза!!

— Что... — кажется, все трое русалок были растеряны и даже испуганы, но их предводительница пыталась придать своему голосу уверенность. — Почему ты об этом просишь? Почему ты решил, что мы можем?

— Вы посылали мне сны, — прошептал слепец. — Яркие сны о местах и лицах, которые я никогда не видел. О Богине... Это был ваш знак, ведь так? Что я обрету исцеление, если найду вас...

— Что ты несёшь! Дурачина!! — предводительница русалок натужно рассмеялась. — Никто не посылал тебе видений, жалкий смертный. Давайте, продолжайте. Кто следующий? Кажется, у нас наметился победитель! — она ткнула пальцем в Гориславу. — Давай быстрее, эта игра мне уже наскучила.

«Игра», — произнесла одними губами Горислава. Она подняла нож. Жалкий кусок ржавого металла, ни в какое сравнение не идёт с её ножом, который она оставила на берегу Белояра.

Русалки за это заплатят. Они заплатят за всё. Здесь и сейчас.

Горислава прыгнула.

Глаза злой девочки округлились.

— Самсон!! — взвизгнула она. В последний момент Самсон успел закрыть русалку рукой — ржавый нож вонзился в неё. Он издал булькающий звук то ли удивления, то ли боли; в мутных рыбьих глазах загорелась ярость.

«По нраву тебе такая игра, тварь мелкая?» — хотела сказать Горислава. Хотела, но не успела — потому что водяник кинулся на неё. Эта огромная туша была ещё и быстрой!

«Какая разница».

Какая разница. Ведь она не надеется победить. Она надеется свернуть шею хоть одной из русалок прежде чем водяник сделает из неё лепёшку. Злые девочки не отпустят их живыми, как злой ребёнок не отпустит живой муху, которой отрывает лапки. Но Горислава — не беспомощная муха. Она умрёт на своих условиях.

Она умрёт. От ударов водяника Самсона трескался камень. Пока Гориславе удавалось уворачиваться от них. Пока. Она даже смогла пару раз ударить в ответ. Вооружённая только собственными, слабыми кулаками. Но причинила ли какой-то вред этой туше? Богиня знает.

Богиня. Она её не защитит. Никто не защитит. Кого сейчас видит перед собой Самсон? Тех змеев, что сожгли его дом? Перебили всю его семью?

«Остановись, дурак! Я ведь понимаю тебя как никто другой! Я тоже ненавижу змеев, ненавижу, как и ты... Я сама...»

Змей.

— Аргх!!!

Он всё-таки достал её. Не кулаком. Хвостом. Горислава кубарем покатила и врезалась в кучу церковной утвари, сваленной у стены. Смех русалок ударил даже больнее. Горислава силилась подняться, задаваясь вопросом, почему Самсон ещё не нанёс последний удар. Злые девочки его удерживали, чтобы продлить забаву подольше?

— Тоже мне! Не змеи, а черви! — кричали отдавались эхом их издевательские голоса.

— Вставай, — прошептал ей на ухо голос Оюун. Руки степнячки залезли Гориславе под рубашку, ощупывая живот и грудь. Зачем?...

Пальцы степнячки были такими горячими. И пламя внутри тела отозвалось, загораясь сильнее. Так вот что она может, степная ведьма...

— Вставай! Покажи им, на что мы способны! На что способен наш огонь! Мы не черви Мы...

«Нет никаких «мы», дура», — хотела сказать Горислава, но не стала тратить дыхание. Оперлась рукой на влажную землю — вода зашипела, испаряясь под её пальцами — и встала. Как раз за мгновение до того, как огромная серая туша обрушилась на них с Оюун. Не думая, только действуя, змеиня шагнула вперёд, закрывая собой степнячку — и рука водяника схватила её, подняла в воздух, как соломенную куклу. Самсон поднёс Гориславу к своему лицу, словно хотел запомнить её перед тем как разорвать на куски. В глазах водяника горели горе и ненависть — всё, что осталось от его разума.

— Да пошёл ты, — прохрипела Горислава. Она не заслужила этого, не заслужила умереть за грехи тех, кто давно потонул, тех, родство с кем она не выбирала. И сейчас она объяснит это озёрным мертвякам на языке, который они хорошо понимают — на языке огня. Пламя внутри билось, угрожая сжечь к чертям, если она не выпустит его — если не сожжёт кого-то другого. Жарче всего горел перемотанный тканью палец на левой руке — потому Горислава и ударила левой, даже не кулаком, а плашмя, влепив водянику пощёчину, как мать — провинившемуся ребёнку.

Того, что произошло дальше, она не ожидала. Вот честное слово — не ожидала. Что перевязка вспыхнет и сгорит, натуральным образом сгорит дотла, открывая угольно-чёрный ноготь, который уже отрос взамен отковырянного ей же самой. Не ожидала она и того, что этот ноготь будет окружён ореолом самого настоящего огня.

Теперь у неё было оружие лучше ржавого ножа.

Самсон взвыл. Он отшвырнул Гориславу, схватившись за обожжённое лицо — удивительно, но той удалось мягко приземлиться на ноги, только брызги воды в стороны

разлетелись. Ждать, пока он очухается, змеиня не стала — снова кинулась вперёд и ударила. Не так, как привыкла — не кулаком, а взмахнула рукой в воздухе, даже не коснувшись туши водяника. Огненный росчерк сверкнул, словно клинок, оставляя на брюхе водяника чёрный ожог и заставляя его завывать ещё громче. Обезумевший от боли и полуослепший, он как безумный замолотил кулаками и хвостом, куда мог достать, но Горислава успела метнуться в сторону и снова ударить. Снова огнём. Человек бы давно катался по земле, пытаясь затушить горящую одежду, но на Самсоне, увы, гореть было нечему. Гориславе оставалось только вот так метаться вокруг него, жаля, как безумный шершень. Мелкий и быстрый шершень...

— Слав! Захар!! Что вы стоите! Помогите ему! — визг русалки, прорвавшийся сквозь рёв Самсона. И Горислава едва успела отпрыгнуть, когда на неё кинулся ещё один водяник.

«Со спины. И трое на одну, — мелькнуло у неё в голове. — Нечестно».

Совершенно нечестно. Горислава не знала, как в руке у неё снова оказался ржавый нож — бросила Оюун? Или сама змеиня схватила, уклоняясь от очередного удара? Но в следующий момент она вспрыгнула на спину водяника и вонзила ему нож в то место, где у человека было горло. Пламя потекло по ножу вместе с её кровью — она со всей дури схватилась за лезвие... Снова вой, почему эти твари не могут быть немыми, как обычные рыбы...

...Вода обрушилась на неё, кажется, отовсюду. Её смыло, швырнуло на пол и прижало к нему как огромной влажной рукой; нож она удержала в руках, да и только. Из горла вырвался полный злобы крик. Она почти победила! Она должна была победить!! Эти проклятые русалки, эти трое...

...Четверо. В пещере стояла женщина. Именно женщина, не девочка — в коричневых волосах блестела седина, а в углах рта залегли морщины. Стояла — единственная. Все остальные лежали, и злые девочки, и Оюун, и водяники, придавленные к полу сияющими водяными змеями.

— Тётушка Осока! — пискнула одна из русалок. Кажется, предводительница злых девочек, но голос у неё был таким испуганным и дрожащим, что понять было трудно. — Слава Богине, вы пришли... Эти змеи...

Тётушка Осока только взглянула на неё, и русалка, всхлипнув, замолчала. Потом перевела взгляд зелёных глаз на Гориславу, и было в этом взгляде что-то такое, та сразу прекратила пытаться вырваться из хватки воды.

— Что. Здесь. Происходит? — спросила женщина спокойно. Очень-очень спокойно. Как мать спрашивает детей, которые, расшалившись, опрокинули целый горшок щей.

— Значит, наследница моего рода в руках эдзенов?! — взревел Шоно. Купаве казалось, что сейчас огромные зубы сомкнутся на её несчастном теле, но Шоно лишь нырнул в речку, обдав русалку брызгами. Сквозь тёмную воду было видно, как он носится там затаёнными кругами — а потом выскочил и звучно выпустил водяные струи из ноздрей.

— В Катае верят в то, что мы и весь наш род будут расплачиваться за грехи, если не в этой жизни, так в следующей, — сказал он. Никакого бешенства в его голосе, просто скорбь. — Наверное, мне пришло время платить по счетам.

— Но, может быть, мне удастся им помочь, — сказала Купава. — Если я смогу принести травы забвения и отдам её владычице перед всеми... Вы не поможете мне?

Шоно смотрел на неё... Странно.

— Дева, ты же понимаешь, с кем говоришь? — спросил он. — Со... Змеем.

— О, я далека от того, чтобы считать всех змеев чудовищами, — рассмеялась Купава.

— Зря, — он прикрыл морщинистые веки. — Если бы мы встретились с тобой, когда я был жив, ты бы уже давно молила меня подарить тебе смерть. Но я бы её тебе не дал. Я бы просто отдал тебя своим воинам, когда бы мне наскучили твои крики.

Это звучало так зловеще, что Купава зябко дёрнула плечами.

— Но сейчас вы не такой, правда ведь? Вы не выглядите злым, — честно сказала она. Ответом ей снова было долгое молчание. В конце концов Шоно сказал:

— Если хочешь, чтобы я тебе помог, садись ко мне на голову. Я отвезу тебя в одно место. Там ты найдёшь траву.

Он положил голову на берег, и Купава осторожно на неё влезла. Чешуя под ногами была холодная и скользкая, так что ей пришлось обеими руками взяться за рога. Шоно заскользил по реке, держа голову под водой.

— Скажи, что мешает мне сейчас нырнуть и утопить тебя? — вдруг спросил он.

— Я русалка. Я уже утонула один раз, второй раз не получится, — рассмеялась Купава.

— Тогда нырнуть, стряхнуть тебя с головы и просто перекусить пополам... Ты очень неосторожно доверилась мне, наивная малышка.

— Вам незачем меня обманывать — сожрать меня вы могли давно, вам для этого даже не понадобилось бы заманивать меня в ловушку, — сказала Купава, немного раздражённая, что её все почему-то считают наивной. — А если я что-то и понимаю в вас, змеях, вы весьма преданы семье. Я — ваша единственная надежда спасти Оюун. Зачем вам меня убивать?

— Месть. Жажда крови. Просто веселье, — перечислил Шоно.

— Тогда убейте уже, и дело с концом, — фыркнула Купава. — Только браслетом не подавитесь. Но вы ведь не собираетесь этого делать, так?

Шоно издал булькающий смех.

— Да, девочка, ты права. Смерть меняет человека. Не всегда в ту сторону, в которую он ожидает. Я не думал, что стану луном.

— Луной?

— Луном. Не знаю, как это звучит на вашем языке. Такие существа живут в Катае. Это мудрые и мирные духи рек и озёр...

— Как русалки?

— Не знаю. Я не был в Катае ни разу. Лишь слушал сказки рабынь оттуда... Скажи,

дева, почему я стал луном? Я не был мирным. Я не был добрым и мудрым. Я... Никого никогда не любил, дева. Ни свою жену. Ни наложниц. Лишь кровь. Почему я превратился не в упыря, а вот в такое существо? В духа, который должен быть добрым? Все мои соратники просто умерли... А я превратился, — тоскливо спросил Шоно.

— Не знаю. Может, кто-то любил вас очень сильно и молил богов о вашей душе, — сказала Купава первое, что пришло в голову. — Сиверские боги мертвы, а ваши, степные, ещё живы, ведь так?

— Может быть. Но я всё равно не заслужил. Когда я осознал, что стал духом, я хотел начать мстить. Я съел пару эдзенов, дева, таких же, как ты. Но не почувствовал ни наслаждения, ни удовлетворения. Я смотрел на своё отражение и вспоминал их. Сказки, в которых луны помогали героям... Но как я могу проявлять доброту и мудрость сейчас, когда при жизни её не знал?

— У нас в Сивере русалками тоже не от безгрешной жизни становятся, — сказала Купава. — Это скорее... Наказание и возможность искупления, — она сжала стеклянный браслет. Почему у неё так кольнуло сердце? Неужто оно помнило что-то? — И даже я вижу, что вы стараетесь. Вы проявили доброту ко мне, не правда ли? К том же вы говорите, что были злым и жестоким. Так что вам нужно просто думать о том, как вы бы поступили при жизни, и делать наоборот!

Лун замолчал, раздумывая. Купава тоже молчала, размышляя — является ли грехом такая вот успокаивающая болтовня. Ведь она просто сказала то, что собеседник хотел услышать. Что она понимала в грехах и искуплении? Она даже не знала, почему стала русалкой: потому что ей надо было что-то искупить или из-за желания вновь увидеть возлюбленного... Или просто потому что нитка её судьбы случайно запуталась, затянулась узелком, когда должна была оборваться.

В плотно сплетавшихся над головой ветках наметились просветы, в которые лился солнечный свет. Купава было залюбовалась им, но тут же вздрогнула и прижалась к голове луна: свет померк, когда над лесом скользнула огромная крылатая тень.

— Это она, — прошептала русалка в ужасе. — Владычица Белояра...

Конечно, глупо было ожидать, что старуха от неё отстанет, да ещё после случившегося. Русалка не знала, заметила её женщина-птица или нет, но знак был нехороший. Если они вновь встретятся, то птица уже не купится на её болтовню, убьёт на месте.

— Именно она держит моего потомка в плену? — спросил Шоно. — Если я разорву её на куски, это тебе поможет?

— А вы можете? — спросила Купава.

— Я могу попробовать, — сказал дракон с сомнением, и русалка поняла, что надежды нет.

— Надо придумать что-то другое... — пробормотала русалка. Мысли носили в голове перепуганными утками, и в руки попадались только какие-то бесполезные. Например, достать где-то колдовской меч и убить владычицу. Чушь полнейшая! Она и меч! Она умеет только лепить фигурки из тумана и болтать языком...

...Болтать языком. Купава закусил губу, стараясь не упустить вдруг сверкнувшую в голове идею. Она была безумной, совершенно безумной — и именно поэтому могла сработать. Русалка нащупала в растрепавшейся косе подаренные ей Гориславой ленты. И спросила:

— Сударь Шоно, вы можете притвориться злым? Очень-очень злым?

Усыпанный цветами луг выглядел настолько чуждо среди тёмного навьего леса, что казался ловушкой. Посередине лежал серый камень, в котором, в аккуратно выдолбленной нише, лежал кривой степной клинок, выщербленный и с пятнами ржавчины, и остатки доспехов, среди которых белели кости. Купава слезла на берег; трава успокаивающе защекотала босую ступню, словно говоря — чего ты такая напряжённая, на поляне же никого, и хлопанья гигантских крыльев не слышно, и никакая тень солнце не застит... Два шага русалка сделала по лугу, когда на камне появился, соткавшись из воздуха, тёмный силуэт: Владычица сидела, сложив чёрные крылья, и смотрела прямо на неё. Ох и недобрый был у неё взгляд.

— Твой трюк с полынью был подлым, — сказала Владычица. — Неужто ты думала, что так сможешь победить меня? Прими свою судьбу, икринка, или же можешь поиграть с ней в догонялки ещё. Но твои быстрые ноги и сладкий голосок тебя не спасут. Не спасёт и склизкий дружок, которого ты завела. Твоё противоестественное влечение к змеям воистину не знает границ... — чёрная птица скривила губы.

Шоно издал булькающее рычание, оскалив огромные зубы.

«Вы можете притвориться злым? Очень-очень злым?»

Наверное, более эффектно было бы, если бы он раскрыл пасть — но он не мог, потому что его вытянутая, похожая на собачью морда была перетянута лентой. Точнее, двумя — светло-зелёной и сине-зелёной, связанных вместе.

— Тихо! — прикрикнула на него Купава.

«Как ты до такого додумалась, девочка? Неужто это... может сработать?» — *«Я не уверена, но стоит попробовать».*

Лучшая ложь — та, в которую веришь сама. С того момента, как эта безумная идея пришла ей в голову, Купава заставляла себя в неё поверить. И, кажется, ей это удалось.

— Владычица, разве вы ещё не поняли? — сказала Купава, глядя на неё ясными глазами. — Таков дар, которым наделила меня Богиня. Приручать и подчинять себе змеев, — она положила руку на чешуйчатую морду Шоно. Тот ещё раз рыкнул и покорно склонился, прикрыв жёлтые глаза. — Вы считаете, что я дружу с ними. Нет. Я подчиняю их своей воле. Кто сказал, что врагов нужно непременно убивать? Почему их нельзя сделать нашими пленниками?

Шоно недовольно рыкнул под её рукой: кажется, идея даже понарошку изображать пленника совсем ему не нравилась.

— Что за чушь... — сказала владычица, но совсем неуверенно. — Ты говорила о змеине как о своей сестре, не как о пленнице...

— С чего я должна её унижать при всех? — пожала плечами Купава. — Да и когда я её «сестрой» зову, вопросов меньше задают. Если я несу чушь, то скажите, как я заставила двух змеинь плясать под свою дудку? Скажите, возможно ли, чтобы степная диаволица по своей воле стала сестрой русалки? — Купава усмехнулась. — Или чтобы чудище, в которое переродился Шоно Голодный Волк, позволило мне плавать на его голове. Перевязать морду лентой. Вы знаете змеев — и знаете, что я не вру.

Женщина-птица ошеломлённо молчала.

— Но если вы хотите убить меня за то, что я использую свой дар, я приму эту смерть, — Купава покорно склонила голову. — Я не хочу умирать, но вы правильно сказали — от вас мне не убежать. И лучше я приму смерть глядя в глаза Глашатай Богини, чем дрожащая и истекающая потом.

Несколько тягучих мгновений — а смерть всё не приходила.

— Значит... Я неправильно поняла тебя, икринка, — сказала наконец русалочья владычица. — Всё это время. Я не прошу прощения, но... Я позволю тебе и твоим пленницам уйти из моих владений живыми. Сестра с таким даром должна жить.

«Неужто поверила?!»

— Но с этим змеем ты должна покончить здесь и сейчас, — жёстко сказала женщина-птица. Шоно тревожно моргнул: мол, как теперь будешь выкручиваться?

— Я служу Живе, о владычица. Я убиваю только когда нужно защитить себя, и тем более не убиваю пленников, — сказала она. — Но я собираюсь избавит вас от него иным способом. Я смогла заставить... убедить его открыть мне, где покоится то, что осталось от его тела. Если я отдам это степной ведьме, то она сможет похоронить их по степным обычаям — и душа Шоно уйдёт, куда ей положено.

— Ты хочешь сказать — он переродится? После всего, что сделал? — птица зло скривила губы.

— При всём моём уважении, владычица, не нам решать, как должны быть наказаны души после смерти, — сказала Купава, понимая, что сейчас балансирует на опасной черте. — Но я уверена — вы понимаете, что змею не место в нашей нави. Пусть степные боги его судят. Я лишь исполняю свой долг.

Купава снова покорно склонила голову. Птица издала тяжёлый прерывистый вздох, и русалка поняла, что прощена.

— Что ж, дитя. Удивительно — но ты смогла убедить меня в том, что достойна, — сказала владычица, прикрывая морщинистые веки. — Богиня действительно одарила тебя. Учти только, что всё, что произошло между нами в этом лесу, здесь и останется. Иначе тебе снова придётся почувствовать мой гнев. Ты поняла меня?

«Не хочешь, чтобы я рассказала всем, как ты чихала и плевалась, когда я забила тебе весь нос полынным духом?» — мысленно фыркнула Купава, но вслух только сказала:

— Конечно, владычица Белояра.

И с облегчением вздохнула, когда порыв ветра от взмаха крыльев взъерошил её волосы; женщина-птица унеслась в небо. Лишь несколько чёрных перьев, кружась, упали среди белых цветов. Выждав для верности некоторое время, Купава подошла к Чоно и принялась снимать ленточку с его морды.

— Простите, — прошептала она, надеясь, что Белояра не спряталась в кустах и не подслушивает.

— Я понимаю. Это было унижительно, но что не потерпишь ради своего потомка, — лун издал булькающий смешок. — И ради того, чтобы тебе наконец-то даровали погребение.

Назад они плыли молча. Купава одной рукой держалась за рог луна, а другой прижимала к груди завёрнутые в остатки плаща останки Шоно. Река расширилась, перетекая в озеро. Когда из тумана показался знакомый причал, Купава сказала:

— Вот здесь, пожалуйста.

Она осторожно перелезла на причал, и обернулась к Шоно Голодному Волку. Нужно было что-то сказать, хоть что-то. Ведь они, скорее всего, никогда не увидятся. Купава не

ожидала, что на глаза у неё выступят слёзы.

— Спасибо за всё, — сказала она, шмыгая носом.

— Ты действительно думаешь, что погребение дарует мне перерождение? — спросил Шоно.

— Думаю, — Купава изловчилась, прижав объёмистый свёрток к груди одной рукой, другой вытерла слёзы. — Никто не заслужил...

— А я не знаю, хотел бы я этого, — сказал Шоно задумчиво. — Если это шанс искупить свои грехи — то я даже не начал. Первый раз я заставляю девушку плакать не потому, что сделал ей больно...

— Я в вас верю, — сказала Купава, улыбнувшись сквозь слёзы.

— Не поверила бы, если б знала меня при жизни, — жёстко сказал лун. — Ладно. Я не буду длить прощанье. Спасибо тебе за добрые слова, маленькая эдзен. Может быть, мы даже увидимся как-нибудь...

Одна из лент, которые Купава намотала на руку, соскользнула и повисла точно на драконьем роге. Подчиняясь сердечному порыву, русалка брякнула свёрток на доски причала, и, сев на колени, завязала ленту бантиком.

— Это вам на память, — сказала она. Лун фыркнул.

— Ты воистину не от мира сего, дева, — сказал он, скосив глаза в попытке разглядеть ленточку на своём роге. — Но пусть остаётся. Передавай привет моему потомку. И скажи, что если у меня будет выбор, я не буду перерождаться. Я останусь духом и буду сопровождать мой род... Прощай, странное дитя, — он склонил огромную усатую голову — и нырнул в глубину. Только светло-зелёная лента, привязанная к рогу, и мелькнула.

Купава вытерла слёзы рукавом. Посмотрела на прожжённую в нём дырку — там, где в неё вцепились руки Герасима Зачьей Губы — и сосредоточилась: ткань поплыла белым туманом, затягивая прореху, и скрывая ожог под ней. Только после этого русалка достала из-за пояса свечу — та вспыхнула знакомым белым пламенем, и вскоре стала видна лодка, скользящая к причалу сквозь туман.

Увидев, как блеснули рыжие волосы Ульяны, Купава расплылась в улыбке и замахала рукой.

— ...Горька!

— Сладко, — пробормотала Горислава. Глаза открывать не хотелось. — Дай поспать.

— Ладно, — что-то щекотнуло про щеке. Вестимо, кончик купавкиной косы. Горислава перевернулась на другой бок и попыталась заснуть, но что-то ей мешало. Какая-то мысль, которую она никак не могла поймать. Какой-то смутный сон, который забылся как только она проснулась.

Погодите-ка... Они с Купавкой вроде поссорились. Вот только из-за чего? Кажется, та снова хотела совершить что-то глупое, но Горислава не помнила, что. Попытки вспомнить разбудили её окончательно.

Купавы рядом уже не было. Снаружи вовсю сияло солнце; позёвывая, Горислава вышла из сарая для сена и зашагала к колодцу. Налегла на колодезный ворот, поморщилась от боли в рёбрах. Повернулась что ли во сне не так? Ощущение было такое, будто она с кем-то дралась.

«Жить будешь, — говорит русалка по имени Осока с некоторым сожалением. — Девочек я накажу так, что надолго запомнят. Это ж надо чего удумали... Впрочем, не виню их. Вы, змеи, убили у них всю семью».

Горислава только хмыкает в ответ. Ей плевать, что будет со злыми девочками — она не собирает их прощать. Ей плевать, сколько чужих грехов на неё навесят — она не собирает молить о прощении...

...Нет. Не может вспомнить. Наверное, что-то приснилось. Горислава поставила ведро на край колодца и ополоснула лицо холодной водой. Затем, как крапивой ужаленная, принялась нащупывать на поясе нож — и вздохнула с облегчением, нащупав. Погодите-ка, почему ей казалось, что она его потеряла? Что за дурацкий сон ей снился? И куда убежала Купава?!

«Если с сестрой что-то случилось, я убью вас всех. Закончу то, что начал Голодный Волк. Не в этой жизни, так в следующей. Обещаю», — это говорит она, голос хриплый от гнева. И насмешливый ответ матушки Осоки: «Слова истинного змея. Ты можешь носить сиверскую одёжку, но ты дочь своего отца».

— ...Говорите, потонул? — из попыток вспомнить сон Гориславу вырвали оживлённые голоса женщин неподалёку.

— Ага! Этого слепого опять к воде потянуло — Дорофей его пытался вытянуть, да сам... Тела так и не нашли. Ульяна всё рассказала — говорит, бросилась на помощь, но только Данилу и успела вытащить...

— Храни нас Финист! Страх-то какой!!

Даниил стоит на коленях перед русалкой Осокой, дрожа всем телом. Слова, слетающие с губ Осоки, холоднее любого льда: «Вернуть тебе зрение? С чего ты взял, что мы это можем? Даже если могли бы... Ты обычный убийца. Мы же служим богине жизни.

Тебе среди нас не место».

Горислава снова плеснула себе в лицо гость холодной воды, пытаясь избавиться от странного головокружения.

Даниил обнимает тело Дорофея и воет, как выла над телом дочери Макария — «Брат! Брат!! Прости, я не хотел! Проснись, проснись!».

Да что это такое! Голова трещит, как с похмелья, хоть вчера она не пила. Не пила ведь? Горислава потёрла лоб, и только тогда заметила, что на пальце, от которого она собственноручно отковыряла ноготь, нет повязки. Более того, сам угольно-чёрный коготь на месте!

Змеиня выругалась, поспешно сжав руку в кулак. Люди, которые толклись около колодца, посмотрели на неё неодобрительно, но Гориславе дела не было. Она зашагала прочь. Её смурная голова наконец-то вспомнила, что Купава собиралась сделать какую-то глупость в компании степнячки Оюун.

Значит, нужно было искать их обеих.

Нэргуй лежал на лавке в сумрачном домике Ульяны. Он был бледен, на повязке, перетягивающей его грудь, темнели пятна крови. Но дышал ровно и спокойно. Оюун стояла на коленях рядом с ним, сжав его руку и прижавшись к ней губами. Она бормотала что-то на своём языке — то ли заклинание, то ли молитву. То ли просто извинялась.

— Ты скажешь Владычице Белояре, что зелье на неё не подействовало? — тихо сказала Купава Ульяне. Та покачала головой.

— Как видишь, я бунтарка. Змею вот не дала сдохнуть. И промолчу о том, что степная ведьма вспомнила всё, стоило ей погреться у очага...

Оставив Оюун с Нэргуем, они вышли во двор и уселись на скамью с видом на курятник. Куры уютно и успокаивающе квохтали.

— Не нравится мне всё это, — сказала Ульяна, подаваясь вперёд и облачиваясь на собственные колени. — До чего мы дошли. Я как узнала, что девчонки с твоей сестрой чуть не сделали и с этой степнячкой, меня как ухватом огрели. Разве это угодно Богине?

— Сомневаюсь, — вздохнула Купава.

— Вот и я сомневаюсь. Ну ладно отомстить Шоно и его ублюдкам, сама их ненавижу. Ладно даже его детям. Но Оюун-то его пра-правнука какая-то, а твоя так вообще степи не нюхала.... Эх... — она откинула со лба медную прядь, — А ты нашла, что искала?

Купава ничего не ответила, сосредоточившись на попытках схватить пальцами ног соломинку. Затем спросила:

— А что вы будете делать со слепым?

— Даниилом-то? Ничего. Мне после того, что случилось, и видеть его лишний раз не охота. Зарезал своего поводыря, как свинью какую... С головой у него в не в порядке. Ты temu-то не переводы. Скажи, тебя действительно допустили в тайное святилище? И что ты там увидела?

Купава молча размотала ткань на запястье.

— Понятно, — сказала Ульяна с сочувствием, увидев, что поверх синяка по запястью Купавы идёт алая полоса. — Клятва молчания. Ты не можешь рассказать, иначе твоя рука начнёт гнить, и это убьёт тебя. Знаю. Сама такой ношу.

— Это было обязательно? Я бы и так никому не рассказала, — сказала Купава, пытаясь сдержать дрожь в голосе. Владычица Белояра холодно улыбнулась.

— Если так, то заклятье не причинит тебе вреда, — сказала она. — Ты не должна никому рассказывать, что увидишь в тайном святилище. И о нашем граде — тоже. А теперь иди; к Богине всегда входят в одиночестве.

Купава крепче сжала стеклянный браслет — и шагнула вперёд. Вход в святилище был в сырых пещерах под бывшей церковью, но склизкие ступени лестницы уходили ещё ниже. Волшебную свечку у неё отобрали, никакого другого источника света тут не было, так что Купаве пришлось идти в кромешной темноте, отчаянно цепляясь за стену, чтобы не поскользнуться и не упасть. До сего дня русалка была уверена, что отсутствие света её не пугает — на дне речки не больно-то светло даже днём — но сейчас она поняла, насколько ошибалась. Темнота змейёй обвивалась вокруг сердца, и то отчаянно вопило: бежать, бежать, бежать прочь! Назад к свету, к солнцу красному!! Но Купава только сжимала крепче стеклянный браслет, заставляя себя думать о том, ради кого она пошла на всё это. Ради кого рисковала жизнью сестры и своей собственной. Она не помнила его лица и имени, помнила только глаза — и то, как сладко-сладко сжималось сердце, когда их взгляды встречались.

— Я иду к тебе, — прошептала она в темноту. — Не важно, сколько железных ботинок я стопчу по дороге, я всё равно дойду... Дождись меня, любимый.

Ступеньки кончились неожиданно, превратившись в гладкий склон, и Купава только ойкнуть успела, прежде чем соскользнула в воду. Холодная и неподвижная вода словно была продолжением темноты, но пугала меньше — всё-таки это была родная стихия русалки. Подчиняясь чутью, она не стала пытаться выплыть, позволяя себе погружаться всё глубже и глубже, пока не увидела тусклый свет, который превратился в бесформенный белёсый силуэт. Сначала он показался Купаве кучей снега вроде тех что остаются весной в оврагах, но потом она поняла что это спящий лебедь. Причём огромный!

— Богиня Жива? — спросила она нерешительно. Лебедь пошевелился и вытащил голову из-под крыла. Голова была человеческая и женская, с нежными, мягкими чертами, и золотыми волосами; глаза Живы были зелёные, как свежая майская зелень. Богиня расправила крылья и потянулась, как самая настоящая птица.

— Дитя, — она не шевелила губами, но голос, юный и певучий, звучал у Купавы в голове, — приветствую тебя. Здесь, в утробе матери-земли, есть ответы на все вопросы. Но ты можешь задать только три. Один за Матерь-землю, другой за сестру-Жизнь, третий за сестру-Смерть. Спрашивай же.

Три вопроса! Всего три! У Купавы их было много тысяч. Действительно ли умерли боги? Если они умерли, то с кем она сейчас говорит? Существует ли Финист или его придумали южные священники? Как ёжики заводят детей, в конце концов, раз у них везде колючки?! Она глубоко вздохнула, заставляя себя успокоиться, и задала первый вопрос:

— Как мне вернуть память?

Птица прикрыла глаза, словно прислушиваясь к кому-то.

— Иди на полночь. Там, где сокол свил гнездо рядом с ласточкой, есть источник у

корней дуба. Глоток из него вернёт тебе память, — ответила наконец она.

Ох. Снова святилище. Она и этим-то по горло сыта. Сжав покрепче стеклянный браслет, она задала второй вопрос, желая и боясь услышать ответ:

— Где мне найти своего возлюбленного, живым или мёртвым?

Когда Богиня изрекла ответ, пальцы Купавы сами собой разжались, и рука бессильно повисла. Была бы она жива — её сердце просто разорвалось бы.

Но она была уже мертва.

— Куда теперь отправишься? — спросила Ульяна.

— Богиня указала, куда, — ответила Купава. Горислава будет счастлива. А может, и наоборот.

— Жаль, что ты не можешь остаться, — сказала Ульяна. — Ты вроде милая. И главное с головой дружишь.

Вот тут уже Купава не выдержала — расхохоталась.

— Я — и с головой дружу?! Ой, не могу! Насмешила! Я и при жизни-то с ней не дружила, судя по всему, и сейчас этому не научилась! — она игриво толкнула русалку в плечо.

— Ладно, это я перегнула палку, ты просто милая, — проворчала Ульяна. — А, привет, — она кивнула Оюун, которая вышла на порог.

— Могу я поговорить с Купавой наедине? — спросила степнячка.

— Наедине? А не многого ли ты просишь? — возмущённо спросила Ульяна. — Я твоего приятеля спасла, тебе кров дала, а ты ещё и...

— Пожалуйста, — Оюун поклонилась, сложив руки у груди.

— Ладно, говорите, — Ульяна махнула рукой и удалилась.

Оюун села на скамейку рядом с Купавой. Её лицо было серьёзным и усталым — насмешливую девочку как подменили.

— Я надеюсь, ты не ненавидишь меня за то, что я сделала, — сказала она. — Использовала тебя в своих интересах.

— Нет. Потому что я тоже использовала тебя в своих интересах. Мы обе гадины, потому что втянули в это Гориславу и Нэргую, — серьёзно сказала Купава. — Давай просто пообещаем друг другу, что больше не будем такими гадинами.

— Давай. Слава Умай, он выжил, и оправится, — вздохнула Оюун. — Его пламя горит ровно и сильно, я чувствую это.

— Он тоже может, как моя сестрица? Пальцами орехи колоть, синяки исцелять за одну ночь, и всё такое...

— У нет и пятой доли дара Гориславы, — сказала Оюун. — И всё равно он считается сильным. Я не знаю, кто был отцом твоей сестры, но надеюсь, что вам не придётся встретиться с ним на поле боя.

— Я надеюсь, нам вообще не придётся встречаться, — сказала Купава искренне. — Кстати, об отцах. Вот, — она вытащила из-под скамьи и протянула Оюун свёрток. — Тут клинок и кости Шоно Голодного Волка.

Степнячка приняла свёрток осторожно и нежно, как младенца.

— Ты видела его? Говорила с ним? — спросила она.

— Откуда ты...

— Просто угадала. Он стал неприкаянным духом, ведь так?

— Нет, он стал луном. Ну что-то вроде большой змеи, но морда похожа на собачью...

— Луном?! — ахнула Оюун, чуть не выронив свёрток. — Это... Невероятно! Конечно, у него мать была рабыней из Китая, но чтобы он превратился в... В... — она только тряхнула головой.

— Он сам был весьма удивлён, — сказала Купава.

— Ты не понимаешь. Луны — это почти боги. Мудрые и добрые существа, обитающие в реках.

— Говорю же, он сам удивлён. Но он старается быть добрым. Спас меня, — сказала Купава. — В Китае что, всё наоборот? Змеи спасают девиц, а не похищают?

— Судя по всему, да, — рассеянно сказала Оюун. — Это... Много меняет, я ещё не знаю, как, но меняет. Спасибо тебе за всё, речная эдзен. Не знаю, правда, как я могу тебя отблагодарить достойно.

— Достаточно просто «спасибо».

— Мило.

— Да я вообще милая.

— Не без этого. Если ты научишься как-то развлекать людей, например, танцевать, то у нас на рынке за такую рабыню отсыплют много серебра.

Купава подняла брови.

— Это на случай, если вам двоим срочно понадобятся деньги. А потом ты просто сбегаешь, и делите прибыль на двоих, — невозмутимо сказала Оюун.

— А ведь отличная идея, — расхохоталась Купава. — Правда, Горьке не понравится, но мне по душе!

— Кстати, о своей сестре, — лицо Оюун стало серьёзным. — Я начала говорить, но, кажется, ты не услышала. Она у тебя сильная, Купава, очень.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь, — Оюун покачала головой. — Видела её чёрный ноготь? Она с его помощью может создавать огонь. Сейчас редко кто из змеев так может. Правда, получилось у неё это только когда я усилила её пламя, но со временем она научится делать это сама.

— Так разве это плохо? Сможет костёр разжигать без возни с огнём.

— Это не плохо. Это прекрасно. Но опасно. Чем сильнее бушует наше пламя, тем больше вероятность сгореть в нём, — сказала Оюун. — Не в прямом смысле. Выгорит человеческое, останется лишь чешуйчатая тварь. Если ты действительно любишь сестру, береги её. Не позволяй ей ненавидеть или бояться себя, и сделай всё, чтобы ей было ради кого остаться человеком.

Звучало очень серьёзно. Купава пообещала себе непременно поразмыслить об этом после, а пока просто сказала:

— Спасибо, Оюун.

— Нашла себе новую сестрицу, погляжу? — язвительный голос Гориславы прозвучал мёдом для купавиных ушей. Её сестра перемахнула через плетень, игнорируя калитку; куры испуганно заквохтали. — Я тебя по всему посёлку ищу, а ты со степнячкой милуешься.

— Мы просто говорили, как достать деньги на ленты, — невозмутимо сказала Оюун. — И я пойду... Хотя погоди, у меня есть идея. Не одолжишь своей ножик, Горислава? — спросила степнячка, и ухмыльнулась, увидев, как сверкнули глаза змеини. — Раз не хочешь, у меня есть свой.

И Оюун, поморщившись от боли, отхватила ножом клочок своей косы.

— Держи, эдзен, — сказала она, бросив переплетённые чёрные волосы в руки Купаве. — Если тебе понадобится мой совет — дождись заката и брось несколько прядей в огонь. Обычно в это время я сижу у очага. Я услышу тебя. По нраву тебе мой дар?

— Очень даже! Спа...

— Не за что, — Оюун бросила лукавый взгляд на Гориславу. — Всё, можешь забирать свою сестру.

И скрылась в доме.

— Надеюсь, она не предлагала тебе продать себя в рабство, — проворчала Горислава, хмуро глядя ей вслед. Купава смотрела на сестру несколько мгновений — а потом бросилась ей на шею.

— Ты чего? Уже соскучилась, что ли? — поразилась Горислава. А Купава вспоминала, как Горислава обняла её в граде-Ките, чуть не задушила в объятиях.

«Ты больше не злишься на меня?» — спросила Купава, как только смогла вздохнуть. «Конечно, злюсь. Так бы и свернула тебе шею», — ответила ей Горислава и обняла ещё крепче.

«Сестрица, теперь ты всё, что у меня есть», — с болью подумала Купава. Потому что...

«Не ищи своего возлюбленного среди живых, — похоронным колоколом прозвенел в голове ответ Богини, — Он давно в холодных глубинах Нави».

Больше книг на сайте - Knigoed.net